

БОРИС

ЧЕЛЫШЕВ

В поисках
исчезающих
КНИГ

БОРИС ЧЕЛЫШЕВ

В поисках
исчезающих
КНИГ

КИШИНЕВ
КАРТА МОЛДОВЕНЯСКЭ
1990

ББК 76.11
Ч 41

Редактор Н. Антонова

4702010204—097
Ч ————— 104—90
М751(10)—90
ISBN 5—362—00479—4

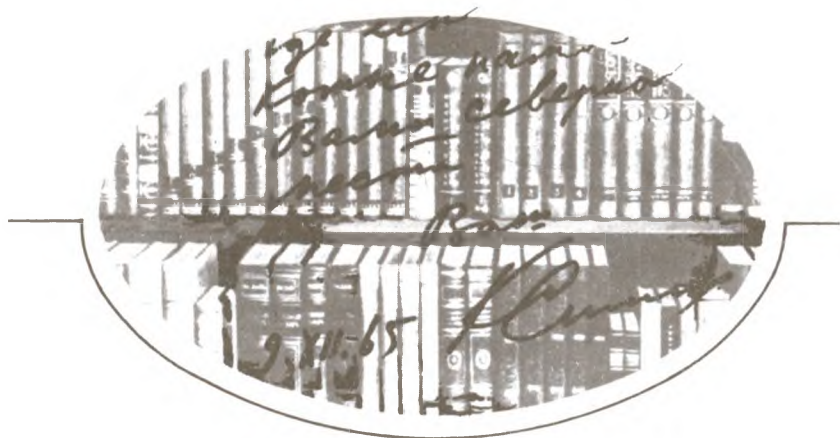
© Борис Чельшев, 1990.
Оформление. Татьяна Попеску, 1990.

Я не герой этих рассказов, а просто действующее лицо. Герой — Владимир Александрович Соломин, доцент пединститута, бывший летчик-истребитель. Вот уже сорок лет мы неразлучны, и я считаю его своим лучшим другом. Правда, мы с ним люди очень разные. Даже во многом противоположные. Я — лирик, мечтатель. Владимир Александрович — неисправимый реалист. Ему по душе жизнь в городе; меня же тянет к сельской тишине или в маленькие городки. Он во все углубляется, я — созерцаю, принимаю, как и многие люди, действительность не столько разумом, сколько чувством. В одном мы, пожалуй, едины — оба книголюбы. Но опять-таки, каждый на свой лад...

Я как-то задумался: к какой категории книголюбов его отнести? Пришел к выводу, что даже теоретики и историки книги не согласовали до конца суть своей терминологии: что отличает книголюбца от библиомана, этого — от книговеда, историка книги — от книжного следопыта, а всех их вместе от книгочея, книжного маньяка (встречаются и такие!). Уверен лишь в одном: мой друг без книги немислим. У меня и сейчас перед глазами картина: 1942 год, сталинградская завьюженная степь, он, двадцатилетний лейтенант, выбивает носком сапога из-под гусеницы обгорелого танка какую-то книгу. А когда демобилизовался, привез из-за границы два чемодана книг и больше ничего! Помню все его походы по букинистическим магазинам, поездки по деревням, покупку книг, обмена, в которых я принимал частенько участие.

Вот я и хочу познакомить вас с Владимиром Александровичем Соломиным.

Он и его фронтовые друзья

Застать Владимира Александровича дома не так-то легко. Утром на лекциях. А то просматривает новые поступления в библиотеке или в книжных магазинах. Или спешит от киоска к киоску — покупает нужные газеты, журналы. Бывает и так, что на два-три дня уезжает в Кишинев, в Одессу, работает в архиве или в историческом музее.

За долгие годы я привык к его неожиданным отъездам. А заодно и к беспорядку в квартире. Как и многие наивные люди, он прячет ключ под коврик перед дверью. Раньше он это делал, думая, что вернется жена. А теперь по привычке. Частенько я открываю квартиру, стираю со стола пыль, мою посуду — он складывает ее в раковину. Заодно читаю газеты, которых у него несметная масса. Из них он вырезает нужные статьи, особенно те, что относятся к истории Молдавии. Если накопилось много непрочитанных газет и журналов, то мне понятно: работает над срочным очерком для журнала.

Иногда мы заглянем к нему с женой. Приготовим обед. Сами поедем, ему на столе оставим. Непременно с шутилой запиской: «От Деда Мороза и Снегурочки!» Или: «Голодное брюхо к работе глухо!».

Когда-то не было у нас с ним ни кола, ни двора. Жили на окраине города, снимали на паях у одной старухи закуточек, похожий на сундук. Стены были оклеены аляповат-

тыми обоями, под которыми днем и ночью скреблись мышцы. В потолочную балку ввинчен могучий крюк. На нем висела наша общая «парадная» рубашка с уныло болтающимися рукавами. Ночью в темноте она мертвенно белела, и мне казалось — висит человек в петле. Смешно и жутко!

Ходили мы, студенты, каждый в свой институт. После лекций спешили на станцию или на пристань подработать. Два года щеголяли по-фронтовому — в шинелях и гимнастерках: не на что было купить мало-мальски приличную одежку. Но стойко выдерживали невзгоды.

Как-то я заметил: не надо было так вот сразу после войны демобилизоваться из армии, пережили бы трудное время, не нуждаясь. Он взглянул удивленно. Нахмурился. Сказал, что если в своей личной жизни виноват сам, то на других не сваливай вину. Запомни, мол, истину: вспоминать о прошлом — напрасная трата времени и сил! Я не сразу понял его. Он пояснил: война у нас почти по пять лет отняла; за это время можно было бы институт окончить. Потому торопиться надо! После такого резона я уже не жаловался на судьбу. Затянул потуже солдатский ремень на животе и еще усерднее стал вгрызаться в науку!..

А теперь вот стоит он озабоченный возле своих книжных полок. Я позади, наблюдаю. Наконец, спрашиваю:
— Что случилось?

Не оборачиваясь, Владимир Александрович поясняет:

— На сборище просили рассказать о книгах времен войны.

«Сборищем» он называет еженедельные собрания коллекционеров-филателистов. Не то что недолюбливал их, просто глядел на кропотливое собирательство марок, допотопных конвертов с удивлением: во имя чего этот пыл? Ну понятно — детишки разыгрались в картинки, куда ни шло! А эти — взрослые! Как-то сказал мне:

— Я понял бы того, кто изучает эти самые марки, спичечные коробки, этикетки. Пишет о них статьи, выступает с лекциями. В конце-концов, история страны отражается и в ее почтовых отправлениях. Но собирать ради того, чтоб встать в позу маленького Наполеона и заявить: у меня собрано больше, чем у тебя?! Недаром жены многих коллекционеров с иронией смотрят на подобные увлечения. Нет уж, избавь меня от такого потакания своим низменным инстинктам!

— Низменным?!

— А что, стяжательство ты считаешь благородным

достижением человечества? Принцип-то один: у меня есть, а у тебя — нет. Или: давай меняться — ты мне эту марку, а я тебе вот эту, да еще рубль в придачу, который жена на обед утром выдала! Мне иногда кажется, ненавидят они друг друга. Ведь такая зависть чаще всего порождает ненависть.

Я пожал плечами, чувствуя какую-то долю истины в его сарказме. И в то же время подумал: в нашем городе до трехсот филателистов, людей неглупых. Некоторые — интересные собеседники. Они искренне увлечены своим делом. В чем же тут психологическая извилина у самого-то Владимира Александровича? К тому же, если не признаешь их, зачем связываешься? К чему со своим уставом в чужой монастырь ходить? Не сдержавшись, спросил:

— Почему же сам заглядываешь к ним?

— Не ломай голову. За старые конверты иногда книги вымениваю.

— Выходит, потекаешь своим «низменным инстинктам»?!

Он засмеялся:

— Один — ноль в твою пользу. Согласен. Только из двух зол выбирай всегда меньшее. Получишь душевное спокойствие. Книги у них часто беспризорные. Как правило, коллекционеры ничего не читают. Днем на работе, а вечерами со своими марками да телевизором, с полузабытыми женами, детишками. А уж уткнутся в свои коллекции, так и не до книг. А мне, как ты знаешь, книги нужны не для купли-продажи, а для работы. Вот так-то.

Я знал, что сейчас у него идея: написать большую работу о миграции книг в Молдавии, вывести какие-то лишь ему ведомые закономерности.

— Что же, иди к филателистам. Только в такой ситуации ты бы лучше им об истории почты рассказал!

— В этом они сами в мой ворота сто голов забьют, — рассмеялся он. — Времени нет интересные издания для показа отобрать. Не поможешь? Видишь, тут на четырех стеллажах книги стоят по фамилии авторов; на этих двух — мемуары; на той, сверху, — по искусству и с автографами. А здесь вот — редкие и уникальные. Издания военных лет рассеяны между ними. Их не выделял. Работы часа на два. А сейчас в институт надо, в тульскую газету «Коммунар» срочно небольшой материал написать о моих встречах с секретарями Льва Толстого, газет два дня не просматривал...

Соломин был не из таких, кто мало делает, а больше

жалуется на недостаток времени. Я замечал, в основном причина нехватки времени у людей — неорганизованность. Человек хватается за то, что под руку попадет. День проходит в суете: в метании от одного к другому. И не дело, а именно суета рождает усталость. Правда, это свойственно больше домохозяйкам! У Владимира Александровича вошло в привычку с вечера намечать план работы на следующий день и неукоснительно следовать ему. Только что-нибудь особенное нарушает план. Вот тогда-то я по мере своих сил прихожу на помощь.

— Давай все с первой до последней полки пересмотрю. Выберу, что с войной связано.

Он просветлел:

— Будь другом, займись. Десяточек отложи в сторону, особенно то, что с Молдавией связано. А я сейчас в институт, лекцию прочитаю.

— Поезжай.

И вот я один. Полки уходят под самый потолок, на каждой где-то приютились нужные книги, брошюры военных лет. Почему все-таки не выделил их? Он не любит предаваться воспоминаниям о прошедшей войне. Не могу понять, почему? Заслуженный летчик, не раз был ранен, горел в самолете, наград, как говорится, «от глотки до пупа». Правда, я ни разу не видел на нем ордена и медали. Он относится к той категории людей, которые полными пригоршнями черпают больше из настоящей жизни, чем из воспоминаний. Потому и спешат. У таких нет времени оглядываться на свое прошлое. Особый психологический склад современного человека. Впрочем, он как-то сказал мне: «Когда смотрю на эти книги, на меня обрушивается шквал воспоминаний. Тут и Сибирь, и Кавказ, и Приазовье. Тут потери и находки! Сам, того и гляди, увязнешь в хаосе воспоминаний. А это расслабляет и отвлекает от работы. Сам себе потом противен делаешься».

Я начал с того стеллажа, где стояли у него редкие книги.

Альманахи пушкинской поры. Вот «Новоселье» 1833 года. Томик стихотворений Ивана Козлова с росписью цензора о том, что «к печати разрешается».

А вот два фолианта в грубых кожаных переплетах. На церковнославянском языке. Кажется, он привез их из глубокой тайги, нашел в заброшенных скитах. Тогда мы с ним жили в Новокузнецке. А эта, в мягкой обложке, засунута почему-то в полиэтиленовый пакет — рассказы Короленко, изданные в Берлине, на русском языке. Края обгорели. Странно... Отложу-ка и ее. Вернется, распрошу.

А вот эта, в бумажной обложке? Как он сберег ее!? Уж эту историю мне не нужно у него и расспрашивать — сам свидетелем был в 1943 году...

Наша разведэскадрилья перебазировалась тогда на один из полевых аэродромов Украины. Стояли на краю хутора, прилепившегося к отрогу оврага. Я приник к окну и смотрел, как стекают дождевые капли. На соломе вдоль стены лежали летчики, механики самолетов. У самого края, вытянув ноги, лежал он, заместитель командира эскадрильи старший лейтенант Соломин. Вчера выменял на пачку махорки у пехотного капитана небольшую книжечку из серии «Библиотека красноармейца» — рассказы А. Куприна. Теперь читает. Мы уже привыкли, что он набрасывается на каждую книжку, которая под руку попадет. Тут же проглатывает. Сначала посмеивались: лучше бы отсыпался вволю, не сегодня, так завтра соьбют! Он же отшучивался или сплевывал в сторону...

Соломин взял книжку себе. Берег. Она прошла с ним до Вены. И теперь я обнаружил ее на стеллаже. Сколько таких уцелело? Может, единицы? И у каждой своя судьба. История же этой книжицы известна пока ему да мне. Завтра о ней узнают еще с сотню коллекционеров-филателистов.

Так размышлял я, просматривая одну книгу за другой. Наткнулся на сборник «Родина», изданный в 1942 году.

А рука тянулась уже к книжке с кожаным корешком, явно дореволюционной. Вынул, прочитал заглавие: «Люди в воздухе». Это был сборник статей об авиаторах Блерио, Цепелине, Фармане. Издательство «Сотрудник», впервые встречаю такое. А вот штампы на титульном листе любопытны, особенно овальный — «Научно-литературное общество в Кишиневе». Ничего не говорящие надписи. Спрошу о книжке Соломина, когда вернется.

А вот и он. Вошел. Взглянул на пяток отобранных книг. Усмехнулся, покачал головой:

— Не густо. Ну ничего. Зато почитал кое-что? Я и сам, как возьмусь найти что-нибудь, глядь, а два-три часа, как минута, пролетят!

Владимир Александрович поставил на плитку воду для кофе. Я показал ему книжку о первых авиаторах. Спросил:

— Откуда она у тебя? И фамилия странная — Спатарель.

— Это, брат, целая история — считаю детективная, с загадочной фотографией.

— Расскажи.

Он пошел на кухню. Принес кофейник и, усевшись в кресло, сказал:

— Слушай детективную историю.

Рассказ о загадочной фотографии и редкой книге. Это было в Шахтах,— говорил Владимир Александрович.— Зашел я по делам во Дворец физкультуры и спорта. Вижу, невысокого роста юноша в модной куртке спрашивает у дежурного: «Скажите, Спендиаров еще не приходил?»— «Будет завтра в три»,— отвечает тот.

Я прислушался. Ведь Спендиаров — фамилия армянского композитора-классика. Может, однофамилец? Зайду-ка сам завтра, узнаю.

На следующий день к трем часам зашел во Дворец спорта. Когда уставшие пловцы поднялись по лесенкам и тренер собрался уходить, я остановил его.

— Простите, вы случайно не родственник композитора Спендиарова? — спрашиваю.

— Это мой отец. А что вас заинтересовало?

Идем по улице. Леонид Александрович рассказывает о своем отце, родственниках: «У меня,— говорит он,— остались кое-какие документы, фотографии. Я рад, что вы заинтересовались отцом. О нем здесь, к сожалению, мало кто знает. А он был дружен со многими великими писателями, художниками».

— Честно говоря,— сказал я,— сам не особенно осведомлен об этом. Слышал, что в Армении есть театр имени Спендиарова.

Владимир Александрович кивнул головой. Сказал:

— Расскажу тебе, сколько сам знаю. Александр Афанасьевич Спендиаров — один из видных представителей музыкальной культуры Армении. Родился он в Каховке, но детство провел в Симферополе. После окончания гимназии поступил в Московский университет. Но вскоре убедился: юридические науки, своды законов его не интересуют. Влечет к музыке. Ведь он с детских лет играл на фортепиано, около четырех лет занимался с Римским-Корсаковым. Вот и стал первоклассным композитором. Спендиаров писал музыку на стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, участвовал в домашних концертах, где выступали Стасов и Лядов; был в дружбе с Глазуновым, Аренским. А сколько знаменитых людей побывало у него в Крыму! Горький и Толстой, Шаляпин и Чехов просиживали часами на его домашних концертах...

— Дома,— продолжал Владимир Александрович,— сын

Спендиарова стал перебирать документы, книги отца. Но оказалось, что большая часть бумаг, фотоснимков находится у его сестры, Марины Александровны, которая живет в Москве.

— Вот, говорит, только альбом остался. Здесь есть фотографии отца.

Что же, перелистываю альбом Спендиаровых. Сам композитор; на пожелтевшей фотографии его дети. Еще несколько снимков. А это что за старик с пушистыми бакенбардами?

— Видимо, ваш дед? — спрашиваю Леонида Александровича.

— Нет, какой-то крупный музыкант или художник. Забыл, кто. Но знаю, что человек известный.

Снимок, повторяю, маленький, вытертый донельзя. В верхнем углу обозначено — «1898 г.»

Всматриваюсь в этот высокий лоб, благородную осанку старика, в ребенка, которого он держит на руках. Судя по выражению чуть прикрытых глаз, умному лбу, видно: человек незаурядный. Так кто же это?

Мы с Леонидом Александровичем поговорили о спорте, о музыке. Потом расстались. Я взял на время неизвестный снимок.

— И как же ты узнал, кто изображен на нем? — спросил я. — Не стал же просматривать монографии да альбомы о великих людях, сличать их портреты?

— Нет, не стал. Но меня осенила одна мысль, в сущности-то простая. Не выезжая из города, могу интересно поработать. Занялся я совсем необычным делом, Дмитрий Николаевич, стал перелистывать на досуге тома «Большой Советской Энциклопедии», а перед собой поставил фотоснимок старика. В энциклопедиях же масса портретов. Отберу, думаю, похожих. Так и установлю сходство. Так вот отобрал я пять претендентов: Алябьев, Аксаков, Ибсен, Айвазовский, Пирогов — все с бакенбардами. Отправился к Леониду Александровичу. Он и говорит мне:

— Подождите, подождите. Снимок же сделан в Феодосии, в доме моего деда. А дед — племянник Айвазовского. Так это же он, Айвазовский! Он бывал не раз у моего отца. Это и в воспоминаниях написано!

Я, конечно, заинтересовался: в каких воспоминаниях? А он отвечает: тех, что в ереванском музее. Выяснилось, что в Государственном музее, в Ереване, есть подлинная автобиография Спендиарова. В этот же день я написал в Ереван и попросил работников музея просмотреть автобиогра-

фию Спендиарова, выписать мне то, что в ней говорится об Айвазовском. Второе письмо с репродукцией портрета старика с ребенком отправил в Москву, в Третьяковскую галерею, с просьбой удостоверить, действительно ли на снимке Айвазовский.

Итак, Дмитрий Николаевич, через две недели я получил ответ из Еревана. Сотрудник музея Армении сообщил, что в автобиографии Спендиарова действительно есть упоминание об Айвазовском. Композитор писал, что с трехлетнего возраста он делал из бумаги, без всяких инструментов разных животных и птиц. А когда ему было лет шесть, его изделиями заинтересовался Айвазовский. Даже отобрал несколько, чтоб показать их в Академии художеств! А из Третьяковской галереи мне сообщили, что присланная фотография Айвазовского нигде еще не была опубликована.

— Слушай, Владимир Александрович, — сказал я, когда он закончил — все это в высшей степени интересно. Однако же вначале речь шла о каком-то Спатареле. Ему же принадлежала книга о первых авиаторах.

— Теперь слушай дальше. Мы интересовались Айвазовским. А ребенка-то на руках — забыли? Это не менее занимательная история. Выяснил я, что ребенок-то — будущий известный летчик, Константин Арцеулов. И что особенно любопытно, он жив и работает в Москве, в одном из центральных издательств — в Детгизе, художником. В первый же приезд в Москву я познакомился с ним. Потом переписывались. Обращался я к нему с вопросами об истории нашей авиации. Ведь он хорошо знал знаменитого Уточкина, спортсмена Ивана Заикина, когда тот приехал из Кишинева в Гатчинскую школу обучаться летному мастерству!

— А Спатарель? — перебил я.

— Прихожу как-то к Арцеулову. Встречаю у него генерала. Это и был Иван Константинович Спатарель. Он тогда расспрашивал меня о перспективной съемке во время Яско-Кишиневской операции. Помнишь, когда мы осваивали новую «качающуюся» установку? Дело в том, что генерал Спатарель служил в штабе Военно-Воздушных Сил. А до этого был в действующих частях еще во время империалистической войны; в Красной Армии командовал авиационными отрядами.

— И он как-то связан с Молдавией? — спросил я.

— Дело в том, что он уроженец Кишинева. В детстве, с двенадцати лет, работал тоже в Кишиневе, на кирпичном

заводе; здесь же позднее занимался в ремесленном училище. Вошел в ученический кружок РСДРП(б), распространял революционную литературу. Ну а книжечка «Люди в воздухе» была, как видно, в его личной библиотеке.

Владимир Александрович помолчал. И вдруг, вспомнив о чем-то, стал рыться на верхней полке. Вынул книжку.

— Вот посмотри, это куда ценнее, чем «Люди в воздухе» — первый русский журнал о воздухоплавателях.

Я раскрыл. Действительно, журнал. А по размеру, как обычная книжка. Половину первого листа занимала картинка — парящий в облаках воздушный шар. Чуть ниже — программа журнала: сообщение о новых изобретениях; состоянии воздухоплавания в разных странах, «анекдоты и приключения»; биографии, некрологи знаменитых воздухоплавателей.

— А где ты его достал? — спросил я.

— Без особого труда, — ответил Соломин. — Как-то иду возле букинистического магазина. Один приютился возле двери. Спрашивает меня: «Вас антикварные интересуют?» Словно догадался. И вот протягивает мне эту книжку. Я, разумеется, тут же купил. Ты посмотри журнал-то, а я пойду на кухню, свежий кофе сварю.

Я стал просматривать «Воздухоплаватель».

В переплетенных воедино номерах журнала рассказывалось об истории воздухоплавания. Автор не поставил своего имени, но было видно, что он участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Тут же я прочитал, что некоторое время он жил в Бессарабии. Не лишено любопытства такое его заявление: «Торопясь из Кишинева в Бухарест, я прибыл вечером 19 января 1878 г. на пограничную станцию Унгены. Поезда в Яссы пришлось бы ожидать до утра. Гостиницы в Унгенах не было. Сотня пассажиров размещалась в узкой и душной пассажирской комнате. Спали кто на полу, кто где попало. Узнав, что я тороплюсь, начальник этой станции, инженер Фрезе, любезно предложил мне воспользоваться дежурным локомотивом и сам лично провел меня от Унген в Яссы, 25 верст в 15 минут... Если быстрое движение в чистом воздухе на локомотиве придает человеку столько жизни, то сколько же должно быть жизненной силы в еще более быстром летании среди облаков. Мысль о воздухоплавании запала мне с того времени, и я принялся изучать метеорологию».

Листаю дальше. На страницах не раз упоминается Д. И. Менделеев. Сообщается, например, что он готовит к выпуску книгу «О воздухоплавании».

А вот рассказ об одном крестьянине из Харьковской губернии, Михаиле Тихоновиче Лаврентьеве. В 1874 году он впервые увидел в Харькове полет на воздушном шаре некоего Бюнеля. Распродал мужик свое имущество и в том же году построил сам воздушный шар! Причем, делал все своими руками и без помощников. «Никто не хотел верить, что можно пуститься в плавание (по воздушному океану, — Б. Ч.), устроенному русским мужиком», — говорится в статье. И все же шар Лаврентьева поднялся. А вот как он поднимался 2 сентября 1874 года над Одессой. Взял с собой в шар поручика Бессонова, редактора «Одесского листка» Навроцкого. Ветер дул в сторону залива. Через 20 минут полета аэронавты выбросили весь песок, взятый для балласта, скамейки, доску. Но шар снижался к волнам. Срезали и якорь, ведь нужно было подняться как можно выше, чтоб войти в противоположное воздушное течение, к одесскому берегу. К счастью, увидели землю! Приземлились в двадцати верстах от Одессы.

Иные заметки нельзя сейчас читать без улыбки. Один изобретатель предлагает сделать воздушный шар с махающими крылышками; другой придумывает парашют в виде перевернутого зонта, прыгает с ним и ломает кости; третий прицепил под шаром три лодки из ивовых прутьев, двое его пассажиров в момент подъема выпрыгнули, испугавшись, отчего шар подскочил и ринулся вверх, увлекая вопящего изобретателя! А один энтузиаст побоялся сам сесть в корзину воздушного шара и поместил туда козу, утку и петуха. Крестьянин из Тверской губернии изобрел машину — «Двигатель», даже вознаграждения за это не требовал. «Единственная надежда, встретить сочувствие к изобретению», — пишет он в заявлении в городскую думу.

Да, робкими были первые шаги наших воздухоплателей. Но из года в год крепче становились их ноги, увереннее продвигались они вперед.

Я так увлекся просмотром журнала, что не заметил, как вошел Владимир Александрович.

— Честно скажу, меня в этом журнале привлекает особенно молдавский материал. Журнал оказался в моих руках случайно, а вот поиск такого материала не должен быть случайностью. Представляешь, сколько таких книг, журналов в библиотеках Кишинева, Тирасполя, Бельц?! И что скрыто на их страницах. Да вот посмотри...

С этими словами он раскрыл портфель и вынул книжку.
— В городской библиотеке взял. Давно хотелось напи-

сать о ней статью, да все сама книга под руку не попадала. Во всех букинистических магазинах спрашивал — нет. А тут случайно попал.

Я держал в руках книгу «Воспоминания об охоте по Бессарабии. Сочинение К. К. Стамати (Бессарабяна). Одесса, в типографии Францова и Нитче, 1854 год».

— Как новенькая, а более ста двадцати лет!

— Новенькая и есть, даже листы не разрезаны! Только учти: автор не тот, о ком думаешь, Константин Стамати встречался в Кишиневе с Пушкиным, перевел на молдавский язык его «Кавказского пленника». А это его сын — Стамати-Чуря. Он служил в русских посольствах в Париже, Лондоне, Берлине. Написал несколько романов, интересную драму — «Смерть Лермонтова». Так вот я и обнаружил в библиотеке эту книгу. А тебе проблема: для чего в массовой городской библиотеке держат редкие дореволюционные издания? На руки их не выдают. Для престижа, что ли? Место на полках занимают. Не по себе становится, когда вижу книги, которые никто не видит, никто не читает. Говорят: особый фонд!

— Все равно, что живых людей в гроб заколачивать, — согласился я. — Книга живет для читателя, а не для вечного хранения в «золотых» да «особых» фондах! Но с другой стороны, если их раздать по рукам, то растащат, растреплют, зачитают! Где же выход?..

— Только один: сосредоточить в одном месте, сделать в крупных городах нечто в виде музея книги.

Мы некоторое время поговорили о редких книгах, их судьбе. Затем попрощались, договорившись встретиться завтра прямо на собрании филателистов.

В фойе сидели за столиками филателисты. По тому, как они обращались друг с другом, обменивались марками, рассматривали их через лупы, осторожно переворачивали пинцетами, было видно: дети одного семейства! На меня поначалу никто не обратил внимания. Только минуты через две стал вертеться человек средних лет. Набрался смелости, спросил вкрадчиво:

— Вы какую коллекцию собираете? Случаем не спортивную?

— Нет.

— Могу предложить марки с космонавтами. А по искусству не интересуетесь?

Он жалобными, овечьими глазами смотрел на меня.

— Если вам что будет нужно, поведем дружеский диалог. — Я — Валданов. Меня здесь все знают.

Видя, что «диалог» у нас не получился, он затанцевал к своему столику.

Появился Владимир Александрович. Он был на голову выше всех, и потому его сразу заметили. Выделялся и тем, что припадал на правую ногу: сбили его под Кагулом в воздушном бою, были поломаны два ребра и нога. Кость срослась, но с той поры ходит чуть косо. В госпитале не задержался. Догнал нас в Югославии. Снова стал летать. И прилипла тогда к нему кличка «Косой». Только и слышишь в эфире: «Косой, в хвосте «мессер»!, «Веди, Косой, своих в облаках!» На кличку не обижался. Иногда отшучивался: окосел, мол, по милости Гитлера. Или называл хромому прямо: «подарок Гитлера»!

Филателисты тут же окружили Соломина. Первым, как заведенный чертик, подскочил Валданов.

— Владимир Александрович, вы не забыли меня? Наш диалог?

— Диалога, Валданов, вести с тобой не собираюсь.

Тот не осердился. Задумчиво поморгал белесыми ресницами и оттопырил нижнюю, как у сома, губу:

— Владимир Александрович,— клянчил он,— у меня две редкие книжки на обмен есть...

— Сдай в букинистический.

Странно, подумал я, он же всегда вежливый, тактичный. А тут такой тон. Правда, я иногда замечал за ним не то, что холодность к некоторым собеседникам, а неприятие их. Как-то сказал ему об этом. Но он отмахнулся: с обычными людьми говори обычным языком; с прохвостом — по-прохвостски. Скорее, мол, поймет!

Председатель уже объявил:

— Товарищи, внимание! У нас в гостях ученый-книголюб Владимир Александрович Соломин. Он расскажет о редких изданиях своей богатой коллекции.

Филателистический улей медленно утихал. Рассаживались, кто за столики, а кто прямо на подоконники.

Соломин ушел в себя, словно актер, когда входит в роль, перевоплощается. Его минутное молчание родило полную тишину.

— Я, друзья мои, пришел не один. Со мною три книги. Да, да, всего-навсего три. Но что такое три книги? Это — три увлекательнейшие истории, три жизни.

Он говорил задумчиво, даже излишне тихо, словно сам с собою. Но постепенно голос становился тверже. И вот он уже шагнул из-за стола. Жестом руки, кивком головы, то хмурым, то веселым взглядом забирал в плен аудиторию.

— По внешнему виду, — рассказывал Соломин, — книги, может быть, все одинаковы, как и рождающиеся дети. Но не следует путать два понятия: схожесть и одинаковость. Кроме того, я говорю не о детстве книги, не о схожести переплетов, или заголовков или о корешке с золотым обрезом. Говорю о жизни книги. Вот вам эпизод из жизни одного экземпляра.

На улице Льва Толстого в Кишиневе ремонтировали дом. Возле тротуара — кучи мусора: старая штукатурка, битые изразцы, рваная бумага. Мимо шла жительница города, Людмила Петровна Литвинова. Видит: валяется пачка старых брошюр, перевязанная истлевшим шпагатом. Подобрала, смахнула пыль. Прочитала на обложке верхней книжки:

«Библиотека освободительного движения. Выпуск 3-й. Тайные общества и проекты переустройства России в первой четверти XIX века. Выпуск 4-й — заговор декабристов».

Брошюры были выпущены в 1907 году бесплатным приложением к газете «Биржевые ведомости»!

Людмила Петровна перелистала книжки. В некоторых рассказывалось о Кишиневе, Бендерах. Завернула свою находку в газету, а потом при случае передала мне. Я познакомился с брошюрами, определил, что они очень редкие, возможно уникальные, то есть сохранившиеся в единственном экземпляре. Здесь были книжечки серии «Политическая библиотека», два сборника революционных песен. Причем в одном из них — стихотворения Горького.

Как же попали книжки в кучу мусора? Я пошел на улицу Льва Толстого, разыскал дом, где производился ремонт, хозяйку. Она — рабочая ОТК Кишиневского завода «Кожгалантерея» Анна Павловна Чугут. Рассказала, что книжки еще во время румынской оккупации Бессарабии привез и спрятал ее дядя, Афанасий Терентьевич Сильвестру. До воссоединения Бессарабии с Молдавией он распространял нелегальную литературу. Не раз уходил в подполье, скрывался. В 1937—1938 годах Сильвестру приехал к сестре в Кишинев, привез с собой подпольные брошюры. Но агенты румынской сигуранцы выследили его. Афанасия Терентьевича арестовали. «Видно, мой дядя и спрятал эти книжки в нашем доме, а где — мы не знали, — сказала Анна Павловна. — Теперь при ремонте дома их не заметили и выбросили вместе с мусором».

Я связался с библиотекой им. В. И. Ленина в Москве. Мне ответили, что книжки очень редкие, представляют музейную ценность. Тогда я и отправил им в подарок. Одну

брошюру оставил себе. Вот вам и путешествие одной небольшой книжечки, ее личная судьба!

Потом Соломина окружили. Прощались. Давали номера телефонов, говорили о книгах. К одному он проявил особенное внимание, даже отшел к окну. Что-то записал в своем блокноте. До меня доходили только обрывки фраз: «Сам Симонов...», «...так это о нем!?».

Когда уходили, я придержал его за локоть:

— И впечатление же ты произвел. Особенно книгой Симонова. Даже Валданов тебе головой кивает, видишь?

— Он не мне кивает. Вон того парнишку, что у окна, к себе подманивает. Сейчас всучит ему пригоршню дрянных марок за фронтовую отцовскую медаль или прямо за наличные. Видишь, как кот, облизывается. Свой «диалог» вести готовится! Душить таких надо при рождении — разлагают любое хорошее дело, тех же коллекционеров!

Он явно был в раздражении, я это понимал. И причиной всего скорее этот Валданов. Возможно, раздражение обострило и его взгляд на филателистов. До этого они представлялись ему большими детьми, что с увлечением играют в фантики. А сейчас он видит в них всего-навсего культурных стяжателей. И я уже вслух продолжил свою мысль:

— А ты к ним, вижу, привык. Ведь есть же среди них и хорошие, не все же валдановы.

— Во-первых, не привык, а свыкся — разница большая. А во-вторых, и среди бандитов есть хорошие: ограбят, а не убьют, с миром отпустят.

— Ну это уж слишком. Опять желчь заговорила?

Я уже привык к его неумеренной категоричности и резкости, граничащей с оскорблением. Когда-то, на заре нашей дружбы, пытался разобраться в своих противоречивых чувствах к нему. Потом понял простую истину: как часто хотим мы непременно разобраться в том или ином человеке. А его просто-напросто не надо ни осуждать, ни возвышать. Принимать таким, какой он есть: со всеми странностями, сильными и слабыми сторонами. Прими таким, каков есть, или отойди!

Вот и мне поначалу казалось, Соломин — неврастеник. Легко возбуждается, выходит из себя по пустякам; может ни с того ни с сего вспылить, обругать, нагрубить. Это при том, что скромен и застенчив! Но может ли неврастеник вот так, как он, часами работать, не уставая? Может ли, сосредоточив всю силу своего разума, распутывать следы забытой всеми книги? И в конце-то концов, может ли детектив (пусть даже и книжный следопыт!) быть неврастени-

ком, когда нужно абсолютное спокойствие, охлажденный ум? А не есть ли это просто повышенная возбудимость? Почему мы легко возбуждающегося человека спешим записать непременно в неврастеники?

Шли задумавшись.

— Валданов не так уж и страшен. Скорее смешон, — продолжал Владимир Александрович. — Просто мелкий прохвост. Его при второй или третьей встрече легко раскусишь. К тому же он, как любой эмоциональный, но жадный человек, стремится получить от жизни все: обобрать друга, завести любовницу, всучить знакомому какую-нибудь дрянь. Причем все сразу, не медля! Такие привыкают только брать, но не хотят давать. Их поймешь быстро хотя бы потому, что они спешат, торопятся и не успевают контролировать разумом свои стихийные поступки. Кстати, ты не заметил одной общей черты, которая объединяет не только филателистов, но и коллекционеров вообще?

Я пожал плечами.

— Дело в том, что каждая интересная марка, старый конверт достаются им не так уж легко, как и мне редкая книга. Приходится искать, выпрашивать, обменивать, идти на расходы лишь бы заполучить то, чего нет у другого. Так и рождается радость обладания — чувство, присущее каждому коллекционеру. Причем, радость эта действительная, не придуманная. Радость, которую получаешь как плату за труд и жертву! Но у радости обладания есть и вторая сторона — скупость, ажиотаж, собственничество. Они — как бы следствие обладания.

— И что же, преследовать коллекционеров, как азартных игроков?

— Я лично в целях воспитания в человеке благородства, широты натуры истребил бы почти всех этих «марочников».

— Да ты в своем уме?!

— Нет, нет, не пугайся. Стрелять и вешать не стал бы. Бескровным методом.

— Любопытно, как?

— Помнишь, ты мне рассказывал: Наполеон, прежде чем идти на Россию, завез к нам огромную массу фальшивых денег. От этого настоящие деньги обесценились. Вовсе не потому, что появились фальшивые, а оттого, что денег стало много — избыток! Так же поступил и Емельян Пугачев, приказав стрелять по крепостям медными пятаками! Будь моя воля, я выпускал бы столько марок, чтоб все коллекционеры потеряли бы к ним интерес. Иначе говоря, лишил бы их самого главного — труда приобретения.

И потому свел бы на нет радость обладания.

Я не стал вникать дальше в идею подрыва филателистов и перевел разговор на другое:

— Ну а чем тебя заинтересовал тот, пожилой, с орденскими планками? Ты его к окну отводил.

— Коцур. Это фронтовик, бывший летчик. Василий Антонович не раз устраивал мне встречи с книголюбями. А на этот раз он сообщил адрес одного любопытного полковника в Кишиневе. Надо проверить. Приду и займусь.

— Кстати, а почему ты не рассказал о маленькой книжечке из «Библиотечки «Красноармейца». Я же ее специально отложил?

— Времени не было. Они сошлись не столько меня слушать, сколько марочными делами заниматься. Убыток для них небольшой, что не рассказал. Мы не осознаем одной беды: навязываем любому свое излюбленное, выстраданное. Нам кажется, все поголовно должны это знать, делать только по-нашему. Иначе, мол, и жизнь остановится, человечество во тьме погрязнет! Горячимся, доказываем, убеждаем. И не замечаем: слушают-то наши излияния из вежливости или простого любопытства. Сам ты горишь, а никого не зажигаешь!

И вдруг без паузы перешел на другое:

— Съездим к этому полковнику в Кишинев, если сведения Коцура окажутся достоверными?

— Впервой что ли. Съездим...

Я шел и думал: жаль все же, что не рассказал о той маленькой книжечке. Ведь история ее так интересна. Я помнил ее хорошо, все происходило на моих глазах...

Одинокий дом на окраине Кишинева. Как древний старик, он врос в землю и, кажется, жил лишь ее соками. За домом в огороде чучело — старая рубаха на крестовине, а на «голове» — ржавая немецкая каска: совсем как перевернутый горшок!

Я иногда бывал у Ивана Никаноровича. А однажды заглянул и с Владимиром Александровичем. Здесь ни к чему не прикасалась женская рука. Железная койка, небрежно прикрытая взбугрившимся одеялом; грубо сколоченный стол. Дряхлый шкаф служил одновременно и буфетом. На стене выцветшая фотография солдата. Ею почему-то и заинтересовался Владимир Александрович. Спросил:

— Сын?

— Уж понимаете, как хотите,— сказал старик.

Неопределенный ответ явно требовал пояснения. И словоохотливый Иван Никанорович тут же рассказал.

В дом его внесли раненого. Сказали, чтоб сдал в ближайший госпиталь, Но Иван Никанорович решил сам выходить солдата — рана пустяковая, только крови много потерял. Пошел в госпиталь, там солдата поставили на учет и разрешили выхаживать дома. Незаметно привязался старик в солдату, полюбил, как родного. Поздними вечерами рассказывал Василий Поликарпов о Минусинске, о Шушенском, где он работал до войны шофером рейсового автобуса.

Вылечился солдат, решил догнать свою часть. Пообещал:

— Жив буду, обязательно приеду в Кишинев. Ну а убьют — не обессудь.

И ушел. Оставил Ивану Никаноровичу свою фотографию, несколько маленьких книжек. А на чучело в огороде водрузил немецкую каску. Долго ждал старик писем и с фронта, и из сибирского села Тесинского. Но, видно, не судьба...

Сколько слышали мы с Владимиром Александровичем таких вот рассказов!

Потом хозяин достал из шкафа книжечку. Вспомнилось мне, на фронте такие бывали у каждого бойца. Маленькие, неприметные, они хранились у кого в кармане гимнастерки, у кого в вещмешке.

То ли от времени, то ли от плохого качества бумаги пожелтели страницы, заржавела скрепляющая листы скобка. Сверху — воззвание тех грозных лет: «Смерть немецким оккупантам!» Чуть ниже — картинка: рвущиеся в бой советские солдаты. Заглавие «Сила храбрых». В книжке восемь очерков о подвигах наших пехотинцев: «Солдатская слава» Константина Симонова, рассказы Алексея Суркова, Бориса Полевого, Вадима Кожевникова. Других писателей-фронтовиков.

Иван Никанорович передал нам свою реликвию. Сказал:

— Не нужна мне, помру скоро. А вы молодые, с образованием. Не пропадать же книжке — войну прошла.

Брошюрка не только не пропала, но и задала Владимиру Александровичу немало работы. Он что-то разыскивал об ее издании, но как будто не особенно удачно. Помню, написал Константину Симонову, получил от него ответ. Тот сообщил, что очерк «Солдатская слава» он написал в 1942 году, а книжечка «Сила храбрых» вышла в свет в 1943-м. Потом, несколько позднее, он встречался в Москве с самим писателем. Симонов дал ему тогда автограф, написал размашисто на первой странице между текстом и картинкой — «Константин Симонов, 1942—1969».

На следующий день Владимир Александрович позвонил:

— Приходи, если свободен. Есть кое-что интересное.

Увидев в раковине с полдюжины чашек с остатками кофе, я понял: ночью мой друг работал. Об этом же говорили книги Симонова: они лежали на подоконнике, на стуле, на краю стола. Тут же — вырезки из старых газет.

— Представляешь, — встретил меня Владимир Александрович, — мы с тобой живем-поживаем тихо, спокойно и ничего не ведаем. А под боком удивительнейший человек!

— Кишиневский полковник?

— Он самый. Я пересмотрел все фронтовые очерки Симонова и нашел кое-что любопытное.

Владимир Александрович подошел к разложенной на диване географической карте.

— Здесь всхолмленное плоскогорье, — указал он. — Обрывается оно прямо в Ледовитый океан. Вот видишь, полуострова Рыбачий и Средний? Во время Отечественной войны немцы не могли их занять. Потому на этих пятачках наши держали под контролем вход в Кольский залив, прикрывали Мурманск. Немцы пытались взять полуострова, посылали горных егерей, отборные части. Все напрасно! А отряды наших бойцов уходили отсюда в тыл врага, минировали дороги, сжигали автомашины. Гитлер 22 сентября 1941 года отдал своим войскам приказ, чтоб до наступления зимних холодов захватили Рыбачий полуостров и 23-й советский укрепрайон. Но ничего у них из этого не вышло.

— При чем же здесь кишиневский полковник?

— Он тогда был майором, командовал пограничным отрядом на Рыбачьем. Вот я прочитаю тебе о нем из очерка Симонова:

«И раньше, и позже мне редко приходилось встречать людей, похожих на этого своеобразного человека. Очень большой, грузный, уже немолодой, лет сорока пяти с виду, седеющий человек с большими руками, с большими и широким загорелым лицом... Он был очень гостеприимен, но совсем по-особому. На столе у него всегда лежало несколько пачек папирос. На полке стояла бутылка со спиртом. И невозможно было отказаться закурить или выпить, так настойчиво и с таким добродушием и хлебосольством он угощал. Разливал спирт он сам своей хозяйской рукой по кружкам, а себе ставил самую большую синюю эмалированную. Но когда потом начинали чокаться, выяснялось, что майор чокался молоком, потому что сам ничего другого не пьет. Да вдобавок и не курит».

Владимир Александрович отложил книгу.

— Едем к нему в Кишинев. Пусть все, что помнит, расскажет. Уверен, что у него и книга с автографом Симонова есть. Адрес я вчера узнал.

Кишинев. Дом на улице Кузнечной. Иван Иустинович Калеников встретил нас, как старых друзей. Он был по природе из тех, кто рад побеседовать с любым человеком. Такие люди часто добродушны, откровенны и согревают даже самых холодных. Они не страдают издержками цивилизации — тонкой лестью, мелкой ложью, подбострастием и благоразумной осмотрительностью. Было в этом грузном пожилом человеке с добрыми глазами то, что мы именуем широтою души.

— Заходите, заходите! Гостями будете.

И вот мы за столом в прохладной комнате. Выставляются бутылка сухого вина, стаканы. Владимир Александрович шутит:

— А где же ваша кружка с молоком? Или переменялись?

— Вижу, Симонова прочитали! — смеется Калеников.

— Как же! Кстати, а как вы с ним познакомились?

Слово за слово, и вот Калеников рассказывает о первой встрече с писателем:

— Это было, помню, зимой сорок первого. К нам в штабную землянку на укрепрайоне вошли двое. Захолодали порядком. Представились: корреспондент «Красной Звезды» Симонов и фотокорреспондент «Известий» Зельма. Они попали как раз вовремя: в тыл к немцам ушла рота пограничников. Вот-вот должны вернуться. Угостил гостей спиртом, как положено на фронте. Попросил: «Товарищ Симонов, почитайте ваши стихи». Тот вынул записную книжку, стал читать. Из стихов особенно запомнилось «Жди меня». Очень уж близко было к нашей обстановке: за дверью землянки снега, морозная ночь и, как ни говори, а отрезаны от своих. Потом вернулась с задания рота. Константин Михайлович расспрашивал бойцов, как шли на лыжах в тыл врага, как минировали дороги, устраивали засаду...

Иван Иустинович приносит книги Симонова с его автографами, письма. Соломин, выбрав место посветлее, переснимает своим «Зенитом» титульные листы. На одном я прочитал:

«Дорогой товарищ Калеников, посылаю Вам на юг эту книгу, где есть и знакомые нам с Вами северные места. Ваш К. Симонов, 9.XII.65».

На другой: «Ивану Иустиновичу Каленикову с фронтowym приветом! Ваш К. Симонов, 8.IV.68».

А вот записка:

«Дорогой Иван Иустинович!

Позвольте мне хотя бы задним числом поздравить Вас с славным юбилеем, пожелать Вам счастья и выразить надежду, что судьба-индейка все же как-нибудь сведет нас с Вами в солнечной Молдавии.

Крепко дружески жму Вашу руку.

Ваш Константин Симонов».

Потом мы просим полковника надеть военный китель с орденами и во дворе фотографируем его на память. Уходим, тепло попрощавшись...

Я спросил у Владимира Александровича:

— У тебя вышло пятнадцать книг. А было такое, что отказывали, не издавали?

Он усмехнулся:

— Есть на совести издателей одна. На мой взгляд, неплохая. Правда, автору в оценке своего труда доверять нельзя. И уродливое дитя мило родительскому сердцу.

Он подвинул стул к стеллажам, достал сверху тугую папку, передал мне. На ней выведено размашисто — «Мой Шолохов». Я развязал тесемки. Листы не первой свежести, как видно, не раз перекладывались.

— Почитай и скажи свое мнение.

Я знал, что он встречался с Шолоховым в Москве, ездил к нему из Кишинева в Вешенскую. Есть у него книги с автографами Михаила Александровича. Мы вместе ездили в Каменск на поиски одного из героев «Тихого Дона». А еще раньше он занимался поисками изданий Шолохова. Так когда же все началось?..

И вдруг, как это нередко бывает, в памяти словно высветилось: он же приехал тогда со съемок фильма «Судьба человека»!

Да, он приехал возбужденный. Загорелое на донском солнце лицо сияло. И о чем бы разговор ни заходил в те дни, переводил его на съемки.

— Это какая-то вакханалия! Книгу читаешь, в театре сидишь — все ясно: от начала к концу действие идет. А тут отрывки из обрывков! Только и слышишь: «Соколов, голову наклони, нахмурься! Камера, мотор!!!», «Делаем дубль!» «Павлик, твой проход, не спеши! Иди!». Нет, этой кухни лучше не знать и не заглядывать в нее — вкус к кино потеряешь!

Мы жарко спорили, нужно ли рядовому зрителю знать

«кухню» театра, живописи, музыки для так называемого «общего образования»? Или лучше получать и оценивать уже готовый результат, не портя себе впечатлений?

— Мне кажется,— говорил Владимир Александрович,— специалист-искусствовед, который смотрит на картину художника, не испытывает полностью восторга. Он видит в ней не духовный символ, живую жизнь, чудо из легенды, а композицию красок, планов, расположение фигур или предметов. Если он испытает восторг, то лишь в первый момент, а потом все пропадает от рационального анализа!

Разговор вновь перешел к фильму. Он заметил:

— Хороший будет фильм, хотя и не лучше шолоховского рассказа. Ведь произведение одного вида искусства нельзя безнаказанно переводить в другой. Всегда что-то теряешь. Порой не мелкое, а существенное. К тому же кино, на мой взгляд, особенно телевизионное, просто-напросто развращает человека. Он откладывает книгу, торчит часами у светящейся коробки. Спроси любого, когда он читал «Анну Каренину», «Преступление и наказание», новеллы Чехова? Чуть ли не в детстве! А вот по телевизору — все смотрели! Многие глубоко убеждены, что сие заменяет чтение!

Замолчал и повторил опять:

— И все же фильм, помняи мое слово, будет хороший.

Да, тогда никто еще не мог сказать, насколько удачен будет фильм «Судьба человека». Едва ли сам режиссер и актер Сергей Бондарчук мог предвидеть, что за образ Андрея Соколова он будет удостоен Ленинской премии, что фильм обойдет все страны и континенты, а на международном кинофестивале получит Большой приз жюри. Даже скупой на похвалы Шолохов заметит: «Именно таким я себе представлял героя своего рассказа Андрея Соколова»...

И еще вспомнились события пятидесятых годов...

...Я сидел и беседовал с женой Владимира Александровича. Он вышел в коридор. Забрал из ящика почту. Елена Станиславовна уже пятый раз обстоятельно докладывала мне, какое шикарное платье она видела вчера по телевизору на одной актрисе. Я слушал, согласно кивал головой, а краем глаза косил на своего друга. Тот читал какое-то письмо. Потом остановился у стеллажей и стал пальцем постукивать по корешкам книг. Я насторожился: вот-вот что-то должно произойти.

— ...и знаете, у нее по всему подолу не цветы, а мелкие петушки да крестики! Это же ужас, как ориги...

— Так, так, так. Петушки да крестики, петушки да крестики!— запел вдруг Владимир Александрович, притопывая ногой. И, рассуждая сам с собой, заключил:— Ну и крестики, ну и петушки — это же сенсация!

Елена Станиславовна округлила глаза, оборвала речь на полуслове:

— Господи, эти проклятые книги на него ужасно действуют! Как подойдет к своим нелепым полкам, так и несет околесицу. Вот так-то с ума сходят!

Вздыхнув, вышла за дверь. А Владимир Александрович повернулся ко мне, протянул письмо.

Товарищ приглашал его на Дон, обещал познакомить с живым героем романа «Тихий Дон»— Семеном Ивановичем Кудиновым...

Мы съездили, познакомились. Кудинов много рассказывал о Шолохове, о гражданской войне. А когда уже совсем собрались уезжать домой, Соломин задумчиво посмотрел на меня:

— Съездим к одному знакомому. Тут поблизости живет, учитель-книголюб. Я о нем когда-то писал. Библиотеку бы у него посмотреть.

— Ну если поблизости, то можно и съездить,— согласился я. «Поблизости» оказалось целым днем утомительного пути!

Обмелевший Дон. Потом через шлюзы — полноводный Северский Донец. И потянулись с одной стороны одетые кустарником курганы, с другой — обрывистый берег, с которого прямо в воду сползают корни деревьев. Иногда мимо «ракеты» угрожающе проплывала каменная скала. Берег из холмистого делается пологим, из высокого — низким. И тогда проглядывались до горизонта бескрайние степи, редко-редко перерезанные неглубокими балками. Одиноким часовым степей высился пирамидальный тополь; древним чудищем возвышалась из воды коряга. И снова бескрайняя, как океан, донская ковыльная степь.

Как хочется остановить и время, и ток воды, и летящую по плавной глади «ракету». Хочется стоять на берегу и ласкать рукой плакучие ивы, что спускаются к воде.

Оглядывая пустынные берега, я думал: ведь когда-то по этим самым степям скакали на своих разгоряченных конях половцы, и конские хвосты развевались на концах острых пик. Здесь, на этой самой земле, возле Северского Донца, с утра до ночи и с ночи до утра бились с ними храбрые русичи войска Игорева. Глядя на плывущую степь, вспоминал я древнюю повесть «Слово о полку Игореве».

Владимир Александрович тоже обозревал дали, курганы. Странная улыбка блуждала в самых кончиках его губ. То пропадет, то возникнет снова. Понимаю, что улыбается он вовсе не оттого, что видит что-то интересное. Улыбается своим мыслям.

Вдруг он поворачивается ко мне:

— Помнишь у Шолохова: «Точат заклекую насыпную землю кургана суховеи, накаляет полуденное солнце, размывает ливни, рвут крещенские морозы, но курган все также нерушимо властвует над степью, как много и много сотен лет назад, когда возник он над прахом убитого и с бранными почестями похороненного половецкого князя, насыпанной одеждой в запястья смуглыми руками жен, руками воинов, родичей и невольников».

Да, он многое из Шолохова знает наизусть и при случае цитирует безошибочно. Но и я тряхну стариной, покопаюсь в памяти:

— А помнишь, в «Слове о полку Игореве»:

«Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало; ночь, стонучи ему грозою, птиц разбудила; свист звериный поднялся; встрепенулся Див, кличет на вершине дерева».

А он опять из Шолохова, близкое к тому, что я прочитал из «Слова»: «Ночами густели за Доном тучи, лопались сухо и раскатисто громовые удары, но не падал на землю, пышущую горячим жаром, дождь, вхолостую палила молния, ломая небо на остроугольные голубые краяхи».

По ночам на колокольне ревел сыч. Зыбкие и страшные висели над хутором крики, а сыч с колокольни перелетал на кладбище, ископыченное телятами, стонал над бурными затравеневшими могилами».

Мы чуть не шепотом соревновались в цитировании, а быстрые воды Донца убегали за корму и таяли в бездонной степи.

Уже к вечеру, сменив «ракету» на автобус, мы добрались до Белой Калитвы. Потом, вконец утомленные, ехали другим автобусом в поселок Шолоховский к знакомому Владимиру Александровича.

Пока шли от остановки к дому учителя Ковешникова, он рассказывал:

— Есть незаметные, но удивительные люди. Возьми того же Петра Иосифовича Ковешникова. Он исходил пешком всю европейскую часть страны, Урал, Сибирь. Записал более двадцати тысяч пословиц, десять тысяч частушек и около пятисот народных песен. А сам — простой учитель.

Не научный работник-фольклорист, которому положено этим заниматься! Как началась война, ушел добровольцем. Был сапером на 1-м Белорусском фронте. И представь, даже на войне записывал в блокнотик меткие выражения, фронтовые песни. Меня всегда поражали такие люди.

— А библиотека у него какова?

— Можешь представить...

Встретил нас живой человек, чуть выше среднего роста. Как я ни всматривался, не определил, сколько ему лет. А когда он провел нас в свой кабинет, я просто застыл...

Цицерон заметил: дом, в котором нет книги, похож на тело без души. Судя по кабинету, где все стены до потолка заставлены книжными стеллажами, душа у Петра Иосифовича и его жены Тамары Владимировны была доброй и широкой!

Попав к незнакомому человеку, я пытаюсь по книгам отгадать вкусы, профессию хозяев. Ничто не раскроет интеллект так, как подбор книг. Если уж не вся библиотека будет таким зеркалом, то сотня-другая изданий наверняка.

Но сейчас, бегло осмотрев книжные полки, я был несколько озадачен. Историческая, политическая, мемуарная, художественная литература; а научная — по самым различным отраслям знаний. Нет, книги не выдавали ни профессии, ни увлечений своих хозяев.

Из задумчивости вывел меня голос Владимира Александровича. Он угадал мои мысли:

— Не ломай голову. Петр Иосифович правильно понял свою основную цель. человеческая жизнь коротка. К тому же из самой жизни ты не так-то много узнаешь, пока живешь. Вот книги и приходят к тебе на помощь. С ними проживаешь не одну, а сто жизней! Так что брось гадать, кто он и что он, а лучше взгляни вон на те две полки.

Я подошел ближе. Начал просматривать книгу за книгой. Что это? Все «Слово о полку Игореве». Десять... двадцать... Да тут штук триста. Ну и ну!

— Удивляетесь?

За спиной стоял Петр Иосифович.

— «Слово о полку Игореве» мне, можно сказать, чуть не с пеленок знакомо! Отец мой ушел из деревни в Питер. Был мастеровым на тульском оружейном заводе. Когда возвращался на побывку, так собирал бывало вечерами ребятишек, пересказывал «Илиаду», «Одиссею», а чаще «Слово о полку Игореве». Его он знал наизусть!

Петр Иосифович рассказал нам, как он создал при

школе историко-литературное общество «Боян», как собирал библиотеку о памятнике древнерусской культуры. Тут же снимал с полки книгу за книгой и с увлечением рассказывал ее историю.

— Редчайший экземпляр «Слова о полку Игореве». Издан в 1823 году. Одну из таких книг читал молодой Пушкин! Но не думайте, что это первое издание. Предыдущее вышло в Москве в 1800 году, издал его вместе с учеными-архивистами А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантышом-Каменским граф Мусин-Пушкин. Они, как известно, печатали по рукописи, которую приобрел Мусин-Пушкин в Ярославле. Всего выпустили 1200 экземпляров. Большинство из них погибло в 1812 году во время нашествия французов. А вот, посмотрите «Слово» издания 1846 и 1854 годов. Владимир Александрович, узнаете?

Он протянул нам книжку 1864 года.

— Знакома. Когда-то я пожертвовал вашему «Бояну». Мне она без труда досталась — обменял на современный роман.

— Посмотрите зарубежные издания «Слова». Вот экземпляр 1888 года. Издано в Дании. Мне прислал его любитель древнерусской литературы Эдвин Полсон. Подарил он нам и серию фотоснимков «Опера «Князь Игорь» на сцене Стокгольма».

Мы просматриваем книги. На одной автограф Индиры Ганди, на другой космонавтов Юрия Гагарина, Германа Титова, Валентины Терешковой, Андриана Николаева.

— Не думайте, что это просто-напросто сенсация. Помните, Гагарин писал в своей книге «Дорога в Космос»: «Будучи мальчишкой, я с упоением читал «Слово о полку Игореве» — этот древнерусский сборник идей преданности Родине».

— А это что за издание? — спросил Владимир Александрович, взяв в руки тоненькую книжку, отпечатанную на ротапринте.

— У этой судьба удивительнейшая, — охотно пояснил Ковешников. — Ее издали накануне освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков в Праге. Посмотрите слова на шмуцтитуле:

«Своим отцу и матери, научившим меня читать и любить родной язык, посвящаю свой труд — переводчик Федор Николаевич Досушков».

— А теперь прочитайте предисловие, — предложил Ковешников, — «Мой стихотворный перевод «Слова о полку

Игоре» с древнерусского на современный русский язык далеко не первый... Текст «Слова» я взял из книги Евгения Александровича Ляцкого «Слово о полку Игоре, повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах русской земли» (Прага, 1934 г.), размер я нашел в четырехстопном анапесте с двумя усечениями, укладываемом в напев, слышанный мною от сказителя в детстве. Моя дочь Татьяна переложила этот мотив на ноты. Надеюсь, что мне когда-нибудь удастся издать мой перевод с параллельным древнерусским текстом, с рядом пояснительных и критических замечаний, для которых теперь нет места. Ф. Досушков. Прага, декабрь 1943 г.»

Молчим под впечатлением прочитанного. Строки писались русским человеком в то время, когда по улицам Праги громыхали немецкие танки, слышался мерный шаг патрулей, расстреливали и вешали патриотов. И тайно работал ротاپринт, печатая лист за листом древнерусский памятник!

— Удивительнейшая книга,— промолвил Владимир Александрович.— Как она попала к вам?

— О нашем обществе «Боян» написали в «Комсомольской правде». После этого мы получали много писем, книг. Эту прислал в подарок москвич Михаил Ильич Рыбинский.

Потом Петр Иосифович показывает письма к нему Алексея Толстого, Шолохова, Сергеева-Ценского, известных ученых-филологов. Затем ведет нас в школу, в музей «Слова о полку Игоре». Мы ходим от экспоната к экспонату и удивляемся энергии, с какой простой учитель сделал то, что можно назвать трудовым подвигом. Подумалось: хорошо, когда в школе есть энтузиаст, он оставит у ребят прекрасную память. Не будь таких, серенькими покажутся им годы ученичества! И тут же высказал вслух свои раздумья:

— Петр Иосифович, вот вы создали литературное общество «Боян», прекраснейший музей, собрали уникальную библиотеку «Слова о полку Игоре». Но, говорите, скоро уйдете на пенсию и, возможно, уедете в Подмосковье. Что же будет с вашим большим делом? Ведь коллектив учеников год от году обновляется. Создал, помню, один учитель у нас в Молдавии при школе музей научной книги, сил приложил — уйма! Переехал в другой город, а ценные книги в кладовке оказались. Начали было их на макулатуру сдавать. Хорошо Владимир Александрович к себе перевез да кое-что в музее переправил. Не будет ли и у вас так?!

Видно, я задел за самое больное и Ковешникова, и

Владимира Александровича. Некоторое время молчали.

— Что же сказать на это? — начал Иосифович. — Правде надо смотреть в глаза. Начинание мое может окончиться печально. После меня возиться с музеем едва ли станут. Но ведь если так подходить, да еще эту мысль углублять — тоска охватит! А тоска рано или поздно — лазейка к безделью. Только и будешь нежить свою тоску! Знаете ли, сколько тысяч людей у нас в музее перебивало? И думаете, без пользы для себя? Надеюсь, что не в одной душе осталась частичка нашего общего дела. На пенсию уйду — шефство над музеем возьму; перееду — на новом месте новый музей создам! А книги о «Слове о полку Игореве», что собрал, сами по себе уже вечны. Если не в крупнейшую библиотеку попадут, так к историку-книговеду, такому, как вон Владимир Александрович!

Потом, уже дома, мы снова просматривали библиотеку учителя. А на следующий день переснимали автографы М. Шолохова, письма Алексея Толстого, Сергеева-Ценского, иллюстрации. Владимир Александрович договаривался с Ковешниковым, чтоб тот выслал ему на время для работы над очерком книги «Слова о полку Игореве». Я увлекся какой-то книжкой и не слышал начала их разговора. Доходили лишь обрывки фраз: «В Аксае бухгалтер-ревизор...», «Сам Шолохов, говорите...», «... книги с его автографами?»...

Но вот Владимир Александрович выжидающе глянул в мою сторону. Была какая-то жалостливость в его взгляде.

— А что если мы с тобой сделаем небольшой крюк, в Аксай прокатимся?

— Что это тебя то туда, то сюда тянет? Не сидится на месте? Знаешь, я где-то читал или слышал: вначале человек устает от знакомых, затем от женщин, а потом уже от себя самого! Ты от знакомых, особенно случайных, устал; от женщин — тем более. Когда же сам от себя устанешь?

— Уже устал. А вот от книг не устану.

— Делаем крюк в Аксай, — согласился я. — Только вот жена беспокоиться будет.

— Завтра ей отсюда дадим телеграмму, — повеселев, заверил Владимир Александрович, — и прямым путем к Ростову!

Резво мчит вниз по Донцу «ракета», увозит нас из гостеприимной Белой Калитвы. Владимир Александрович молчит, что-то обдумывает, на мои вопросы отвечает одно-

сложно. Вынимает блокнот, пишет. Я стараюсь не мешать, листаю журнал.

К полудню мы прибыли в небольшой городок — бывшую казачью станицу — Аксай. Без труда отыскали бухгалтера-ревизора Ивана Яковлевича Рокачева — немолодого человека с открытым лбом, курчавыми волосами. Он разволновался, засуетился, услышав, зачем мы приехали. Повел в комнату к стеллажам, на которых вместо книг стояли коробки с магнитофонными лентами.

— Вот тридцать с лишним лет разыскивал и записывал народные песни — более четырехсот, — торопливо говорил он, словно докладывая. И вдруг без перехода: — Родился я на хуторе Антиповском, это недалеко от Вешенской. Мать у меня известная на Дону песенница была. Батрачили у кулаков. Она в поле спину гнула, а я с пяти лет пас свиней за кусок хлеба. Вожусь, бывало, с ними, хуторяне мимо проходят: «Спой, Ваня, старинную, жалостливую». Я и пою о коне, как он стоит, склонив голову возле убитого казака, о Стеньке Разине. Слушают и слезы утирают. И я с ними поплачу...

— Что же вас, Иван Яковлевич, натолкнуло собирать народные песни? — спросил с теплой улыбкой Владимир Александрович, отвлекая Рокачева от воспоминаний о невеселом детстве.

— Я еще мальчишкой начал писать стихи. В 1933 году показал Шолохову. Он тогда беседовал со мной о народных песнях. Советовал: побольше, мол, читай и поменьше пиши. У вас библиотека на хуторе слабая, приходи, говорит, ко мне домой и читай! Вот и ходил я к Шолохову целый год. Библиотека у него была очень хорошая. Берег он книги, не всякому на руки давал. Приходи, садись и читай! Вот так-то. А мне, помню, привез из Москвы две книжки.

Иван Яковлевич порылся в закатке, в старых газетах, достал брошюру в мягкой обложке и потрепанный томик — «Стихи и песни» А. В. Кольцова. На обложке портрет поэта, внизу — рисунок: контуры фабрики с одной стороны, а с другой — деревенские домики. Между ними колосья и эмблема — Серп и Молот. Госиздат, 1927 год.

Владимир Александрович взял в руки другую книжечку: серия «Классики русской литературы».

— Видите, Иван Яковлевич, у вас — Белинский, а у меня дома из этой же серии Добролюбов. Кольцова книжка и эта — первые книги нашего Госиздата. Ведь сейчас такие мало где и остались. Я вот иногда хотел бы сам превратиться в книгу! Представьте себе: вы книга. Во-пер-

вых, какие бы путешествия совершал, каких бы людей понаблюдал. Во-вторых, тебя бы брали в руки, кому-то передавали, дарили, даже похищали!

— Ого!— восхитился Иван Яковлевич.— Узнаю библиофила!

— Немного ошибаетесь, дорогой друг. В прямом понимании слова, я не библиофил и не коллекционер редких изданий. Я не испытываю чувственного отношения к книге. Не люблюсь до самозабвения ни переплетом, ни форзацем, ни корешком. Библиофил всегда пристрастен и бескорыстен. Я же — историк литературы, потому меня интересует прежде всего содержание книги. А так как кроме того я в душе еще и журналист, то мне всегда хочется рассказать о книге, удивить ее историей читателя. Ну хотя бы вот об этом издании, которое вы нам показали. Куда вы опять книжки в закуток прячете? Потеряются!

— Кому они сейчас нужны? Новые в ходу.

— Вижу, вам магнитофонные ленты дороже. Не обменяемся ли? Я вам пару бобин присылаю, а вы мне — эти книжечки, идет?

— Да что вы, с радостью. Зачем посылать — берите их сейчас же! А за ленты благодарен буду!

— Ну а дальше, Иван Яковлевич,— попросил я.— Ходили вы к Шолохову, книги у него дома читали...

— Читал. Заодно к народным песням прислушивался. Записывать в тетрадочки стал... И сейчас продолжаю. Только смотрят на меня здесь, как на юродивого. Мои сослуживцы жалуются. Приезжаем с ревизией, я работу закончил, иду искать песенниц. А сотрудники в один голос: «Что же ты, Иван Яковлевич, нас подводишь — мы приезжаем как начальство, люди серьезные. А ты кончил работу и бежишь со своим магнитофоном, словно мальчишка, каких-то старух слушать. Несерьезно взрослому человеку, да еще и ревизору!» Вот только Шолохов и поддерживал меня. Посылал я ему собранные песни, получал одобрение. Снова посылал...

Мы слушали и плясовые, и печальные казачьи песни. Я переснимал письма Шолохова, автографы на книгах. Говорили о писателе, который взял «душу живу» народной песни и дал ей вторую жизнь на страницах романа «Тихий Дон».

...Вечером мы выехали в Ростов, а оттуда домой.

И теперь я сидел над листами его неизданной рукописи, вспоминал поездку к фольклористам Ковешникову и Рокачеву. Где-то в папках лежали фотокопии писем, авто-

графов Шолохова, Сергеева-Ценского, Алексея Толстого. На полках стояли книги, купленные нами в ростовском букинистическом магазине.

Свежи были воспоминания о поездке по местам, где когда-то происходила битва русских с половцами. Вспомнил, как Владимир Александрович убежденно доказывал: придет время, и найдут список «Слова о полку Игореве». Не может быть, чтобы существовало оно лишь в одном экземпляре, который приобрел Мусин-Пушкин. Может, в каком-нибудь архиве, в музее дремлет старая рукопись без начала и без конца. Архивариусы обозначили ее в описи, как «слово и поучения», «проповеди», «летописец». А в нее вплетены листы со знаменитым «Словом»! Владимир Александрович рассказывал мне однажды о конволютах — самодельных сборниках различных произведений. Пересмотреть их во всех архивах — огромный труд. Но в них можно найти интересное. Обнаружили как-то четыре драгоценных листочка «Азбуки» Ивана Федорова. И где? В Москве, в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина! Как же получилось, что в самом лучшем хранилище страны и вдруг случайно (!) нашли такую ценность? Дело в том, что эти четыре листка находились в сборнике, совсем далеком от Ивана Федорова и от его времени! Не возможно ли такое со «Словом о полку Игореве»?

И тут я вспомнил о трех отсутствующих листах рукописи Соломина «Мой Шолохов». Взял телефонную трубку, набрал номер.

— Владимир Александрович, привет! Ты знаешь, тут у тебя в рукописи в самом начале не достает трех листов.

— Знаю. Заходи, если не занят. Возьмешь их, прочитаешь на досуге.

Когда я пришел к нему, он допивал свой кофе и собирался в институт.

— Вот твои три листа. Тут, действительно, самое начало — первая встреча с Шолоховым. Я ведь тогда еще один фотопортрет его нашел. За него в подарок из Шахт резиновые сапоги казаку выслал. Интересный такой казак! А снимок Шолохова — удивительный. У него самого такого не было — ручаюсь!

Он порывлся в столе и вынул три листа с прикрепленной фотографией:

— Читай здесь. Хочу над этим материалом поработать и в «Дон» послать.

Я сел к столу, и пока мой друг брился, собирался на лекцию, прочитал:

ВСТРЕЧА. «Меня пригласили в Каменский обком партии, где предложили съездить с инспекцией в Вешенскую школу-интернат. Первым порывом было отказаться: директор любой школы или завуч сделают это лучше меня, кабинетного научного работника. Но съездить в Вешенскую? Туда, где живет Шолохов!..*

...Станция Миллерово памятна мне по войне. Здесь я когда-то сбил третий фашистский самолет. А теперь вот скрипящий всеми своими частями автобусишко натруженно ползет по грунтовой дороге до Базков. Паром. На нем двигатель — трактор ЧТЗ, только без колес. Он и тащит махину вверх по течению Дона. Проходит еще немного времени, и мы причаливаем к Вешенской.

Встреча была явно случайной. Из четырех мужчин, которые стояли на берегу, мой глаз выхватил Шолохова. Невысокого роста, он казался щуплым среди ожидавших парома. И высокие сапоги с раструбами не придавали ему внушительности, а, наоборот, делали худым, внешне невзрачным, каким-то уж очень земным. Он стоял у мостков, пылливо следил за сходящими с парома. Видно, поджидал кого-то. С ним здоровались, и он отвечал то кивком головы, то словом. Потом он отошел от мостков и стал у самой кромки берега. Скользила у его ног вода, и он, отрешенный от бытового, житейского, внимательно прислушивался к ее течению. Может, он чувствовал себя частицей этой реки, ее берегов. А может, в небыстром, но могучем токе вод слышался ему напев старинной казачьей песни, такой же древней и мудрой, как батюшка тихий Дон.

На другой день я ходил по берегу то в одну, то в другую сторону. Река только что освободилась ото льда, была мутна и полноводна. Между вывороченными корягами чадил костры, ветерок доносил пряный запах смолы: казаки конопатили, шпаклевали и смолили свои лодки. Я присел на землю возле одного из них — старого, коренастого, с прокуренными до желтизны усами. Обменялись двумя-тремя словами насчет погоды, будущего урожая. Но когда казак узнал, что я бывал в Богучаре, тут же вспомнил гражданскую войну. Потом поговорили и о Шолохове. Казак оживился, поведал о нем разные истории, в которых явь переплеталась с вымыслом. Говорил, что «лично знал Гришку Мелехова», что будто бы воевал с ним в гражданскую войну в дивизии Малаховского и комиссара Радченко. Заметив, что я сомневаюсь, решил подкрепить

* В настоящее время г. Каменки Ростовской области.

свои слова. Поставил ведро на огонь, старательно вытер руки о заплатанные шаровары, прошел по стежке к своему дому. Вскоре вернулся обратно, неся в руке донельзя потрепанный бумажник. Порылся в нем и протянул мне несколько подлинных снимков: генерала Малаховского, Буденного и еще один, полопавшийся. Взглянув на него, я сразу узнал писателя.

Шолохов стоит, чуть склонив голову, пристально смотрит оценивающим взглядом творца и знатока человеческих сердец. Бури и тихие заводи бытия, судьбы народов и сокровенные тайны души, порывы страстей, нежная любовь и лютая злоба — все сейчас подвластно ему. Днями и ночами сидит он, склонившись над листами бумаги; ходит по берегу Дона, сосредоточенный и молчаливый. Великое творится в торжественном молчании, в минуту душевного подъема, когда он щедро дарит людям пламень своей души. Создается роман, равного которому нет и не скоро, видно, будет в литературе...

Простая гимнастерка с рядом пуговиц. Большой открытый лоб и полные губы, сдерживающие улыбку. О чем еще расскажет портрет? Может, он только что написал сцену отправки казаков в лагерь, или о том, как дрались Мелеховы со Степаном Астаховым? А может, и сам творец весь во власти страданий мятущейся Аксиньи? Пристальный, но усталый взгляд человека.

Пройдут годы, поменяются гимнастерки, засеребрятся волосы и зачес их станет не таким. Но на долгие годы сохранится все те же пристальный взгляд, очертания полных губ, тронутых доброй улыбкой»...

...Я прочитал очерк. Передал Владимиру Александровичу.

— Посылай в редакцию, как есть. Не изменяй. Думаю, что пойдет. — Он пошел в институт, я — домой дочитывать его рукопись.

Следующая часть как-то не вязалась с остальными. И я поначалу никак не мог понять, почему. Может, ее основу составили малозначительные факты из жизни писателя? Может, сумбурно изложение? Или что-то недосказано? Однако я читал с интересом. Подумал: теперь уже никто не расскажет такого из жизни большого писателя и придет время, может быть, наши внуки, правнуки с интересом будут читать эти страницы, если, конечно, они все-таки будут опубликованы.

В СТАНИЦЕ МЕЛЕХОВСКОЙ... «Беглые записи в моем дневнике. Они сделаны и вчера, и десять лет тому

назад. Записи о людях, о встречах, о книгах. Перечитываю их и думаю: нет ничего интереснее, чем биографии людей. Одна не похожа на другую. И все, разумеется, правдивы, без писательской выдумки! Энциклопедия знаний, типов, эпизодов, личных библиотек. И притом каждый рассказанный случай — уже готовая новелла.

Среди записей нахожу одну, сделанную осенью 1957 года.

Это было в городе Шахты Ростовской области. Зашел к своему другу писателю Анатолию Вениаминовичу Калинин. Он сидел за столом с незнакомым мне довольно грузным человеком. Я сел на диван, взял в руки книжку, но искоса наблюдал за незнакомцем. Он, как мне показалось, был из тех людей, которые понемногу уходят из нашей жизни. А может мы, вкусившие плодов образования, сами отдаляемся от них? Такие всегда справедливы, и белое во всех случаях для них — белое, черное — черное. А серого они не признают. Они не меняют друзей, охотнее садятся за штурвал комбайна, чем в директорское кресло. А уж если хозяйствуют, так с толком. Любопытные ко всему новому, они не спешат с немедленными решениями и скороспелыми проектами: чаще полагаются на практический ум и сметку, чем на голые теоретизирования. Они — крепкий фундамент, на котором возводи любые стены. Есть в них что-то от первопроходцев-казаков, покорителей Сибири, и от того гоголевского мужика, что топором да долотом снарядил необгонимую тройку!

Это был Петр Акимович Красюков, старинный друг Михаила Александровича Шолохова и Анатолия Вениаминовича Калинина. Биография его типична для ветеранов революции и гражданской войны.

Жил мальчишка-оборвыш в семье безземельного крестьянина. Подросток, стал подпаском. Потом батрачил у сельских богачей. Бесприютная жизнь толкнула на поиски иных путей. Они и привели парня в Красную гвардию. Прошел конник Красюков с боями немало земель, не раз был ранен. А когда закончилась гражданская война, сменил красный командир винтовку на наган, красные петлицы на удостоверение продкомиссара Советской республики. В жизни не искал больших чинов и громких званий. Ушло тяжелое время, и поехал учиться на тракториста. А выучился, привел из Миллерова в станицу первый трактор. В 1930 году Петр Акимович переехал в Вешенскую, встретился с Шолоховым. Знакомство перешло в крепкую дружбу.

Как-то, много лет спустя, приехал я на Дон к брату,

погостить. Взял однажды у него велосипед, отправился к Красюковым в винсовхоз «Раздорский», что неподалеку от станицы Мелеховской. Дома застал лишь его жену. Марина Дмитриевна как раз завершила хозяйственные дела, села за стол и начала рассказывать мне о своей нелегкой жизни, о голодовке в 20-е годы, о Шолохове, с которым их семья была спаяна многолетней дружбой.

— Приехали мы в Вешенскую в августе 1930 года, мужа тогда послали работать в райком партии. Приходит он как-то домой и говорит: «Моря! (он меня так звал). Нас с тобой приглашает в гости Шолохов. Собирайся, пойдём, познакомимся», А я ему говорю: «Страшно что-то. Он — известный писатель, а мы с тобой, Акимыч, простые смертные люди». Все же уговорил он меня. Вечером отправились к Шолоховым. Там уже Лимаревы, Луговые были. Михаил Александрович и Мария Петровна совсем простые люди — не гордые. Вот так и началась наша дружба.

Шолохов тогда писал «Тихий Дон», — продолжала Марина Дмитриевна. — Бывало, напишет главу, созовет нас, Лимаревых, Корешковых, Луговых, и сам читает при лампах. А мы слушаем, как замороженные. Иной раз целую ночь напролет слушаем, обсуждаем, советы даем. Бывало, собирались у нас, или у кого из райкомовцев. Сам Михаил Александрович назначал: «В субботу, скажет, к Лимаревым или Красюковым пойдём!» Ну мы уже заранее знали и готовились. Собиралось много и лебяженцев, и каргинцев, и вешенцев. Он тогда прозвал наши собрания «Клуб тридцатилетних» — нам по тридцать лет было. Песни играли, и современные, и старинные, плясали. А когда «Поднятая целина» вышла, мы его поздравляли. Не любил он только, когда хвалили. Каждому по книжке подарил и надпись сделал. Мы потом читали и все узнавали, сравнивали, как у нас было, и как в книжке!..

(На полях Владимир Александрович сделал карандашом беглую запись: «Обязательно поискать эти книги с автографами в Вешенской, Казанской, Мигулинской и в др. станицах!»).

...Говорит Марина Дмитриевна быстро, но удивительно проникновенно. Морщинки на ее лице, как и блестящие карие глаза, все время в движении. И руки — то поправят платок, то выбившуюся прядку волос без единой сединки, то подтвердят выразительным жестом нужное слово. Голосом, обстоятельностью и живостью рассказа она удивительно напоминает старорусских сказительниц, которых готов слушать и слушать.

— А сколько раз ездили мы на рыбалку,— продолжает она.— Вспоминаю, поехали на Хопер, в Букановскую станицу. Это от Вешенской километров шестьдесят. На зорьке выбрали себе место для рыбалки. Михаил Александрович хороший рыбак, Мария Петровна, жена его,— тоже заядлая рыбачка. А вот мой-то муж не большой охотник рыбалить, а я — так просто и не умею. Смотрю, Мария Петровна выгаскивает рыбку за рыбкой. Да и Михаил Александрович тоже. Спрашивает он мужа: «Петро, есть у тебя рыба?» А он отвечает: «Что-то, Михаил Александрович, не ловится, да еще и леска запуталась, никак не распутаю. Я, пожалуй, Михаил Александрович, пойду на машину да позорюю». А он ему шутя говорит: «Лентяй ты несусветный, Петро. Как есть, так выбираешь рыбку побольше, а как ловить, так пойдешь лучше зоревать!» Муж так и ушел к машине, а мы посидели зорьку, наловили на уху рыбы и пошли варить. У нас с Марией Петровной всегда получалась очень вкусная уха...

...Не искушенная в гладкописи «культурной» речи, женщина рассказывает просто и безыскусно — все подряд, что сохранила ее память — малое и большое, главное и второстепенное. Потому из ее рассказа таким живым и предстает знаменитый писатель и замечательный человек: и вовремя пошутит, и разыграет, и скажет крепкое, соленое словцо!..

— Было это еще в 1931 году, 2-го февраля, на праздник Сретенья — встречи зимы с весной,— говорит Красюкова.— Сидим, разговариваем с Михаилом Александровичем, с мамашей его, Анастасией Даниловной. Она мне и говорит: «Если сегодня курочка в половине дня напьется у порога, то весна будет ранняя».

Наш разговор слышал Михаил Александрович. Пошел, налил в тарелку воды, созвал кур, насыпал зерна, пришел в комнату. Говорит: «Даниловна, правда, значит, говорят люди, что ранняя весна будет. Посмотри, куры водицу пьют!». Анастасия Даниловна засуетилась, схватила свою шубейку, платок, оделась, вышла во двор и видит: куры и вправду пьют водицу, да только не из лужи, а из тарелки. Она быстро вернулась и говорит: «Что ж ты меня обманываешь!» Вот так-то по-доброму он и шутил, бывало...

— Добрые люди, отзывчивые,— продолжает Марина Дмитриевна.— Бедно в тридцатые-то годы жили неимущие казаки, а детишек много. Пойдем бывало мы в магазин с мамашей Михаила Александровича, купим всякой материи. Сидим, шьем рубашонки, штанишки. А потом

раздадим, кто победнее жил. А Михаил Александрович никому не отказывал, от себя оторвет, а поможет неимущему человеку, даже если тот и не попросит — сам все увидит...

Марина Дмитриевна рассказывает эпизод за эпизодом из жизни семьи Шолоховых той поры. Потом как будто спохватывается: упустила нечто важное. Морщинки на ее лице приходят в движение, блестящие карие глаза то сощуриваются, то чуть расширяются. Видно, готовится сообщить совсем другое — куда важнее только что сказанного.

— Много помогал казакам Михаил Александрович. Вот в 1937 году вскоре после октябрьских праздников, арестовали моего мужа Петра Акимовича, первого секретаря Вешенского райкома Петра Кузьмича Лугового и председателя райисполкома Тихона Андреевича Логачева. Михаил Александрович узнал и не побоялся вступить за напрасно оклеветанных. Собрался и сам поехал в Москву. Вызволит их и в Вешенскую приехал. Стали готовиться к встрече невинно пострадавших. А тут приходит телеграмма: выезжайте, мол, за ними в Миллерово. Михаил Александрович строго-настрого наказал шоферам: никого в Миллерово к поезду не брать. Встречать будем здесь, в Вешенской. Но я перехитрила: уговорила шофера и утром потихоньку уехали мы с ним за Петром Акимовичем.

Шолохов всю ночь не спал — готовился. Привезли мы их уже ночью. Только дома на стол собрали, приходит Михаил Александрович, поздравляет с освобождением. Посидели у нас, потом пошли к Петру Кузьмичу Луговому, от него — к Логачеву. А потом Шолохов всех к себе увел. Утром отпустил и сказал:

— Идите и торите дорожки от своих домов ко мне!

...Вечер. В домах зажигаются огни. Я записал рассказы Красюковой о Шолохове, переснял автографы на книгах. Вывожу на улицу велосипед. Выбравшись на большую дорогу, что тянется к хутору Пухляковскому и дальше, к Раздорской, не спеша кручу педали. Справа луна бросила золотой луч на темную ленту реки. Таинственна, многозначительна тишина вечера, переходящего в ночь. Я останавливаюсь, прикрываю глаза, слушаю тишину. И мне кажется: она — звенит, а я жадно впитываю в себя ее звон, ощущаю себя частицей целого и неделимого, которому нет ни названия, ни начала, ни конца. Неужели все в нашей жизни быстротечно? И действительно не вечно это чувство приятия в себя величия Дона, озолоченного луною,

и этого вечера с его звенящей тишиной! В мудром «все проходит!» есть глубокий смысл...»

Вздохнув, я продолжал читать рукопись страницу за страницей.

Владимир Александрович рассказывал, как приезжал на хутор Пухляковский к Анатолию Калинину, читал у него письма Шолохова, пересмотрел всю до единой книжечки богатейшую библиотеку писателя. Рассказывал, как добывал редкие книги, журналы с первыми публикациями юного Шолохова, с автографами Серафимовича. Нашел даже оттиск одной из глав «Поднятой целины» с правкой автора.

Особенно заинтересовался Владимир Александрович томом из собрания сочинений Серафимовича, издания 1916 года. На нем автограф, тайну которого так и не удалось разгадать. Рассказывал о том, чему я сам был свидетелем: на фронте в нашей эскадрилье выпускали «Боевой листок», посвященный Шолохову. Потом шли отзывы о писателе маршалов Якубовского, Толбухина, Судец, Красовского, видных генералов, народных артистов — Бондарчука, Матвеева, Мордюковой. Все это Владимир Александрович брал, как говорится, «из первых рук». При встрече давал им книги Шолохова, и они вписывали свои слова о нем на титульных листах. Представляю, какую ценность приобретут со временем эти отзывы на книгах классика! Я читал и поражался неистощимой энергии этого книжного следопыта. Казалось, с каждой новой поездкой физические силы моего друга не только не иссякали, но прибывали. Поиски интересных книг и документов гнали его из Кишинева в Бельцы, оттуда в Кузбасс или Поволжье, тайгу, на Алтай, потом в Москву или на съёмочные площадки в станицу Раздорскую, к режиссеру Мосфильма Алексею Салтыкову, к Бондарчуку на съёмки фильма «Они сражались за Родину», на Азов или в Крым за редким изданием какого-нибудь писателя-классика, на завод им. Кирова в Ленинград, где он нашел несколько писем Шолохова и книг с его дарственными надписями. Как трудолюбивая пчела собирает по капле мед в свои соты, так и он привозил из своих поездок то подлинную записку, то письмо, то редкую книгу.

Он встретил меня отчужденно. Подвинул ногой стул.
— Садись.

Я уже привык к его странностям. Знал, если останется таким, значит неполадки в институте. Если же там все в порядке, он в конце концов выскажется.

Словно отгадав мои мысли, Владимир Александрович бросил через плечо:

— В институте все по-прежнему.

Это значило: он прочитал свои лекции, ни с кем не ругался, скрылся с какого-нибудь собрания и в целом был доволен трудовым днем.

— Погода виновата,— утешил я.

— Когда человек не может сказать ничего путного, всегда заводит речь о погоде. Это спасение для ленивых мыслью!

Я проглотил намек и только пожал плечами.

— Скоро юбилей Лермонтова. Звонили из Москвы, просят статью.

Старые московские друзья нередко заказывали ему статьи о русских классиках. Иногда он отказывался, чаще соглашался.

— Что же тебя беспокоит? Времени достаточно,— успокоил я.

— Времени-то достаточно, а о чем писать?

— Ты еще спрашиваешь?! Да у тебя...

— Видишь ли,— перебил он,— практически я могу написать сносный очерк для газеты о любом классике. А вот мороз по коже пробирает, когда надо писать о Маяковском, Есенине и Лермонтове.

— Почему?— удивился я.

Он заговорил без запинки, как хорошо продуманное:

— О Маяковском хорошо может написать такой же колосс, как он сам. Писал бы о Есенине, если бы, как он, чувствовал природу, зверье. Я — дитя города.

— Ну а Лермонтов?

Подойдя к стеллажу, он постукивал пальцем по корешкам книг, словно подбирая мелодию на рояле. Я привык к этому жесту, знал: Владимир Александрович подыскивает для ответа краткие, но точные слова.

— Лермонтов слишком глубок в своем несчастье.— И, повернувшись ко мне, спросил:— Тебе не кажется, что Есенин и Лермонтов — словно дети одной матери? Каждый несчастлив по-своему, и несчастье у каждого переходит в глубочайший трагизм одиночества. Они тоскуют по равному себе. Возьми Лермонтова. Не похож он на своих собратьев по перу. Для всех был непонятен и в высшей степени странен. Я сказал бы так: в нем жили два совсем разных человека. Причем, не дополняли друг друга. Один — удалой офицер, завсегдагатай гусарских пирушек, насмешник, автор ядовитых экспромтов и карикатур; дуэлянт, которого

могли всегда убить. А другой — задушевный лирик, глубоко страдающий человек! Попробуй, совмести такое в одном! И обрати внимание, чуть ли не все, даже многие из близких, видели в нем лишь первого. Второй же был скрыт, недоступен, жил от них в некоем «тридевятом царстве». А всего скорее, жил-то с ними и был им непонятен! Толпа, если не понимает, то тут же обзывает «странным», «чудным». Иронизирует или немедленно отвергает. Так уж со времени Адама повелось!

Владимир Александрович помолчал. Прошелся из угла в угол. Снова поиграл пальцем по корешкам книг. Повернулся ко мне.

— Ведь что удивительно: его совсем не понимали! Когда жил на Кавказе, вел жизнь светского человека. Озабочен был только верховыми лошадьми, пикниками да успехом у дам. Такого и видело «водяное общество» — скучающие аристократы. А он, представь себе, писал в это время «Княжну Мери»!

— Он же уединялся, когда писал. Откуда другим знать? — возразил я.

— В том-то и дело, что не особенно уединялся. Гоголь писал всегда, закрывшись за семью замками; Пушкин уходил куда только мог. Конечно, умственный труд, особенно творческий, требует от человека уединения. Не одиночества — оно опустошает душу, а именно уединения. Человек может углубиться, поразмышлять, не отзываться ни на какие внешние раздражители. Я как-то вычитал у Голсуорси верную мысль: для того, чтоб притупить в себе всякие чувства, достаточно вынести их на всеобщее обсуждение! А вот у Лермонтова получалось по-своему: чувствами не делился, а писал частенько на людях и тут же читал. Об этом, кстати, рассказывали и его товарищ по службе Муравьев, да и Екатерина Александровна Сушкова, которой поэт увлекался. Удивительнейший человек Лермонтов! — заключил Владимир Александрович, опускаясь на стул. — И, представь, не перевоплощался, когда писал, а был самим собою!

Он сидел напротив меня, положив ногу на ногу. Губы странно кривились: то ли улыбка, то ли усмешка. Он был явно в тревоге. Не в той, которая приводит к отчаянию, а в той, что питает мысль.

— Понимаешь, вот уже несколько дней как-то не по себе. Дело не в том, что не собрал нужного материала. В голове начало то одного, то другого очерка. И причины как будто нет для беспокойства. Но тревога не оставляет.

Скажи мне, если б тебе заказали очерк о Лермонтове, о чем бы ты писал?

— Думаю, что вот об этом никто толком не писал.

И я кивнул головой на стеллажи, где стояла целая лермонтовская библиотека.

Он всматривался в меня, как бы ожидая, не скажу ли я еще что-нибудь. Но я знал, он смотрел «сквозь меня». Взгляд уходил к тому стеллажу за моей спиной, где стояли книги. Так как молчание продолжалось, я забеспокоился: понял ли он меня? Разъяснил свою мысль. О творчестве, о рукописях Лермонтова писали и научно, и популярно. Об издании же его книг со всеми их приключениями — не читывал! Создал же Смирнов-Сокольский интереснейшую книгу о прижизненных изданиях Пушкина. А вот другим классикам не повезло!

— Может быть, ты и прав,— промолвил Владимир Александрович раздумчиво.— У каждой книги своя история. А кому она введена? Вон, видишь, на третьей полке с краю самый обычный журнал «Литература в школе». Я же их не собираю. А этот особенный — 4-й номер за 1941 год. Вышел он в тот самый месяц, когда началась война. Почти весь посвящен столетию со дня гибели Лермонтова. А на первой странице выступление В. М. Молотова о вероломном нападении фашистской Германии. Так вот, я этот журнал из-за лермонтовских статей в солдатском вещмешке по смоленской земле таскал. И в окопах, и в землянках он побывал, и в госпитале. Разве я выброшу его теперь?! Скорее пиджак, ботинки отдам, а этого журнала...

Он встал и в волнении заходил по комнате. Потом, вспомнив о чем-то, опять подошел к полке. Поискал глазами. Вынул маленькую книжечку в самодельном переплете.

— Вот «Маскарад». Драму впервые опубликовали в третьей части сборника «Стихотворения М. Ю. Лермонтова» в 1842 году. А у меня — отдельное издание. Жаль без титульного листа. Видно только, что дореволюционное.

— Ну а зачем тебе без титула — испорченное?

— Память об этой книжечке хорошая. Помнишь бомбежку в Сватово? Немцы тогда у нас самолеты пожгли? А перед этим на аэродром приезжала кинопередвижка. Что показывали? Вспомни?

— «Маскарад».

— Так вот, картина так запала мне в душу, что я не-

делю бредил страстями Арбенина. Еще в укладчицу парашютов Тоню Питецкую влюбился! А мечта у меня самая большая была — достать текст «Маскарада», перечитать. И вот в преддверии Яско-Кишиневской операции механик самолета принес ворох старых книг, в каком-то закутке нашел. Пересматриваем с ним и вдруг — «Маскарад» Лермонтова! Правда, вместо обложки обрезок румынской географической карты! Оставил я книжечку себе. Сколько раз перечитывал, уж не помню. Все роли назубок знал! А после войны, в Москве, на вечере встречи с артистом Мордвиновым я и решил рассказать ему о своем впечатлении. Подошел. Он стоял передо мною — и «тот», и «не тот»! Я промолвил только: «Здравствуйте!». Словно знакомому, с которым год не виделись. Мордвинов взгляделся в меня, протянул руку. Я пожал и онемел. Стою дураком и смотрю на него во все глаза! Потом, где бы ни шел фильм «Маскарад», бросал все и бежал смотреть, как заново...

— А помнишь, ты мне как-то рассказывал о книжечке Лермонтова в издании Флорентия Павленкова?

Владимир Александрович подошел к полке, вынул книжку и протянул мне. Она умещалась на ладони. Мягкая бумажная обложка, ярко-черный шрифт по оранжевому полю. Титульный лист:

«Иллюстрированная лермонтовская библиотека. Издание Ф. Павленкова, БЭЛА, рассказ М. Ю. Лермонтова. С.-Петербург, 1905».

Немало прожила книжечка — восемьдесят лет. Обмахрились поля, оборвался корешок титульного листа, Но она не лежала без дела. По захватанным уголкам видно: славно послужила людям!

— Где ее достал!

— Пришлось как-то быть в Дурлештах у одной женщины. Это в пригороде Кишинева. Хоть и жадничала, а за плетеную корзинку выменял. И хорошо сделал: через год старуха умерла, наследники все остальные книги выбросили. Узнал я, кинулся, да поздно...

Владимир Александрович забрал у меня книжечку, любовно подержал на ладони, словно взвешивая. Спросил:

— Кстати, а ты знаешь, кто такой Павленков?

— У него энциклопедический словарь выходил. Помнишь, я тебе из него справку о Бессарабии выписал? Ссылали его за что-то.

Владимир Александрович загадочно улыбнулся.

— Об энциклопедическом словаре Павленкова ты верно говоришь. Но не это главное. Что о нем знает наш

читатель? Издавал Пушкина, Лермонтова. А ведь жизнь писателя и издателя настолько бывает неразделима, что грех не знать «второй половины» создателя книги. Знаем, как писалось произведение, но не знаем, как выпускалось. Видишь, на верхней полке шесть томов Писарева? Их издал Павленков. А за речь на похоронах Писарева был сослан в Вятку. Но он и там не успокоился, выпустил сборник «Вятская незабудка». Как ни пытался, не смог я его достать. У Смирнова-Сокольского видел хороший экземпляр! Так вот в Вятке Павленкова обязали ежедневно являться в полицейское управление, отмечаться. Флорентий Федорович добился, чтоб полицейский сам навещал его, как больного, отмечал «наличие». Тот и являлся каждый вечер. В комнату не входил, видел тень за шторой — значит, поднадзорный дома. Но вдруг, не видя больше недели в лицо самого Павленкова, заподозрил неладное. А Флорентий Федорович в это время тайком выехал в Петербург. В комнате же прохаживался вечерами по его просьбе позади зашторенного окна сын хозяйки, его-то тень и видел полицейский!

Не выдержав, страж закона потребовал: пусть Павленков покажется ему на глаза. Хозяйка оттягивала, убеждала, что ее жилец очень болен. Сама же дала в Петербург условленную телеграмму. Наконец, однажды полицейский не выдержал, оттолкнул ее и ворвался в комнату. Представь себе его удивление, когда на пороге его встретил раздраженный Павленков! Он за каких-то полчаса до этого прибыл из Петербурга.

Я любил слушать такие рассказы Владимира Александровича. И как-то спросил: откуда он их берет?

— Если хочешь быть знающим человеком, читай не школьные учебники и пятикопеечные брошюры, а прежде всего первоисточники: письма выдающихся деятелей культуры, воспоминания современников о художниках, писателях. Это даст тебе куда больше, чем заумные толкователи да разъяснители. Спросишь, зачем я так скрупулезно выискиваю забытые факты из биографии человека? Ведь сами-то по себе они мне, пожалуй, и не интересны. Видишь ли, я хочу понять писателя как личность. Почему он такой? Почему поступил так, а не иначе? Чем он, в конце концов, интересен как человеческая индивидуальность? Тот же Лермонтов...

— Ну, а как же Павленков издавал Лермонтова? — прервал я, надеясь узнать что-нибудь особо интересное.

— Здесь я пока что профан. Не углублялся. Знаю

только, что он издал целую лермонтовскую библиотеку — тридцать выпусков. В ней поэмы «Демон», «Измаил-бей», «Боярин Орша», драма «Маскарад», стихотворения. На каждой обложке портрет Лермонтова. В тексте — иллюстрации. Не знаю только, описывал ли кто эту лермонтовскую библиотеку Павленкова. Пожалуй, нет.

— Вот тебе и тема для очерка.

— Тут только москвичу работать. Архивы нужны, крупные библиотеки. Или же в Ленинград надо ехать.

Он прохаживался по комнате, рассуждая сам с собой, забыв обо мне. Я понял, сейчас он напрямик идет к своей «золотоносной жиле».

На следующий день, вооружившись документом, я пошел к Владимиру Александровичу. О нем, думаю, он и представления не имел. Если так, то будет и на моей улице праздник!

Застал его порядком утомленным. Видно, опять ночь провел без сна. По лицу морщины, заострился нос, глаза тусклые, усталые. На диване, на столе, на полу лежали стопки листов с наклеенными на них газетными статьями. Помню, как-то он назвал их «кладовыми моей информации». И верно, вот уже четыре десятилетия он вырезает из газет интересные сообщения о поисках и находках редких книг, литературных документов. Таких информационных скопилось у него несколько тысяч. Каталог только сделать не удосужился. Вот и бичует себя каждый раз, когда нужно найти материал, перебирает лист за листом, пока мушки в глазах не запрыгают! Я как-то намекнул ему, давай, мол, помогу: перепишу названия статей на карточки. Но он запротестовал: любое дело сам начини, сам и заканчивай. Не имей привычки на других сваливать, иначе не найдешь ни правого, ни виноватого. Передоверить — лазейка в бесхозяйственности!

— Держи! — Он сунул мне пачку листов. — Здесь о поисках и находках лермонтовских документов, редких книг. Вот прочитай: тут нашли в архиве семьи Якушкиных копию ранней редакции «Маскарада». Причем, сделана рукой Лермонтова. Вот о поисках профессора Кишиневского университета Бориса Алексеевича Трубецкого. Он внимательнейшим образом пересмотрел бессарабскую прессу и нашел материалы о том, что писалось о Лермонтове в газетах того времени. Мне кажется, самая любопытная статья в первой частной газете нашего края — «Бессарабском вестнике». Редакция объявила в связи с 50-летием со

дня смерти Лермонтова: желая почтить его память, посвящает весь номер ему и — освобождает от занятий всех работающих в газете на этот день!

Владимир Александрович подал мне еще вырезку из газеты: доцент Иркутского университета Шостакович рассказывает, как обнаружил в одном из архивов переписку Николая I с Бенкендорфом.

— Взгляни, в ней есть сведения о Лермонтове. Бенкендорф пишет, что послал стихотворение «Смерть поэта» генералу Веймарну. Пусть, мол, тот ознакомится и допросит Лермонтова. Вот, почитай-ка из письма Бенкендорфа о «Смерти поэта»: «Вступление к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное!». Блестящая характеристика!

Владимиру Александровичу стоял посреди комнаты. Взял у меня лист и сам прочитал слова императора Николая I:

«Приятные стихи, нечего сказать; я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся еще другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

— Ты понимаешь смысл этих слов? Ведь любому узурпатору выгодно считать инакомыслящего не врагом, а помешанным! И так как в руках узурпатора власть, он может творить любой произвол. А «помешанный» Лермонтов написал «Героя нашего времени». Нормальный же Николай ничего не создал, кроме виселиц!

Наконец-то он зажегся. От усталости — ни следа! Вышагивает по комнате метровыми шагами, ораторствует. Я перебираю листы с вырезками, жду момента, чтоб поразить его своим сообщением. Втайне наслаждаюсь: вот сейчас обрушу на его голову громы и молнии! Впрочем, лучше таких кипящих, как он, поливать равнодушием — быстрее отрезвляются!

— Статей о Лермонтове у тебя собрано много, — спокойно согласился я. — А вот такой не было, нет и не будет.

Неторопливо раскрываю портфель, нарочито замедленно перебираю бумаги. Он стоит передо мною, удивленно приподнимая и опуская брови.

Помучив его достаточно, я извлек вырезку из газеты «Кавказская здравница».

— Статья местного литератора Бабенко, редактора Ставропольской студии телевидения.

Он взял, подошел к окну. Я наблюдал, какая будет реакция: на его лице отражается все.

Вначале пренебрежительная усмешка. Я понял, не верит в правдоподобность того, что написано. Потом прикусил нижнюю губу и впился в текст. Но вот губы как-то сами собой удивленно раскрылись, хотел было что-то возразить. Значит, дошел до сути. А сейчас вот склонил голову — весь внимание. Брови стянуты в одну линию, вместо глаз — узкие щелки.

Владимир Александрович повернулся и некоторое время рассматривал меня, словно видел впервые.

— Где взял?

— Жена позавчера приехала из Пятигорска. Что-то из покупок завернула в эту газету. Случайность.

— Н-да. Верно — случайности! Впрочем, случайностей в чистом виде не бывает. В каждой есть своя закономерность... Ты вот заметил статью, а другой бы и не глянул!

— Пожалуй.

Он вновь прошелся из угла в угол, не выпуская из рук газетного листа. По пути глянул в пустую чашку, не остался ли кофе.

— Вечером свободен? Поедешь со мной?

— Конечно, — охотно согласился я. — Куда?

— Как куда? В Москву, разумеется. К нему.

— Ну почему так сразу? Нужно собраться, подумать, — запротестовал я, хотя в душе и понимал, что спорить с ним в этих делах — напрасный труд.

— Собираться тут нечего, не в Австралию едем. И долго думать тоже нечего. Человек в принципе ленив: рад все на завтра отложить. Потом кается.

— А что может случиться, если съездим через недельку?

— Газета вышла два дня тому назад. Не сегодня — завтра о статье Бабенко узнают москвичи. Нагрянут, заберут что надо, пока мы тут размышляем! Иди соберись, а я сейчас на вокзал, билеты куплю. Да в институт позвоню, пусть лекции передвинут на три дня. В общем, вечером ко мне. Выезжаем ночью.

В купе мы оказались одни. Владимир Александрович бросил на верхнюю полку тощий портфель. Сокрушенно покачал головой, увидев мою дорожную сумку, набитую всякой снедью, и чемоданчик, который я называл «таинственным», ибо никому неведомо было его содержимое. Пробурчал: «Явно в Индию или на Цейлон!» Потом лег,

вытянув ноги. Наконец, я задал ему вопрос, который так и вертелся на языке:

— Слушай, неужели ты серьезно думаешь найти у него рукописи, ценные документы?

— Ну нет, я не так наивен. Бабенко в своей статье упомянул бы о таких вещах. Но редкие книги, думаю, у него есть.

— Боюсь, что поездка будет напрасной,— сказал я.— Слышишь, колеса отстукивают: «Не найдешь — не найдешь!»

— Это тебе они так отстукивают. А мне иначе. Впрочем, ты отчасти прав. Найти автографы Лермонтова в частных руках почти невозможно. Хотя они, по-существу, единственный источник, по которому мы можем публиковать его произведения без пропусков, искажений. Представляешь, при жизни Лермонтова большая часть им написанного не была издана.

— Цензура?

— Не только. Излишне строг был к себе. Из 400 стихотворений опубликовал лишь 37, а из 30 поэм — три! Да и автографы не сохранял — выбрасывал, отдавал кому попало. Рукопись «Демона» и та пропала, какой-то аристократке дал читать и забыл!

Он помолчал, о чем-то вспоминая. Потом продолжал, обернувшись:

— Был у него близкий друг, Аким Павлович Шан-Гирей. Так тот, представляешь, сжег массу бумаг после смерти поэта. Отбирал нужное от ненужного! Делал это, как ему казалось, из добрых побуждений. Вот она, недалевидность людская!

— Так зачем же мы тогда спешим?

— Зачем? Сейчас втолкую. У него бывали художники, поэты, артисты. Но очень сомнительно, чтоб заглядывали литературоведы — научные, так сказать, работники. Эти нос воротят от живых людей, предпочитают высасывать друг у друга или из собственного пальца книжную премудрость. Впрочем, это говорит моя злость на них. Ведь каждый берет от жизни то, что его интересует.

— Ну а тебя что же заинтересовало?

— Не сомневаюсь, видные писатели со времен Горького дарили ему книги с автографами. Полагаю, кое-что из книг могло перейти от предков по наследству. Ведь есть книги — вехи нашей собственной жизни. Они кочуют от деда к отцу, от отца к сыну, а потом и к внуку. Если устойчивы в роду «гены книголюбства», то внук не выбро-

сит, не сдаст в макулатуру книги деда. Это — богатство не только семьи, но целого рода!

И я резонно стал ему возражать:

— Но ведь он тебе не подарит ни одной книжки!

— И не надо. Зато подержу в руках книги, которые и увидеть не всякому суждено! Это что, по-твоему, мало?!

Действительно, фанатик. Мне бы в голову не пришло.

Владимир Александрович еще долго рассказывал о необычных книгах, о письмах Лермонтова, о его друзьях, сослуживцах. Стучали колеса на стыках рельс. За окном в темноте проплывали поля, перелески, бежали телеграфные столбы. А мне под мерное покачивание вагона представлялся сам поэт, его друзья, бабушка Арсеньева, разбросанные по столу рукописи, его рисунки кавказских ущелий, черкесов, скачущих коней...

Утром на следующие сутки Владимир Александрович нетерпеливо поглядывал на часы, точно торопился на свидание. Когда стрелки показали восемь, не выдержал:

— Хватит ждать. Идем!

И вот мы на Кутузовском проспекте, отыскиваем дом, квартиру. Звоним. Дверь открывает невысокий пожилой человек в пижаме. В полутьме коридора трудно отгадать, сколько ему лет. Видно, что далеко за семьдесят.

— Здравствуйте. Вы — Лермонтов?

— Да, я. Войдите.

Ну не странно ли: в наше время человек утверждает, что он — Лермонтов! Может, шутит? Но мы трое уже в годах и слишком серьезны, чтоб так нелепо шутить. Человек, к которому мы приехали, действительно Лермонтов!

Дело в том, что у отца Михаила Юрьевича был брат. О нем иногда упоминали современники поэта в своих воспоминаниях. Так известно, что он бывал в Тарханах и даже как будто бы увез Мишеля оттуда в Москву. Род Лермонтовых продолжался по этой линии.

И теперь мы сидим в небольшой комнате у праправнука поэта. Ведем речь о Лермонтове. Петр Николаевич показывает старинное блюдо, фарфоровую статуэтку, семейный альбом. Они когда-то принадлежали Михаилу Юрьевичу. Он рассказывает о ковре, который скоро передаст музею Лермонтова в Пятигорске. По семейному преданию, этот ковер Михаил Юрьевич купил на Кавказе. Не этим ли навеяна сцена в романе «Герой нашего времени»: Печорин перекупает прекрасный ковер и, накрыв им лошадь, проводит ее под окнами княжны Мэри, мечтавшей им украсить свою комнату!..

Петр Николаевич достает из семейных бумаг пожелтевшие листы. Кладет на стол. Мы не можем сдержать волнения, увидев первые же строки — лермонтовский почерк!!!

— Это опросные пункты, которые были предложены арестованному Лермонтову по поводу его дуэли с де Барантом. Подлинный документ 1840 года,— пояснил Петр Николаевич.

Де Барант был сыном французского посланника в Петербурге. Однажды на балу, видя, что княгиня Щербатова оказывает поэту явное предпочтение, он оскорбил Лермонтова:

— Вы слишком пользуетесь тем, что мы в стране, где дуэль воспрещена!

Михаил Юрьевич ответил:

— Это ничего не значит, я весь к вашим услугам.

Конечно, мотивом для дуэли послужил не только этот, по существу, мелкий инцидент. Среди таких французов, как де Барант, ходили толки, что Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта» хотел оскорбить французскую нацию.

Дуэль состоялась. Противники сначала дрались на шпагах, а потом взяли пистолеты. Де Барант промахнулся, а Лермонтов выстрелил в воздух.

Дело получило огласку. Лермонтова взяли под арест. Вот тогда-то и заставили ответить на «вопросные пункты». Михаил Юрьевич писал, что не мог отказать де Баранту в дуэли, так как тот оскорбил не только его лично, но и Россию. Указывал, что не хотел нанести вреда противнику, и потому выстрелил в воздух.

Результат все же был суров: поэта отправили на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк. Сказалось отношение правительства к автору стихотворения «Смерть поэта».

Пока Петр Николаевич рассказывал, Владимир Александрович косил глазами на полки с книгами. Я заметил, как он за долю секунды выделяет по корешкам ту, которая для него чем-то особенна. Эта прозорливость у него, как видно, с годами стала интуицией — так натренировался глаз! Наконец он не выдержал:

— Петр Николаевич, можно на книги взглянуть?

— Пожалуйста.

И мой друг тут же отключился от нашего разговора.

Тем временем Лермонтов рассказывал, как до революции он закончил Одесскую школу прапорщиков, служил в 10-м Сибирском полку. Перешел на сторону революционного народа. А в гражданскую войну стал красным коман-

диром. Михаил Васильевич Фрунзе самолично зачислил его в Шуйский полк. Он бил Краснова, Деникина, интервентов, сражался на Перекопе; несколько раз был ранен. Потом годы учебы. И вот он уже руководитель геологоразведочных партий на Камчатке, в Якутии, в Горном Алтае.

На третий день Великой Отечественной войны в московский военкомат пришел доброволец. Немолодой. Поседевший.

— Фамилия?

— Лермонтов.

Немного замешкались, услышав такую фамилию. Объяснил. Тут же оформили в полк. И повели начальника штаба авиаполка Петра Николаевича Лермонтова уже не таежные тропы, а фронтовые пути-дороги. Пасмурное небо Ленинграда. Одетое дымом небо Сталинграда. Небо Украины, небо Донбасса. И так — до Победы.

Петр Николаевич встал и, раскрыв дверцу шифоньера, указал на фронтовой китель. Обе стороны его были густо увешаны боевыми орденами, медалями.

— Владимир Александрович, да оторвись ты от книг, взгляни, у тебя, пожалуй, поменьше будет!

Но тот вместо ответа попросил:

— Петр Николаевич, разрешите переснять автографы на память.

— Пожалуйста, если доставит удовольствие.

Соломин вынул из сумки свой безотказный «Зенит» и тут же на подоконнике стал переснимать титульные листы книг с автографами Смирнова-Сокольского, Владимира Лидина, Александра Твардовского. Петр Николаевич между тем достал книжечку «Герой нашего времени» и в знак нашей встречи сделал дарственную надпись.

Выйдя, мы некоторое время думали каждый о своем. Потом, чтоб разрядить затянувшееся молчание, я спросил:

— Автографы у него любопытные. Особенно Ивана Рахилло, Твардовского. Для чего они тебе? Коллекцию собирать будешь?

— Я, ты знаешь, не считаю себя коллекционером. Они мне кажутся наивными детьми. Но книга с автографом всегда уникальна. Ведь надписи — не просто слова. Они говорят о встречах, о дружбе, о каких-то взаимоотношениях, пусть даже мимолетных. За этими подписями — живые люди со своим характером, неповторимой судьбой. И потом... Вот, к примеру, человеку восемьдесят лет. Книг с автографами у него предостаточно. Куда они после смерти

попадут? Может, и выбросят, в макулатуру сдадут. А то, что я переснял, переживет и наших внуков, и правнуков. Если, конечно, мой «Зенит» не выкинет какой-нибудь шутки-фокуса!

— Не выкинет!

В запасе оставался еще один день. Использовали мы его каждый по-своему. Владимир Александрович уехал в Ленинскую библиотеку отыскивать по старым провинциальным газетам какой-то важный материал.

Позднее я узнал: он разыскивал материал о забытом писателе А. В. Круглове, так как еще в прошлом году купил в букинистическом магазине его книжечку «Лесные люди», изданную в Петербурге в 1887 году. Да кроме того не так давно он нашел интересный сборник статей о Тарасе Шевченко, выпущенный в 1914 году в Тирасполе. Теперь хотел установить, что это за издание, есть ли оно в музеях, в крупнейших библиотеках.

Но и у меня была мечта удивить друга. Я захватил свой «таинственный» чемоданчик и поспешил из гостиницы. Встретиться мы договорились перед отходом поезда прямо на Киевском вокзале.

...На этот раз в купе кроме нас была еще старушка. Мы ей уступили нижнюю полку. Сами устроились на верхних. Помолчали. Наконец, он спросил, лениво глядя в потолок:

— Ну как, успел? Все старье собрал или москвичам немного оставил? Граби-и-итель!

Он иронизировал по поводу моей страсти к мелким антикварным вещицам — блюдечкам, статуэткам, старинным канделябрам. Я подыгрывал его ироническому тону:

— Для жены прекрасную серебряную брошку с ростовской финифтью добыл; для себя канделябр — человека впору убить.— И собрав все отпущенное мне природой равнодушие, заключил:— Ну и тебе немного старья награбил!

Старушка на нижней полке завозилась и поспешно натянула на голову одеяло. Владимир Александрович напрягся. Я раскрыл чемоданчик, протянул ему три книги.

Прежде всего он взял в руки однотомник в добротном переплете с кожаным корешком. Раскрыл.

— Н-да. Сочинения Лермонтова в двух томах. Издание Глазунова, 1882-й год. Пятое издание. Жаль, что не первое; оно вышло вскоре после гибели поэта. Печаталось тоже в типографии Ильи Глазунова. Спасибо, спасибо.— И вновь повернув голову ко мне, продолжал:— Обрати внимание,

здесь на титульном листе выставлено: «Издание под редакцией П. А. Ефремова». Петр Александрович Ефремов был в свое время знаменитым собирателем книг. А сочинения Лермонтова он редактировал еще в 1873 году. Второе издание у меня есть. Представляешь, нашел у одного артиста в Кишиневе. Обменял на двухтомник Собинова. Оба довольны остались обменом! Кстати, о Ефремове. Он, как редактор, варварски относился к книгам: вырезал из различных изданий то, что ему подходило, переплетал, а остальное выбрасывал! Я такое себе позволяю только с газетами. А вот врач у нас в Тирасполе Петр Николаевич Кураш, так тот считает преступлением даже старые газеты уничтожать: это, мол, кладези нашей истории! Ну а тот же Ефремов — чудака-человек был. Возьмет, например, издаст классика на какой-нибудь особенной бумаге — хотя бы розовой. Причем только в двух-трех экземплярах. Себе и кому-нибудь из друзей. Так и Лермонтова однажды выпустил — большущий том, в двух только экземплярах! Вот уж раздражил коллекционеров!

Соломин зажегся. Он по-турецки сидел на своей полке. Жестикублировал. Воскличал. Но, взглянув на старуху, переходил на шепот.

За бурным рассказом о ефремовских изданиях Лермонтова он совсем позабыл о двух книжках, которые я передал ему. Но подошло и их время.

— «Герой нашего времени» в издании «Вестник знания» — не такая уж ценность, хотя и редкость. Иллюстрации, правда, любопытны. Люблю рассматривать иллюстрации в старых изданиях — есть такая слабость. Бывало, денег ни гроша, а зайду в букинистический и книжку за книжкой перебираю — люблюсь!

Я знал его страсть собирать гравюры, старинные литографии, открытки. У него дома видел то одну, то другую под стеклом на письменном столе, на стенах. Почти всегда это были пейзажи. Чащи всего он привозил их из своих поездок по молдавским селам и хуторам.

— Жанристы врут! — вдруг заметил он резко.

И тут же пояснил: если рисунок сделал современник писателя, ему можно верить. Тут едва ли проскользнет фальшь. В крайнем случае, фигуры будут, как манекены, — лишены динамики.

— Вот Самокиш-Судковская проиллюстрировала роман «Евгений Онегин». Мне Смирнов-Сокольский писал, что рисунки выполнены тонко, со знанием эпохи, но лишены движения — статичны! Когда же книгу иллюстрируют

через сотню лет после ее создания, тут уж неизбежны неточности, домыслы, осовременивание. В пейзажах это почти не сказывается, ведь природа изменяется куда медленнее человека. А в жанровых композициях — сколько угодно. Понравится иллюстрация — вешаю, люблюсь, разглядываю. А когда чувственное восприятие заменится логическим размышлением, то в глаза лезут уже и недостатки. Начнут тебя раздражать. А в жизни надо так: раздражает, действует на нервы — устрани объект раздражения. Если это человек, реже встречайся с ним; если картина, — сними и повесь другую. Не надо только делать из этого трагедии!

Он говорил, а сам продолжал рассматривать иллюстрацию, что помещена на обложке — дуэль Грушницкого с Печориным. Вздохнул:

— Знаешь, о чем я частенько думаю? Жаль, что массовый читатель почти ничего не знает об иллюстраторах писателя. Кто он, хотя бы вот этот? Ни на титуле, ни на обложке упоминаний нет. Вот и гадай!

— А кого ты считаешь лучшим иллюстратором Лермонтова?

— Прежде всего — его самого. Рисунки, живопись — неповторимы. Ты знаешь, как нашли его тетрадь с рисунками?

— Нет.

— В школу гвардейских подпрапорщиков приняли некоего Николая Николаевича Манвелова. Он занял одну из освободившихся коек. Начал приводить шкафчик в порядок. Вдруг видит: какая-то тетрадка. Рассмотрел. Альбом рисунков. На одном постоянный двор; на другом горы и какое-то жильё. Манвелов обратил внимание на бытовую сценку — охота с поросенком. На пригорке лес. У самого края несется тройка, запряженная в сани. Ямщик, стоя, погоняет лошадей, в санях полулежат два охотника. Один из них стреляет в стаю волков, которая несется за поросенком, посаженным в мешок. Мешок тот на длинной веревке волочится позади тройки!

Манвелов показал находку товарищам. И тут выяснилось: она принадлежала Лермонтову, уже отбывшему к месту службы.

— И куда делась потом это тетрадь? — спросил я.

— Так и осталась у Манвелова. Была она толстая — в 68 страниц, в картонном переплете с кожаным корешком. На листах две с половиной сотни рисунков. Ну а потом Манвелов передал эту тетрадку в лермонтовский музей, созданный при Николаевском кавалерийском училище.

— Скажи, а кто из профессиональных художников тебе больше по душе?

— Предпочитаю Врубеля. Мне кажется, он лучше других передал психологию поэта и его героев. Люблю иллюстрации Зичи, Тропинина. Из близких к нашему времени — Евгений Лансере, Митрохин — из «Мира искусств». Мне как-то приходилось держать в руках «Тамбовскую казначейшу», изданную в 1913 году «Кружком любителей русских изящных изданий» — был такой кружок. Так вот Мстислав Валерианович Добужинский прекраснейше оформил фронтиспис и титульный лист — подобного не видывал! Но иллюстрации, на мой взгляд, все-таки осовременены. Боклевский и Тропинин лучше смогли передать лермонтовское время, хотя не так символически, как Врубель.

Наконец, Владимир Александрович взял в руки самую маленькую книжечку. Взглянул, и лицо стало серьезным. Вздыхнул:

— За полгода до начала войны в Ярославль приезжал из Москвы профессор Дурьлин, лермонтовед. В областной библиотеке он читал лекцию о драматургии Лермонтова. Я тогда грузчиком работал на шинном заводе. Пошел посмотреть на живого профессора. До этого я их и в глаза не видывал. Тот самый Дурьлин Сергей Николаевич и есть автор этой вот книжечки. Ты посмотри — выпущена в 1944 году. А как он заканчивает книжку:

«Великий героический поэт Лермонтов силою могучих слов своей поэзии воистину воспламеняет всех нас для битвы с теми, кто покусился на «вольность, честь и мир» нашей родины, воспламеняет для битвы, завершающейся полной и светлой победой над врагом».

Владимир Александрович закрыл обложку и продолжал рассказ:

— Я встретился с Дурьлиным в 1946 году в Москве, когда демобилизовался. Набрался храбрости, явился к нему на дом прямо в армейском кителе, в форменной фуражке и даже при всех орденах. Сидим друг перед другом и робеем: я — перед его научными званиями; он — перед моими орденами. Потом освоились и проговорили часа два. Подарил он тогда мне свою книжку 1943 года — «Русские писатели в Отечественной войне 1812 года». — Соломин задумался. Вспомнив о чем-то, вдруг спросил: — Да, кстати, где ты вот эту книжицу раздобыл? Ведь она военных лет!

Делать нечего, рассказал ему, что взял с собою из Тирасполя несколько местных изданий. Мы с женой книги уже прочитали, и я сложил их в «таинственный чемо-

данчик». А за день в Москве обежал знакомых и выменял дефицит на «старье»!

Владимир Александрович долго молчал, не произнося ни слова. Губы сжаты, выражение лица строгое, решительное. Так и сквозит в лице какая-то неодолимая страсть к этим исчезающим книгам. Искать и только искать! Ночью, днем, за обедом, в кругу знакомых — он все время думает о своих книжных поисках. Вся другая работа идет как-то сама собою, не затрагивая особенно ни мысли, ни чувства. А с книгой связаны у него и жизнь, и творчество, и все виды эмоций. Мои размышления прервал его голос:

— Жаль, в поездах разносят не кофе, а чай. Хорошо бы сейчас чашечку.

Я полез в свой чемоданчик: жена позаботилась, зная, что в пути может понадобится и баночка растворимого кофе...

У каждой — своя судьба...

Ненастный осенний день. В такую погоду из дома не выйдешь. Однако мы с женой собрались и пошли к Владимиру Александровичу. Он немного простыл и потому хандрил — не работалось! Моя жена приготовила ему какой-то особый «грудной» чай из трав и ушла хозяйничать на кухню. Мы остались вдвоем. Прислушивались к стону ветра, к барабанной дробе дождя.

Хотя в разговорах со своим другом я избегал проблем его личной жизни, но тут — погода была виновата, — не выдержал:

— Не скучно тебе одному? Женился бы.

— Нет уж, уволь. Сыт семейной жизнью вот до сих пор. — И он провел ребром ладони по горлу. — Да и годы. Доживу век в компании со своими друзьями.

Он кивнул в сторону книжных полок.

Под самый потолок уходили одиннадцать стеллажей. Но книгам уже не хватало места. Они громоздились на подоконнике, на двух стульях, примостились с краю стола и настойчиво теснили рукописи. Как он ни пытался рассовать их по полкам, все равно оставались «лишние». А сам продолжал покупать. Кое-что хотел было сдавать в букинистический, и однажды попытался отобрать «ненужные». Ничего не получалось. Стоял возле полок, переворачивал одну за другой и так и эдак. Смотреть не его страдания было

тяжело! И я вынес тогда приговор: пусть все остаются, в тесноте — не в обиде! Владимир Александрович поспешно согласился и тут же успокоился. Вот и сейчас, прищурившись, озирает свои стеллажи.

— Книги эти, Дмитрий Николаевич, — вехи моей жизни. Подойду к полкам, часами могу стоять. И не скучно. Словно житие свое читаешь: где побывал, что делал, с кем встречался. Дневника вести не надо! А иногда наступает такое паршивое состояние, даже и не объяснить, почему — все из рук валится. Подойду тогда к полкам и перебираю книжку за книжкой, так и увлекусь, и вдохновение, глядишь, появится написать что-нибудь! И вот задумываюсь: Михаил Пришвин сказал как-то, что самое трудное для писателя не процесс самого писания, а то время, когда не пишется. Вот и мне также. Но только по-другому немного: не работается — трудно, и единственное лекарство — в книгах покопаться!

Когда та или иная мысль увлекала его, он, как и все эмоциональные люди, выходил из себя: возбуждался, ораторствовал, размахивал руками, митинговал — даже передо мною, единственным слушателем!

Но сейчас мне было просто-напросто жаль его сил, простуженного горла. Я поспешил перевести разговор в другое русло:

— А где начало твоей библиотеки? Сохранилась ли самая первая книжка?

Он остановился, вздохнул, как от неожиданности. И вдруг усмехнулся:

— Ишь, чего захотел? Самую первую! Учти, первая книжка в руках ребенка — в некотором роде случайность. У него скорее возникает потребность в игрушке, чем в книжке. А знаешь, мне в раннем детстве, как ни странно, запечатлелась не конкретная книжка, а именно библиотека: хотя я ее в реальности и не видывал.

— Любопытно.

— Однажды мне, маленькому, приснился сон. Иду будто бы по дороге, а с обеих сторон одна к одной стоят книги — рядышком выстроились в длинную линию. Проснулся. Утро. Влез на стул и давай обрывать — листок за листком — календарь. Мать меня и застала, когда месяца на три вперед листочков наотрывал! Ахнула, трепку задала. А я из этих листочков три книжки слепил хлебным мякишем. С картинками были книжки! Потом журнал изрезал, несколько газет — библиотеку делал. Хранил все в печурке. Помню, отец поддержал мое начинание — полочку сколотил. Я на

нее свои самоделки поставил. Вижу — жидковато. Тогда нашел способ пополнить книжное собрание. Ты читал, как в восемнадцатом веке мелкопоместные дворяне заводили себе библиотеки из сотен томов? Мода появилась. Только книги были у них не настоящие, а вытачивались из дерева крепостными мастерами. На корешки накладывался сафьян, делались оттиски — «Вольтер», «Дидро», «Энциклопедия»! Так вот и я в ребяческом возрасте сам додумался до такой деревянной премудрости. Подобрал несколько чурок в сарае и оклеил их цветной бумагой. На полочку поставил, словно книги!

— И долго прожила твоя библиотека?

— Разочарование наступило скоро и неожиданно. Как-то пошли с отцом в клуб. Он и говорит: зайдём в библиотеку. Открыл дверь в одну комнату. Я так и ахнул. Полки под потолок, и на них книги! Стою, как очумелый, и шагу не могу ступить. Поразил меня книжный строй. Старичок какой-то из-за стола встал, с отцом здоровается. А я стою истуканом. И вдруг как разревусь — слезы в три ручья!

Пришли домой. Я свою библиотеку снял с полочки, отнес за огород, туда, где дрова лежали... Вот и повесть о моем первом книжном собрании!

— Ну а дальше?

— Потом года на два я совсем охладел к книгам. Ни одной в руки не брал. Отец, мать, бабка почитывали. А я и от картинок в журналах отворачивался.

— Когда же наступил перелом?

— Тут история детективная, с воровством.

— Интересно!

— В начале тридцатых годов жили мы в Ярославле. Город старинный губернский, с добротной мостовой из булыжника, с тротуарами из досок и деревянными тумбами по бокам. Транспорт — чахлый трамвайшко. Он гремел от вокзала до театра имени Волкова. А какое множество извозчиков!

Заприметил я как-то цыгана. Ездил он на резвой лошаденке, дышло увешано цветными лентами, пузырями. Собирал этот цыган тряпье, бумагу. Взамен давал леденцы, нитки, иголки, гребешки, другую мелочь.

Однажды остановился он возле нашего дома. Глянул я, а у него в телеге книги! Кто-то вместе с тряпьем сдал. Я стрелой в сараюшку. Сгреб в охапку наволочку с остатками от лоскутов (мать из них крючком грубые половики вязала!) и — к цыгану. Он тряпье мое сложил, открыл было железную коробку с леденцами. А я уперся: книжки, мол, желаю!

Цыган, видно, прикинул в уме: тряпье лучше бумаги! Сунул мне книжки и погнал дальше.

Сейчас не помню, что за литературу я приобрел. Книжки-то были без начала, без конца, потрепанные. Одна дожила до наших дней.

Владимир Александрович встал, подошел к полке и вынул картонную коробку. В ней растрепанная донельзя «Хижина дяди Тома».

— Берегу эту книгу. Раскроешь, так и дышит моим детством!

— Ну а потом,— продолжал он,— стал я караулить цыгана. Как завижу — мигом к нему. Все тряпье из дома перетаскал, и нужное, и не нужное! Потом на преступление пошел...

— Это еще как?

— Видишь ли, мальчишки больше, чем девчонки, склонны ко всевозможным приключениям. Кроме, разумеется, любовных. Это заложено в их биологической природе и поддерживается социально-общественными факторами. Даже библиотекари заметили, ребята больше любят читать о войне, о пиратах; а девчонки — о любви да стихи! У меня же авантюризм был словно в крови. По генам, видно, от какого-нибудь предка перешло. Так вот, подошло время, я совсем обеднел в смысле тряпья. Соблазн же занять старый журнал или книжку увеличивался в геометрической прогрессии. Стал я следить за цыганом, куда он свое богатство на таратайке свозит. Выследил. На «Стрелке», где речка Которосль впадает в Волгу, стояли огромные сараи. Перевалочный пункт. Сюда со всего города свозили утиль. В сараях его сортировали, грузили на баржи.

Зашел я однажды за сарай, рассмотрел сквозь доски, что там внутри. Женщины-работницы стаскивали тряпье, заворачивали в тюки. А подальше, у стены — гора бумаги, газет, старых книг!

Два дня страданий, и я перешел грань. Когда после работы на амбар навесили замок, я прокрался и, будто бы играя, отодрал немного доску. Воровато оглянувшись, протянул руки и сунул за пазуху пару книжонок. Побежал стремглав, словно весь город за мною гнался! Дома спрятал в чулане. А ночью не знал ни сна, ни покоя: снились кошмары. То черные птицы налетали стаями, расклеивали книги до дыр, то сами листы со скрежетом переворачивались. А то милиционеры ходили по нашему чердаку, искали преступника. Хотел даже встать и перепрятать книжки за сарай!

Но прошел день, другой. Ни от бога, ни от милиции кары мне не было. И вот я снова кружусь возле сараев, жду, когда работа там закончится. Уже неторопливо бегу домой, прижимаю к груди две-три книжки. Правда, ночью кошмары не отступали. Но вскоре успокоил отец. Набравшись храбрости, я спросил его:

— Папа, а куда старое тряпье с бумагой девают?

— На макулатуру, сынок, сдают. Потом повезут на фабрику, побросают в котлы. Переваривают. Бумагу делают, серая получается, для картона.

Это было для меня открытием и как бы санкцией к пополнению библиотеки. Кто знает, сколько перетаскал бы я макулатурных книжек, не случись пожара. Пламя начисто слизало сарай, конторку и дощатый забор. Больше всех горевал, наверное, я.

— Теперь ясно, твоя библиотека основана на уголовном преступлении. Правда, за давностью лет уже ненаказуемом.

— Ошибаешься. Раз свидетелей нет, значит, и преступления не было.

— Зато улики остались — книжки сохранились?

— Считаю, ни одной. Во время войны потерялись. Кстати, тогда, в семь лет, я и читать-то еле умел. До сих пор не знаю, что за книги побывали у меня в руках. Подозреваю только, что сейчас им в букинистическом цены бы не было! Помню, мать брала у меня и читала — исторические романы Загоскина, Данилевского, рассказы Горбунова, приложения к «Ниве», «Родине». Так что в те тридцатые годы немало вреда принесли макулатурщики. Да и когда церкви разрушали, не одну тысячу старопечатных книг на тот свет отправили. Вот где «Слово о полку Игореве» разыскивать надо бы. Преступление, освященное глупостью и «духом времени!» Я теперь всегда внимателен к тому, что сдают в утиль. И знаешь, сколько ценного нашел в макулатурном старье? Вон стоит полное собрание сочинений драматурга Островского издательства «Просвещение». Оно выходило под редакцией артиста Модеста Писарева, друга Островского. Это лучшее из дореволюционных изданий. Его списала на макулатуру одна из кишиневских библиотек. У меня сейчас все десять томов — на почетном месте! А как-то покойный ректор Ярославского пединститута Андрей Степанович Гворзарев рассказывал мне: нашел на складе среди макулатуры «Граматику» Мелетия Смотрицкого. Представляешь, это ту, по которой учился Ломоносов, «вратами своей учености» называл! Да и у меня однажды произошел

поразительный случай. Иду в Кишиневе по одному двору. Смотрю, загружают автомашину макулатурой, одна библиотека списала. Остановился, присмотрелся. Вижу, книга в старом переплете. Раскрыл. А это журнал «Мир божий» за 1898 год. Библиотекарям с высшим образованием книга оказалась «священной»!

— Ну а как же иначе? — спросил я, удивленный.

Владимир Александрович взял с полки журнал «Мир божий». Раскрыл оглавление. Я прочитал: «Политический деятель старой Франции» — очерк

Авгения Тарле, «Два типа» — повесть Григория Мачтета, статья о романе Золя, заметка о положении рабочих на спичечных фабриках...

Я был обескуражен: «божественное» название журнала и — чуть ли не марксистская литература!

А Владимир Александрович между тем рассказывал:

— Есть у меня еще комплект журнала «Мир божий». Как-то закончил лекцию для учителей Тирасполя. Сложил в портфель книги, фотографии Есенина, о которых рассказывал. Меня тут же окружили слушатели. Одна из них говорит:

— У меня есть подшивка дореволюционного журнала. Вышлю вам из Унген.

Я, конечно, поблагодарил ее. Однако тут же подумал: многие обещают выслать по почте, привезти редкие книги, да забывают...

Прошло несколько дней. Телефонный звонок:

— Привез вам журнал, хотелось бы передать лично.

И вот сын Любови Михайловны Лагутиной у меня в кабинете. Рассматривает редкие книги, автографы Паустовского, Корнея Чуковского, Симонова. А на столе принесенная подшивка журнала «Мир божий» за 1900 год. От заглавия веет чем-то устаревшим, допотопным. Но ведь это только для непосвященных!

Владимир Александрович взял с полки переплетенный

том. Показал мне в оглавлении рассказы Гарина-Михайловского, статьи о наших и зарубежных городах, о быте фабричных рабочих, крестьян. Раскрыл один из номеров и сказал:

— Вот, прочитай, что писали о Тирасполе.

В № 12 за 1900 год рассказывалось о народном образовании в Херсонской губернии, в которую входил и Тираспольский уезд. Повсеместно земства сокращали строительство школ, больниц. «Несмотря на крайне неудовлетворительную постановку в Тираспольском уезде всего дела народного образования,— говорилось в статье,— несмотря на скудность народных училищ, отсутствие библиотек, читален, в будущем году не будет открыто ни одной новой школы. Земское собрание, и без того не особенно тароватое на расходы на школьное дело и медицину и в этом отношении стоящее в хвосте всех других земств Херсонской губернии, сильно сократило свой школьный бюджет».

Владимир Александрович решил еще больше удивить меня. Втайне наслаждаясь, он достал с полки 4-й том сочинений Ленина, отыскал рецензию на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки» и протянул мне раскрытый том.

— Видишь ленинскую статью?

— Вижу. Но какое это имеет отношение к журналу?

— А ты посмотри, что сказано о рецензии в примечаниях. Статья-то впервые была опубликована в «Мире божьем».

Он перелистал страницы и указал на один абзац:

«Мир божий» — ежемесячный литературный и научно-популярный журнал либерального направления, издавался в Петербурге с 1892 по 1906 год. В 1898 году в журнале была помещена рецензия Ленина на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки»...

Затем Владимир Александрович рассказал мне, что «Мир божий» был либерально-буржуазным изданием, допускавшим, по выражению Ленина, марксизм «собственно из моды»; что в беллетристическом отделе журнала публиковали свои произведения Горький, Мамин-Сибиряк, Бунин, Куприн, Гарин-Михайловский и другие передовые писатели.

— Интересная книга, — сказал я.

— Мало сказать, интересная. Замечательная! Я ею особо заинтересовался, расследовал. Видишь ли, каждая книга, даже самая незначительная, имеет свою судьбу, свою биографию. Одна необычно рождается; другая продлевает

такое путешествие по матушке-земле, какое не снится иному туристу; третья — живет подпольно, ее преследуют, арестовывают, уничтожают. Но проходит несколько десятилетий, и мы обнаруживаем ее там, где и найти-то не думали. Словно легендарная птица Феникс родилась из пепла! И вот что любопытно, Дмитрий Николаевич, судьбу книги нередко можно проследить по ее внешнему виду. Посмотри на этот экземпляр.

Я взял книгу в руки, осмотрел и дал свое заключение:

— Не залеживалась на полках. Переплет потертый, листы выпадают, уголки захватаны — через десятки рук прошла.

— Обрати внимание на штампы, — подсказал Владимир Александрович. — Если судить по этому, то до революции находилась она в Казани. Потом попала в библиотеку № 11 имени Лаврова в каком-то городе. А вот печать кишиневской библиотеки, откуда ее и списали на макулатуру. Но эти печати, инвентарные номера не так уж интересны. Посмотри на этот штампик.

Он указал на один — выцветший, фиолетовый. В зубчатом овале — слова: «Библиотека Л. П. Рейнгардт в Казани».

— Этот штампик, — продолжал он, — принес мне много хлопот. Ведь за несколько лет до того, как его поставили на книжку, в Казани жил и учился Владимир Ульянов! Город-то считался рассадником революционных идей. Из Казанского университета вышел царубийца Дмитрий Каракозов. Здесь же произошла известная студенческая забастовка, после которой Владимира Ильича исключили из университета!

Он взволнованно ходил по комнате, то обращался ко мне, то к книжным полкам. Говорил громко, возбужденно. Даже моя жена выглянула из кухни узнать, что случилось.

— Учти, в Казани было много частных библиотек. Особенно у народнической интеллигенции. Ну вот, взялся я тогда за справочники, за воспоминания казанских артистов, писателей, ученых. Думаю, не упоманет ли кто из них об этой библиотеке? Нет. Не нашел. Тогда отправил письма книголюбам, знатокам штампов, экслибрисов. Все равно дело не движется — не нахожу концов. Откладывал работу с недели на неделю, искал другие пути. Потом пришла как-то мысль: не помогут ли работники Казанского музея или республиканской библиотеки Татарской АССР?

Владимир Александрович вышел в лоджию и возвратился с папкой, на которой сверху выведено — «Мир божий».

— Вот, что мне написали из музея Татарии: «Библиотека принадлежала Лидии Петровне Рейнгардт — жене редактора-издателя «Волжского вестника» Николая Викторовича Рейнгардта. Библиотека была детской, помещалась она на улице Покровской (ныне улица Карла Маркса)».

А вот ответ на мой запрос из республиканской библиотеки Татарии. Он такой же, как и первый. Но, пожалуй, самое ценное для меня содержится вот в этой справке из Центрального архива Татарской АССР. Они нашли любопытные сведения, читай: «В документальных материалах архивного фонда канцелярии Казанского губернатора имеются факты о том, что в Казани существовала общественная библиотека Рейнгардта, которая служила конспиративной квартирой и этапным пунктом для бежавших политических ссыльных. Фиктивным владельцем этой библиотеки был присяжный поверенный Рейнгардт, отличавшийся «крайне неблагонравным политическим направлением». Рейнгардт был руководителем одного из восьми кружков... Кружки состояли из студентов Казанского университета и Казанского ветеринарного института, носили земляческий характер и находились в тесной связи с революционерами других городов».

— Теперь понимаешь, куда ведет ниточка? К Ленину! Я предполагаю, что Владимир Ильич знал об этой библиотеке, а может, и пользовался ее книгами. Хотя при поступлении в университет он и дал подписку, что не будет состоять членом какого-то «землячества» или состоять в каком-то обществе, но он сразу же вошел в Самаро-Симбирское землячество. А это были спаянные организации, и каждая имела свою библиотеку.

Он помолчал и потом заключил:

— Я еще продолжу поиски. Хорошо бы найти и другие книги этой библиотеки. К тому же неплохо установить, кто из марксистов знаком был с Рейнгардтом. Помнишь, я тебе рассказывал, как ездил в Сибирь на розыски библиотеки Андрея Деренкова? Думал, найду что-нибудь о Рейнгардтах. Но увы...

Владимир Александрович молча походил-походил по комнате и сказал для меня самое неожиданное:

— Придется на днях расстаться с журналом.

— Это еще почему? — удивился я. — Продаешь?

— Что ты. Год назад я побывал в Красноярске. Зашел в Дом-музей Ленина. Там у них столик, за которым работал Ленин. На нем номера журналов «Русское богатство», «Русская мысль», но — за 1912 год! И нет ни одного с 1898

года, когда Ленин был там проездом в Шушенское. Вот я им и вышлю в подарок. Пусть поместят на ленинский столик. Нет, такую книгу я бы не продал, не обменял. Но тут уж случай особый. Через себя надо перешагнуть, через свое я. Вот так-то...

Я задумался, перелистывая журнал.

Из задумчивости меня вывел голос Владимира Александровича:

— У каждой библиотеки есть свое начало, бывает и конец. Но чаще она живет долго — переходит от поколения к поколению. Изменяется, обновляется, как вот моя. Она словно ветвистое дерево: корни, ствол — нерушимы; обновляются только листья! Вот, дорогой мой друг, почему я задумываюсь частенько над судьбами личных библиотек. Представь себе, как неповторима в своей истории каждая из них — совсем, как жизнь человека!

И видя мой внимательный взгляд, продолжал совсем уже не в мою пользу:

— Только не возгордись своей библиотекой — она не дерево, а обрубок без ствола и без ветвистых сучков!

— Это еще почему? — удивился я, хотя и привык к его парадоксам.

— Во-первых, потому, что ты не книголюб, а как бы тебе повежливее сказать... Ну, книгочей, что ли? Было такое слово в ходу. Читать ты любишь, а к самой-то книге, как к благородному предмету, равнодушен. Ведь так?

— До некоторой степени ты прав.

— Во-вторых, книги у тебя, как солдаты в строю или спички в коробке: все свеженькие, чистенькие — как на подбор. Ни растрепанных, ни разного формата. Вот уж скука!

— Но ведь ты как-то заинтересовался моей библиотекой? — возразил я.

— Не библиотекой, а двумя-тремя книгами. Не путай этих понятий. Даже десяток любопытных книг — это еще не библиотека. А остальное у тебя специальная литература, инструмент для твоей работы. Не называй свои книги библиотекой. Ведь и истории-то у нее по существу нет. Корней-то не видно! Так?

— Истории нет, это верно, — согласился я. — Ну а все же, твоя с чего началась? Получается: книги были и в четыре года, и в семь лет, а самой-то библиотеки не было?

— Не было. Начал собирать, когда читать выучился. Тогда в некотором роде и отбор пошел.

— Почему «в некотором роде»?

— Видишь ли, считают, что школа руководит чтением ученика. На мой взгляд, это величайшее заблуждение самодовольных учителей. Ребенок лишь только оторвется от букваря, как младенец от соски, уже самостоятелен в выборе книг. В соревнование с узаконенной в программах литературой вступают десятки других, стихийных, я бы сказал, течений. Это книги родителей, знакомых; книжные магазины, библиотеки. Чаще передача самими учениками из рук в руки «интересных» книг!

Так вот от школьных хрестоматий с кастрированными текстами, тошнотворных «разборов» у меня не осталось ни в душе, ни в памяти не единого зернышка. В классе я считался нерадивым. Но во дворе был душою девчонок и мальчишек: собирал добровольных слушателей и без конца пересказывал содержание прочитанных книг! Так что школа жила своими законами, а я своими!

Чтение мое было повальным. «Приключения Тома Сойера», «Человек-амфибия» сменялись романами Майна Рида, Луи Буссенара. Эти в свою очередь путешествиями героев Жюль Верна. Нередко под руку попадались брошюры о сыщиках, я с жаром глотал «Ната Пинкертона», «Гений русского сыщика Путилин», «Ник. Картер». Особенно Шерлока Холмса. Мог ли я, мальчишка, знать, что низкопробные подделки никакого отношения к художественной литературе не имеют? Уяснил позже: прочитал как-то статью Корнея Чуковского о Шерлоке Холмсе. Он рассказывал, как в начале XX века у Шерлока Холмса появилась масса отвратительных двойников. Спекулянты-издатели ради легкой наживы стали выбрасывать на рынок тысячи фальшивых книжонок — подделки под Конан Дойля. Да и сам помню, в каждом киоске продавали десятками так называемые «сыщицкие» брошюры с заглавиями «Кровавый талисман», «Желтые черти», «Заговор негров», «Королева семи дьяволов». Вот такое застал и я, мальчишка. Стал глотать с неимоверной жадностью эти отбросы!

— И что же, дало тебе что-нибудь такое, как ты говоришь, повальное чтение?

— Пожалуй, развило фантазию. Ведь вся эта стряпня, надо отдать ей должное, была исключительно остросюжетная. Книжки попадались с оторванными страницами, без окончания, а чаще без продолжения. Потому я нередко додумывал конец! А это в развитии фантазии человека немало важно. Мне кажется, какие споры, дискуссии поднялись бы, сделай только самую малость: публикуй произведения без десятка последних страниц, показывай фильм, обрывая

его за 3-4 минуты до окончания. Каждый додумывал бы своими силами и, без сомнения, развивался бы куда быстрее! Еще скажу, Дмитрий Николаевич, одно: такая литература уводила меня от серенькой в целом-то жизни в мир экзотики, приключений. Как раз туда, куда школа нам закрывала двери!

Было еще в моей жизни нечто, связывавшее с книгой. Видишь ли, в наш бурно скачущий век акселеративная юность не увлекается тетрадочками, альбомчиками с переписанными песенками и душещипательными романсами. Но в 30-е годы это было эпидемией. Правда, я миновал искушения. Увлёкся другим, несколько странным занятием: переписывал понравившиеся книги! Попадала, к примеру, в руки «Дочь Монтесумы, царя мексиканского» или «Приключения Тома Сойера на воздушном корабле», я тут же проглатывал. Потом суровой ниткой сшивал из листов тетрадь, рисовал кудрявые виньетки и старательно переписывал текст из книги! Живи я эдак лет на триста-четыреста пораньше, из меня вышел бы усердный книжный переписчик!

— И где же теперь твои рукописные книги?

— Недолго хранились. Сверстники-ребятишки читали, из рук в руки передавали. Отпечатанные типографским способом я никому не давал и хранил как зеницу ока. Кое-что и сейчас на полках здесь стоит. Вот с чего и началась моя библиотека.

Вошла жена с приготовленным ужином. Беседа продолжалась в том же духе.

— Будь у меня побольше времени,— сказал Владимир Александрович,— я обязательно писал бы очерки о личных библиотеках. Пришел бы к одному, к другому из знакомых. Выспрашивал бы и писал. Представляете, что это был бы за сборник рассказов. Настоящий детектив! Тут и пропажи и похищения, подделки и подчистки, поиски и находки, радости и огорчения! А мне ведь частенько приходилось идти по следам исчезающих или совсем пропавших библиотек.

— Как это — пропавших?

— Да вот, к примеру, одна из знаменитых библиотек. Я от начала до конца распутал ее историю. Потом написал большой очерк. Его как-то опубликовали в журнале «Библиотекарь». Но с большими сокращениями.

— А нет у вас полного варианта, без пропусков?

— Как же не быть. Есть.

Он вышел в лоджию и вскоре возвратился обратно с папкой — «Дело библиотеки А. Д.» (Деренкова — авт.).

Пересмотрел варианты и подал мне пятнадцать страниц на машинке. Я передал жене:

— Почитай вслух. Домой что-то не хочется. Здесь как-то уютней.

— Тебе всегда здесь уютнее,— засмеялась она.— Ну что же, ешьте то, что приготовила, запивайте своим кофе. А я, так и быть, вслух вам читаю. Самой интересно.

... Жена закончила чтение статьи. Отложила последний лист. Мы сидели и молчали. За какой-то час сжились со старой Казанью, со студентами-народниками, с сухоруким булочником, портрет которого лежит вон там на столе, с пекарем Алексеем по кличке «Грохало». Отойти от всего этого не так-то легко. И он, создатель очерка — книжный следопыт, сидит, задумавшись, по-своему переживая только что прочитанное. Вдруг тихо — полусшепотом:

— На этом история не заканчивается. Десять лет тому назад я ездил в Сибирь, в Анжеро-Судженск.

— И нашли что-нибудь?

— Нашел. Шаг за шагом я проследил жизнь Андрея Деренкова вплоть до его кончины в 1946 году. Жизнь человека — вот она, как на ладони. А библиотека его — в непроницаемой тайне! Судите сами: книги были у Деренкова в Казани? Можно только предполагать. Какие из них он взял в Сибирь? Неизвестно. Что собрал в Анжеро-Судженске? Не ясно. Где сейчас библиотека Деренкова? Не знаю...

И я понял: ответ даст только поездка в Сибирь.

Выбрал время. Поехал через Москву, через Урал в сторону Новосибирска. Ехал и гадал: что ждет меня в Анжеро-Судженске? Может, у кого-нибудь сохранились и письма Горького к Деренкову? Те, что еще не найдены. А может, другие материалы? Копался в памяти и вспоминал о различных находках, пропажах горьковских писем, книг, рукописей, документов. Ведь мы знаем Горького по сохранившимся его письмам, по воспоминаниям современников. Но если бы сейчас обнаружили все утраты — ненайденные его произведения, переписка — то наше представление о писателе, о его творчестве, о его окружении было бы куда полнее. Да вот вам отрывок из письма.

Владимир Александрович встал, вынул из папки листочек. Прочитал:

«Нечеловеческая воля его не исчезла, она остается на земле, воплощенной в людях. Работа, вдохновенная и начатая им, не может быть оставлена навсегда, и едва ли даже ее можно прервать на время. Мир ждал этого человека,

человек явился, указал путь, и этим путем люди пойдут до конца, имея впереди светлый образ бессмертного вождя».

— Это слова о Ленине, сказанные Горьким. С кем он поделился своими мыслями? К кому обратился? Навсегда останется тайной. Письмо потеряно, адресат — неизвестен. Осталось лишь несколько строчек. В 1927 году их цитировала «Правда», опубликовав и факсимиле — часть письма Горького.

Кстати, в архиве Горького есть и обрывки писем, в прямом смысле слова! Одно из посланий

его к К. П. Пятницкому имеет такой вид: верхняя часть отрезана, конец утерян. От большого письма оставалось несколько строк. А от одного письма Горького к Вересаеву уцелела лишь вторая половина...

В архиве сохранилось несколько тысяч писем от зарубежных писателей, артистов, ученых. Алексей Максимович лично отвечал на большую часть писем. Но до нас не дошли многие из его ответов...

Увлеченные, мы не заметили, как Владимир Александрович поднялся и прохаживался мимо полок, словно читая лекцию. Он то брался за какой-нибудь листок, то раскрывал книгу и зачитывал из нее. Но чаще цитировал.

— Некоторые письма важны не сами по себе, — говорил он. — Они — своеобразный ключ к творчеству писателя. Их строки раскрывают нам его замыслы, рассказывают о том, как он работал. Мы жалеем об утраченных письмах Горького не ради любопытства. Они нужны нам для того, чтобы он полнее, многограннее предстал перед нами, как художник и как человек.

— А почему же пропадали письма и рукописи Горького? Кто повинен в этом — сам писатель или сложившиеся обстоятельства?

— А вот я вам зачитаю письмо, которое Горький писал Чехову 27 июня 1901 года из Нижнего Новгорода:

«Дорогой Антон Павлович!

Письмо Ваше от 18-го получил только сегодня, 26-го. Всю корреспонденцию я получаю через жандармское правление распечатанной и прочитанной, письма и телеграммы задерживают дней до пяти. Будете писать — пишите на имя жены, пожалуйста. Мои письма тоже пропадают в огромном большинстве, так что я не надеюсь, дойдет ли до Вас и это».

Почти то же писал он в марте 1917 года из Петрограда в Москву Е. П. Пешковой:

«Охранников среди нас числа нет! Я был так ловко обставлен, что все, что у меня дома творилось, было в тот же день сообщается охране. С моего стола воровали: письмо, полученное мною 25-го февраля, лежавшее на столе у меня, 26-го исчезло, а 2-го марта его нашли в охранке!».

Свершилась Октябрьская революция. Были вскрыты министерские архивы — письма эти увидели свет. Их поля усеяны пометами, регистрационными номерами. И настоящие адресаты получили эти письма Горького, но только через десять, двадцать с лишним лет!

Пропажа рукописей в полиции, уничтожение горьковских писем жандармами — это те фатальные обстоятельства, которые характеризовали «гнусную расейскую действительность». Но и сам писатель порой был виновен в небрежном хранении своего эпистолярного наследия. Много казалось ему не нужным, не стоящим внимания. А личные письма?! Некоторые материалы Горький не держал у себя — передавал друзьям на сохранение. Кому передал и что — чаще всего забывал. Те по мере возможности старались сберечь его бумаги. Вот, например, 19 октября 1925 года Горький пишет Пятницкому из Сорренто:

«Уважаемый Константин Петрович, у Вас должны быть некоторые мои бумаги, письма литераторов — например Л. Н. Андреева — и т. д. Помнится, я передал Вам несколько пакетов переписки моей. Однако — не уверен в этом.

Но если прав, не будете ли Вы добры передать имеющиеся у Вас мои бумаги подателю сего Владимиру Паулиновичу Гертман».

11 декабря 1903 года известный издатель А. Ф. Маркс попросил Горького дать для популярного журнала «Нива» какой-нибудь рассказ. Алексей Максимович посылает из Нижнего Новгорода ответ на письмо Маркса Пятницкому, прося переслать его по почте в редакцию журнала «Нива». О чем Горький писал издателю? Дал ли свое согласие, отказался ли? Так это и осталось тайной. Письмо Горького

до сих пор не разыскано. Но ведь не найденное, не разысканное — это еще не пропавшее бесследно?!

— И вот я поехал искать,— продолжал Владимир Александрович.— Мечтал найти хотя бы одну книжечку Горького — или его личную, или из библиотеки Деренкова.

Узловая станция Тайга. За нею Анжеро-Судженск. Когда-то, много лет тому назад, я бывал здесь — в Мариинске, в Кемерово. Все изъездил, исходил с геологами.

В Анжеро-Судженске старожил показал, где был дом Деренкова; здание клуба горняков, где размещалась когда-то молодая библиотека. Побывал я и в новом клубе, походил вдоль полок с книгами. Все новенькое, даже потрепанные книжки — и те сравнительно недавнего издания. От библиотеки Андрея Деренкова и следа, как говорится, не осталось! Вот и поездка моя как будто бы ни к чему!

Будь такое со мною раньше, лет эдак двадцать назад, я поругал бы мысленно себя за поспешность и успокоился: что сделаешь? Пропали, мол, книги, ну и пропали! Но опыт многолетних книжных поисков подсказал: это лишь прелюдия. Начинать надо со старожилов из местной интеллигенции — врачей, учителей, инженеров. С тех, у кого сохранились старые отцовские библиотеки. Ведь если редкая книга задержалась у знатока книг, считайте, что она сохранена. В относительной безопасности.

— Почему «в относительной»?

— Ни одна квартира не может быть ни сейфом, ни хранилищем для книг. Любое стихийное бедствие, и книги нет! Во-вторых, кто знает, что будет с книгами после смерти хозяина? Хорошо, если попадут в государственное хранилище или в букинистический. А если к случайному человеку, то здесь ее рано или поздно ожидает смерть. Помнишь, я тебе рассказывал о тамбовском коллекционере Никифорове. Так вот как-то пришёл он к одной женщине посмотреть старые книги. Перебирал одну за другой — ничего стоящего. Та пригласила к столу, чайку попить. Садятся. Она берет с подоконника книгу в кожаном переплете. Ставит на нее чайник, чтоб клеенку не испортить. Никифоров взял книгу в руки да так и ахнул: книге-то более двухсот лет — «Слова и речи, произнесенные на открытии Академии художеств Российской!»! Такие казусы, Дмитрий Николаевич, надо учитывать!

— Ну а у вас как дальше дело пошло? — нетерпеливо спросила жена.

— Так вот, стал я разыскивать старожилов, особенно из интеллигенции. Обратился к дочери одного старого учи-

теля, попросил разрешения взглянуть на ее библиотеку. В шкафу сотни полторы книг.

— Беру один томик, стоящий в верхнем левом углу. Раскрываю добротный переплет, и сердце замирает!

«М. Горький. Очерки и рассказы. Том 1-й, 2-е издание С. Дороватовского и А. Чарушникова. С. Петербург, 1899 г.»

Еще не осознав важности находки, вижу надпись слева на обратной стороне переплета: «Из книг А. Деренкова».

Ох, как трудно сдержать радость. Да что радость? Ликование! С трудом придаю лицу строгость — так лучше, серьезнее.

Ставлю книгу на место и беру с полки другую.

— Отец оставил, — пояснила женщина. — Мы этих не читаем, у нас тридцатитомник Горького. Там все есть.

— Да, там все есть, — мудро соглашаюсь я. И тут же:

— Продайте мне, я собираю...

Женщина прервала меня торопливо:

— Что вы, что вы! — замахала даже руками. — Нашли, что сказать: «продайте»! Возьмите себе в подарок, с удовольствием. Вы собираете, студентам покажете. А нам-то зачем?!

— Что же, спасибо. А я вам вот свою подарю, с автографом.

Я уходил с книгой из библиотеки «моего» Деренкова — с первой своей находкой на земле Сибирской. Думал: не ее ли прислал Алексей Максимович своему старому другу?!

Позднее, заехав в Новокузнецк, я не утерпел, зашел в библиотеку пединститута и по справочникам, пособиям, переписке Горького узнал, как издавался первый сборник его рассказов.

В декабре 1897 года Алексей Максимович послал издателю журнала «Жизнь для всех» Владимиру Александровичу Поссе вырезки из разных провинциальных газет со своими рассказами. Стоит ли их издавать отдельной книгой? Тут были «Песня о Соколе», «Старуха Изергиль», «Макар Чудра» и другие.

Поссе предложил рассказы Горького видным издателям О. Н. Поповой, А. М. Калмыковой, М. Н. Семенову. Но те отказались издавать какого-то полубезымянного «бродягу», да еще взявшего себе странный псевдоним — Горький. Тогда с этим же предложением Поссе обратился к А. П. Чарушникову и С. П. Дороватовскому. Те были прозорливее — дали согласие.

И вот в конце 1897 года окрыленный писатель садится

за работу, а уже в феврале следующего года пишет Дороватовскому:

«Огорчен, что не могу написать предисловие, но — не могу. Пробовал, знаете, но все выходит так, точно я кому-то кулаки показываю и на бой вызываю. А то — как будто я согрешил и слезно каюсь. И, чувствуя, что все это неподходящее, — бросил я это дело».

В А. Поссе в своих воспоминаниях писал:

«Наборщики, набиравшие в типографии Богельмана «Очерки и рассказы» Горького, прерывали работу, складывали гранки, сообща читали и с восторгом говорили:

— Вот это, действительно, наш писатель. Это за живое задевает».

В конце марта 1898 года вышел из печати первый том «Очерков и рассказов» Горького. Правда, тираж мизерный — три тысячи экземпляров. Больше не рискнули — неизвестно, как отнесется критика, будут ли покупать читатели. В апреле этого же года выходит и второй том. В нем публикуются «Коновалов», «Мальва», «Бывшие люди» и др. Горький писал С. П. Дороватовскому:

«Отношение публики к моим писаниям укрепляет во мне уверенность в том, что я, пожалуй, и в самом деле сумею написать порядочную вещь. Вещь эта («Фома Гордеев» — Б. Ч.), на которую я возлагаю большие надежды, — ибо намерен возбудить ею стыд в людях, — мною уже начата, и зимой я буду ее продолжать».

Отношение публики к первой книге Горького было восторженным; отношение правительства к писателю холодным и враждебным. Алексея Пешкова разыскивают, на квартире устраивают обыск. И, наконец, из Нижнего Новгорода в сопровождении двух жандармов его направляют в Тифлис. Не за свой, конечно, счет — «суточных» положили 15 копеек на день!

И вот писатель заточен в Метехеский замок, в Тифлисе! Пока сидит в камере-одиночке, продумывает содержание третьего тома своих «Очерков и рассказов».

Вскоре «за недостаточностью улик» Горького освобождают и отправляют на место жительства под гласный надзор полиции.

А в это время в газетах, в журналах одна за другой появляются статьи о его двухтомнике. Книгой восхищаются не только рядовые корреспонденты, но и все крупнейшие критики: Н. К. Михайловский, Ф. Д. Батюшков, А. В. Амфи-театров. О его рассказах высоко отзываются Чехов, Репин, Короленко!

С. П. Дороватовский, видя широкую популярность молодого писателя, предложил выпустить книгу вторым изданием. Алексей Максимович пишет по этому поводу:

«Книжки нуждаются в тщательном просмотре, мне хотелось бы кое-что урезать в них, выбросить».

А позднее в письме к издателям он пишет о рассказе «Проходимец»: «Его можно поместить только так: начал о, середину — приход в деревню и разговор с хохлами — выкинуть, — и потом конец — рассказ проходимца. И озаглавить это «Рассказ проходимца».

Тут же пишет: «Прилагаю маленький рассказик «Сон»... Усердно прошу восстановить начало у второго чорта, оторванное цензурой».

В октябре 1899 года выходят из печати переизданными первый и второй том «Очерков и рассказов», один из экземпляров которого попал в Сибирь, к Андрею Степановичу Деренкову.

— Один критик, — продолжал Владимир Александрович, — упрекнул меня: я мол, часто описываю случайные книжные находки у случайных людей. Ну а что же будет, если я опишу, что я увидел, скажем, у Смирнова-Сокольского или нашел в библиотеке Владимира Лидина? Их книги — при месте. А ведь нам попадают чаще книги из третьих, четвертых рук, а не от первых владельцев. Да и первые-то чаще всего случайны!

В том же Анжеро-Судженске счастье улыбнулось мне еще раз. Отыскал я одного пенсионера, Симакова. Сообщил ему о себе, о своих находках, о поисках библиотеки.

— Библиотека Деренкова? Это нашего лавочника? Разумеется, знаю. Я у него брал еще книги читать. Возвращал в срок! Так что ни единой не оставил. Но не огорчайтесь, помочь — помогу. Загляните ко мне завтра. Тут на другом конце двояродный брат живет, у него старые книжки я видел.

На следующий день я вновь у Симакова. Встретил меня, сокрушенно покачав головой:

— Ребятишки все порвали. Только вот стопочку собрал.

Он подал мне пачку книг. Сборник стихотворений Никитина и Кольцова серии «Для детского чтения»; политические брошюры «Маркс и Ницше», «Князь Кропоткин», издания 1907 года. Еще несколько тоненьких книжечек. Самая объемистая меня обрадовала — первое издание пьесы Горького «На дне»! Титульный лист обветшал, в нескольких местах подклеен. А на обратной стороне обложки та же надпись — «Из книг А. Деренкова»!

Историю выпуска этой книги издательством «Знание» я уже знал — несколько сборников было в моей библиотеке. А вот «На дне» видел впервые!

В 1895 году царское правительство закрыло Комитет грамотности — добровольную культурно-просветительную организацию. Тогда К. П. Пятницкий со своими друзьями стал хлопотать, чтоб им разрешили образовать книжное издательство. После долгих проволочек просьбу удовлетворили. Так появилось «Знание». Оно протянуло бы незаметно свои дни до самого Октября, выпуская научно-популярные книжки и брошюры, а потом бы кануло в вечность. Но на него обратил внимание необычайный писатель, о котором в то время ходили самые легендарные слухи. Одни утверждали, что он — «беглый студент», другие — «фальшивомонетчик». Когда он подавал нищему серебряную монетку, полицейский шпик забирал ее и пробовал на зуб — не поддельная ли?

Этой необычной личностью был Горький. В «Нижегородском листке» появилась большая статья Алексея Максимовича, в которой он похвально отозвался о работе издательства. Вскоре после этого Пятницкий и пригласил его участвовать в «Знании».

С приходом Горького дело пошло куда лучше. «Знание» стало выпускать не только научно-популярную, но и художественную литературу. На обложках сборников появились имена Леонида Андреева, Бунина, Скитальца; замесило имя молодого и мало кому известного сотрудника газеты «Курьер» Александра Серафимовича. Лучшие писатели потянулись на «горьковский огонек».

Первый сборник в 325 страниц вызвал бурю в издательском мире. Книжка стоила не так дорого — 1 рубль. Но несмотря на это, авторы получили гонорар, вдвое превышающий тот, что выплачивали в журналах. Мало того, на первой странице книжки издатели объявляли, что из прибыли, полученной от продажи этого сборника, 1000 рублей будет отчислена литературному фонду, 1000 — Высшим женским курсам, 1000 — Женскому медицинскому институту, 1000 — Обществу учителей и на общежитие для детей, 1000 — на постройку детдома и 500 рублей на Народную читальню в Кеми.

Издательство разрасталось и крепло. В. И. Ленин отметил, что в период своего расцвета это были сборники, «стремившиеся концентрировать лучшие силы художественной литературы». А писатель Николай Телешов вспоминал, как быстро расходились сборники «Знания». Успех необычно-

венный. «Книжные магазины не только подписывались на них заблаговременно, но и упрасивали знакомых писателей помочь им подписаться, чтоб не пропустить очередь. Такого успеха книг я не запомню».

Вот и пьеса Горького «На дне», впервые вышедшая отдельным изданием в товариществе «Знание» 31 января 1903 года, тут же в Петербурге поступила в продажу. К. П. Пятницкий писал Горькому:

«В тот день, когда открыли продажу пьесы, ни мне, ни служащим в конторе нельзя было выйти оттуда до 9 часов вечера... Цепь покупателей не прерывалась. Все, что успели привозить брошюровочные... расхватывалось в ту же минуту. Это продолжалось несколько дней».

Не только художественную литературу выпускали знанцевцы. По договору с ЦК социал-демократической партии они издали несколько произведений классиков марксизма — «Манифест коммунистической партии», «Анти-Дюринг», работы П. Лафарга, Розы Люксембург, Августа Бабея, Карла Каутского. Из 59 15 изданий социал-демократической серии было конфисковано полицией.

— И так, — продолжал Владимир Александрович свой рассказ, — вот две из важнейших моих находок. И я, конечно, ими доволен. А два последующих дня, проведенных в Анжеро-Судженске, результатов не дали. Дореволюционные книги мне попадались, я покупал их, обменивая на современные. Но к библиотеке Андрея Деренкова отношения они, по-видимому, не имели.

До этого прижизненных изданий Горького у меня не было. А когда привез вот эти, то стал приобретать, разыскивать и другие. Сейчас целая горьковская библиотека. Видите!

И он указал на одну из верхних полок, где стояло до трех десятков горьковских книг.

— Какие из них наиболее любопытные? — спросила жена.

Он подошел к полке, осмотрел книги. Вынул одну тоненькую, в мягкой обложке.

— Это книжка и есть самая интересная из моих горьковских находок.

Работал я временно в редакции одной из сибирских газет. Был у нас оригинальный сотрудник — «Плюнуть некуда»... Выражение это у него стало как слово-паразит. Пяти фраз не мог без этого сказать. Работник он был опытный и особенно в одном незаменим: прекрасные за-

головки для статей с ходу придумывал. А это, скажу вам, не каждому дается. К нему то и дело обращались: «Иннокентий Ильич, как озаглавить этот материал?», «Иннокентий, ну-ка, выбрось заголовок к информации!». Он кинет взгляд, пошевелит листами и — заголовок даст, да такой, что не захочешь, а всю статью прочитаешь! Случилась, скажу, с ним однажды пренеприятная история. Как-то молодой сотрудник написал заметку о том, что на городских улицах не хватает урн для мусора. А озаглавить заметку никак не может. Пошел к нему: «Иннокентий Ильич, помогите». А тот, сердитый, искал какие-то бумаги. Глянул, да и говорит: «Ох, господи, и ты тут, плюнуть некуда!». Молодой сотрудник рад: с ходу такой заголовок для его мусорников — «Плюнуть некуда!».

В секретариате не обратили внимание, выпускающий тоже проглядел. А вышел номер газеты — ахнули! Нагоняй еще сверху главному достался!

Так вот у этого «плюнуть некуда» было хобби — собирал он книги. Причем, по странной, до нелепости, системе. Подбирал любые, только были бы с оригинальными заглавиями! Бушует бывало: «Что за названия, плюнуть некуда! Не могли что-нибудь пооригинальнее, словно друг у друга содрали! «Северный ветер», «Ветер с юга», «Веют ветры», «Берег ветров». А вот А. Бек и А. Эрлих словно договорились: и у того и у другого одно заглавие — «Молодые люди!»! Что толку спросить в библиотеке книгу по заглавию, скажем «Война». Вам дюжину подадут — выбирай! Другое дело: «Если враг не сдается — его уничтожают!», «Шаг вперед, два шага назад», «Кто виноват?». В руки взять приятно. Заглавие должно передавать авторскую мысль, идею, а не быть довеском к книге!».

Помню, он особенно восхищался заглавиями поэм Маяковского — «Флейта-позвоночник», «Облако в штанах»: Первые издания этих поэм стояли у него на книжной полке.

Заприметил я у него тоненькую брошюрку — рассказ Горького «Дело с застезжками». Выпустило ее в 1906 году то же издательство «Знание». Мне до сих пор не приходилось ни разу встречать таких книжечек серии «Дешевая библиотека товарищества «Знание». Да и не мудрено: толстые, хорошо переплетенные книжки люди хранили бережно. Ну а пятикопеечные тетрадки? Они проходили через десятки рук, ветшали. Да их и не берегли! Вот почему их теперь и у библиофилов не встретишь, да и в музеях редки! Посмотрите рекламу на обороте обложки: их же выпущено до ста названий. Тут рассказы Леонида Андре-

ева, Серафимовича, Куприна. Только Горького издали тридцать пять рассказов!

И вот попросил я у Иннокентия Ильича «Дело с застѣжками» — не отдает. Говорит, заглавие уж очень оригинально. Как выменять? Ума не приложу. Ведь не просто десяток листов, сшитых суровой ниткой. За этой невзрачной тетрадкой — великий человек, Максим Горький!

— И как же удалось заполучить? — не вытерпел я.

— Однажды в костромском букинистическом магазине попался мне роман Петра Боборыкина, изданный в 1892 году. Купил.

Привез книгу домой, сунул в портфель и в первый же свободный день — к Иннокентию Ильичу. Сидим. Беседуем. Я на полки поглядываю. Он спрашивает: «Ты что там увидел?» — «Да вот, говорю, все заглавия книг оригинальны. Только зачем ты Твардовского сюда поставил» — «Как зачем? «Василий Теркин» — имя-то какое?! Не Обломов, не Онегин, а Те-е-ркин! Оригинальное имя!» — Никакой оригинальности нет, — подзуживаю я. — За полстолетия до Твардовского уже было такое заглавие». — «Не может быть! Спорю на что угодно!» — «Хорошо, — согласился я. — Спорим на «Дело с застѣжками» Идет?» — «Идет!».

Вытаскиваю я роман Боборыкина «Василий Теркин» и передаю ему. А сам — к полке. Спокойно беру брошюру Горького и — в портфель! Мой Иннокентий забегал по комнате. Ругался, сокрушался. А потом успокоился: и того, и другого «Василия Теркина» поставил рядом, чтоб удивлять друзей!

— Владимир Александрович, а это что за книжечка в пакете? И вот та — рассказ какой-то Клавдии Г.?

— Продолжим беседу завтра. Разговорили вы меня — вспомнил встречу с одной оригинальной артисткой. Сейчас сяду, заметки сделаю для очерка.

— Связано с книгами Горького?

— И с Горьким, и с его книгами...

Прощались. Владимир Александрович пошел на кухню готовить свой кофе. Мы — домой.

Возвращались молча. Первой заговорила жена:

— Почему он не возьмется за что-нибудь большое? Знаний — пропасть; времени тоже хватило бы. Как думаешь, мог бы он написать докторскую диссертацию?

— Мог бы.

— Ты поговори с ним, ведь друзья. Пусть возьмется за докторскую или фундаментальный труд напишет.

— Поговорю...

На следующий день все повторилось сначала. Правда, с небольшим предисловием.

Жена скрылась на кухне. Я поместился в кресле. Владимир Александрович безуспешно пытался привести в порядок письменный стол: перекладывал рукописи с одной стороны на другую, что-то рвал, смял лист бумаги и бросил в угол. Подумал, подобрал, начал разглаживать ладонью. А у меня из памяти не выходил вчерашний разговор с женою.

— Слушай, Владимир Александрович, а почему бы тебе не взяться за докторскую диссертацию или за монографию. Сосредоточить, так сказать, силы...

— А зачем?

Его простой вопрос загнал меня в тупик. Чтоб не выпустить инициативы, я сказал первое, что попало на язык:

— Это бы увлекало; более четко виделась бы цель жизни...

— Какая цель жизни?

Я замолчал, не зная, что ответить. А верно, какая «цель»? С какой целью пишут докторские диссертации?

— Знаю, о чем ты хочешь сказать. Вернее, не ты, а твоя жена. Не ты первый говоришь мне это. Когда я был моложе, мне казалось, непременно создам великое и нетленное. Замыслы были грандиозные. Хотел собрать все, что о жизни Ленина, написать многотомную художественную Лениниану. Целый месяц составлял план. Потом было благое намерение осчастливить человечество проникновением в структуру «Слова о полку Игореве». Я собрал массу изданий «Слова», выучил текст памятника наизусть и, конечно же, составил план будущего труда. Позднее мечтал объездить все места, где жили русские писатели, и создать нечто сверхоригинальное — «Там, где жили классики».

Собрал для этого сотни вырезок из газет — вон они до сих пор в лоджии пылятся! О чем только не мечтал! И каждый раз строил планы. Но они были далеки от реальной жизни: ходил, мечтал, возвышался в своих собственных глазах. Но время бежало и бежало. А мне мешало то одно, то другое усесться покрепче за стол, взяться за то, к чему рвался в мечтах.

А в общем-то в любом жизненном провале или неурядицах никогда не следует искать одну конкретную причину. Или винить обстоятельства. Причин, как правило, комплекс — объективных и субъективных.

Беседу нашу прервала жена.

— Владимир Александрович, вы обещали рассказать о какой-то артистке.

Тот, припоминая, наморщил было брови, но тут же взял со стола тоненькую книжечку с портретом красивой женщины на обложке. Заглавие — «Ирма Яунзем».

Мне почему-то бросилось в глаза: авторами такой тоненькой брошюрки были четверо — С. Богуславский, Ю. Соболев, М. Загорский, Н. Волков. Издательство — «Театрино-печать», год выпуска — 1929-й.

— Книжечку я заметил у одного из своих знакомых кишиневских артистов. По правде сказать, меня она совсем не интересовала. Кто такая Ирма Яунзем? Что за артистка? Я и понятия не имел. Но вот однажды включил случайно радио, слышу будто бы знакомое — «Ирма Яунзем». Прилушался. Передают конкурс исполнителей народных песен. Возглавляет жюри это самая Яунзем. Прослушал я передачу, достал с полки пятый том «Театральной энциклопедии». Нашел о ней статью. Узнал, что она первой в нашей стране стала исполнять песни разных народов на их языках; впервые стала выступать с лекциями-концертами о народной песне.

Тут-то я вспомнил, что видел у товарища брошюру «Ирма Яунзем». Пошел на следующий день к нему. И стал обладателем этой книжечки.

— Пригодилась? — спросил я.

— Еще бы! Как пропуск в недалекое будущее! Помню, написал я на радио, что есть у меня редкая книжка, попросил адрес Яунзем. Мне его сообщили. И надо же такому случиться: через несколько дней мне выпадает командировка в Москву на научную конференцию. В первый же свободный вечер я — к Яунзем. Спросите, зачем, так поспешно? Видите, ли, встреча с замечательным человеком всегда волнует. Она даже таинственная, словно путешествие

в неведомые земли. Обязательно ждешь открытия. И, действительно, открываешь для себя что-нибудь новое — в людях, в книгах. Особенно, когда человек или та же книга постарше тебя. Не знаю, кому как, а мне нравится, когда твой собеседник в порыве откровенности забывает о разнице в возрасте и обращается ко мне: «А помните, как Маяковский в Черной Розе...», «Да вы, наверное, запомнили: это еще до того, как Леонид Андреев своего «Профессора Сторицына» написал!». Я ловлю каждое слово человека, который вот так запросто разговаривал с Горьким, Маяковским, встречался со Станиславским, беседовал с Есениным, пожимал руку Репину, Льву Толстому!..

Владимир Александрович, прихрамывая, взлохотанно ходил по комнате. Успокаивался. Потом, вспомнил:

— И вот я у двери. Звоню. Выходит хозяйка — Ирма Яунзем. Стою и глазам своим не верю: неужели пожилая женщина с замедленными движениями — та знаменитая певица, которой некогда восхищались композитор Максимилиан Штейнберг и полководец Фрунзе, голос которой слушали Луначарский и Ромен Роллан, Шаляпин и Собинов! О ней же с восхищением писал Горький, посылал ей собственноручно записанные народные песни! Та Ирма Яунзем, которую видели, слушали во всех без исключения республиках Советского Союза, во Франции, Японии, в Китае, Германии, в Польше. Та Яунзем, которая мастерски пела более чем на шестидесяти языках мира!

Беседовали мы часа два. Она рассказала, как ездила по стране, записывала народные песни. Повела мне о своих встречах с Горьким, Ролланом, Шаляпиным. А я нет-нет и посматривал на портрет Горького. Он стоял на черном рояле. Внизу подпись: «Замечательной мастерице интернациональной песни талантливой Ирме Яунзем с благодарностью М. Горький 13.VII.35 г.»

Тогда-то Ирма Петровна подарила мне свою книгу «Человек идет за песней» и расписалась на маленькой книжечке 1929 года. И знаешь, что для меня особенно интересно? Когда мы прощались, она попросила передать привет молдавской певице Тамаре Савельевне Чебан. Она рассказала, что познакомилась с ней, когда была в жюри Первого Международного фестиваля молодежи и студентов в 1947 году. Тогда отбирали лучших исполнителей народных песен для поездки в Чехословакию. Члены жюри очень устали. И вот выходит невысокая миловидная девушка в молдавском национальном костюме. Запела. Комиссия была поражена и голосом, и мелодией «Дойны».

А потом в книге «Человек идет за песней», — продолжал Соломин, — я нашел вот такие слова.

Владимир Александрович полистал книжку, прочел: «Дойна — самобытная, яркая форма молдавской народной песенности. В ней протяжное вступление, наполненное тонким, изящным лиризмом, сменяется стремительной танцевальной мелодией, часто очень прихотливыми ритмами. В старинных дойнах народ воспевал свои прекрасные, возвышенные чувства, рассказывал о трудной, многострадальной жизни». Подарила еще и небольшую брошюру «М. Горький. Письма к писателям». Она была издана журнально-газетным объединением в 1936 году. Вот видите, здесь в предисловии Ефим Зозуля говорит, что эта, третья, книжка писем Горького завершает серию из семидесяти его писем. Цель ее — дать хотя бы небольшое представление читателям об эпистолярном наследии, которое оставил Горький. Дело в том, что своими замыслами Алексей Максимович делился с друзьями очень редко. Почитайте его письма, и вы убедитесь, как мало он рассказывает о своих творческих планах. Только некоторых, да и то самых близких людей, вводил он иногда в тайники своего творчества. Чаще всего в письмах мелькают односложные фразы: «...во всю силу пишу «Шпиона» — очень занимает меня сей рассказ», «... работаю — как тысяча чертей. Спина болит, волосы лезут, ослеп», «... работается живо, споро, кажется, недурно»!

Правда, его биограф Илья Александрович Груздев так ухитрился вести переписку с ним, что Горький волею-неволей вынужден был отвечать на поставленные вопросы и быть в какой-то степени откровенным. Но это Алексею Максимовичу становилось не по душе. Он заметил как-то: «Надоело мне вспоминать о прошлом; каждый раз, принимаясь за это, точно узкий сапог надеваешь: сапог-то хоть и совсем изношен, а все ногу жмет».

Вот потому-то особенно ценны для нас те из горьковских писем, в которых он хоть в нескольких строках рассказывает о своих творческих замыслах, о работе над книгой. Пусть такие исповеди скупы, немногословны, но они для нас — один из источников познания.

Владимир Александрович некоторое время вглядывался в книжечку. Перелистал ее, не торопясь. Потом встал, подошел к полке и достал две другие книги.

— Это как раз книги Ильи Александровича Груздева, о котором я вам только что говорил. Вот брошюра 1932 года — первая биография Горького. Замечаете, как прос-

тенько издана! А с самим Груздевым я встречался в пятидесятилетие в Ленинграде. Помню, тогда в букинистическом приобрел редкую теперь книгу «Горький и его время». Ее издали до войны тиражом в десять тысяч экземпляров. Сейчас — не найдешь! А вообще-то я счастлив, что повстречался с таким человеком, как Илья Александрович Груздев. Не представляю, кто знал бы так биографию Горького, как он. Да возьмите их переписку. Вон у меня закладки в томе. Прочитайте, хотя бы пару писем Горького к нему. Вот одно.

Владимир Александрович протянул нам том и раскрыл его на закладке:

«Мне сообщили на днях,— писал Горький Груздеву,— что бывший чиновник Главного управления по делам печати *цензор* Багинский или Багринский ныне — брандмайор одной из пожарных команд Ленинграда. Голубчик, Илья Александрович! Нельзя ли как-либо проверить — факт или анекдот? Ах, если б факт! Какая тема для рассказа!»

— И знаете,— заметил, смеясь, Владимир Александрович,— не успокоился Горький. Через месяц напоминает Груздеву. Вот раскройте тут, читайте:

«Нет, Вы представьте бывшего цензора, который на пожаре действует брандспойтом! Это анекдот российский. Жалко будет, если мне наврали.»

Владимир Александрович снова засмеялся и обратился к нам: странно одно — если б это оказалось выдумкой, то почему Горький не мог бы на основе ее разработать сюжет новеллы? Видимо, мог бы, да не захотел! Не в выдумке, а в действительной жизни видел он свой материал, почву для зерна. От жизни у него — зародыш замысла, от жизни и зрелый колос! А вот я вам расскажу один случай. Как-то Груздев попал на кладбище. Остановился перед любопытной надписью. На кресте, под которым «покоится прах Екатерины Васильевны Сидоровой», нацарапано было карандашом:

Катя
Помоги
Я устал
Сидоров.

Об этом Груздев между прочим как-то упомянул в одном из писем Горькому. И вот Алексей Максимович пишет ему:

«Очень тронул меня тихий вопль Сидорова. Вижу гниленький туманный вечер на кладбище и мокрого, очень

затрепанного человека с измятой душой, в измятом пальтишке, как он пишет на кресте: «Катя — станы!», и ломается карандаш, потому что дрожит рука. Подписался он — правильно! Это он, наверное, для того, чтобы ироничные люди не вообразили, что Катю будит не он, Сидоров, законный собственник тоски по ней, а какой-нибудь Суетнов. Жизнь ему, Сидорову, не удалась, а троестишие удалось отлично».

— А вот это особенно ценная книга — выпуск очерков Горького «Толстой, Чехов, Короленко», 1928 год издания. Мне подарил ее человек, хорошо знавший Алексея Максимовича...

— Кто?

— Знакомство, скажу, прямо-таки романтическое. Ты помнишь, Дмитрий Николаевич, мы с тобой демобилизовались одновременно, в 1946 году. Вместе из Румынии в Москву приехали. В армейских шинелях. У меня чемодан был, а ты с вещмешком. Помнишь, остановились у твоих друзей в Перево. Ты еще работу искал, а я с неделю по Москве шатался. Зашел однажды в букинистический, пересматриваю книги на полках. Взял в руки вот эту, Горького. Рядом пожилая женщина, по виду артистка. Дождается, когда я на место книгу поставлю. Сама, видно, купить хочет. А у меня, как назло — только десятка в кармане, а книжка пятнадцать рублей стоит, старыми деньгами. Что делать — не знаю. И денег нет с собой, и книжку такую приобрести хочу! А тут еще эта баба: слышала, может, краем уха, а читать — не читала!

А она ждала, ждала да и говорит мне:

— Вы, товарищ майор, берете книгу?

Я и брякнул:

— Возьму.

А сам вздохнул непроизвольно. Она, видно, догадалась.

— Дайте мне! — требовательно руку протягивает.

Отобрала без лишних слов. Заплатила деньги. Вынула из сумки газету. Заворачивает. А я стою злой: уплыла моя книжка к чертовой бабе!

И вдруг она подает мне сверток:

— Возьмите, молодой человек. На память от меня.

Я оторопел. На дыбы: за что такой подарок! Она говорит:

— Вижу, любите вы книги — наблюдала за вами.

На улице скользко, проводите меня немного.

Ну я, как галантный кавалер, — ее под руку. Идем к двери. А тут представительный мужчина входит. Увидел ее, расшаркался:

— Ах, Мария Федоровна, как рад, что встретил вас. Вы на бумаге подпись не поставили.

Вынимает лист.

Она высвободила руку, подошла к прилавку. Разложила его бумагу. Я через плечо смотрю и вижу, типографскими буквами «Директор Московского Дома ученых Андреева Мария Федоровна».

Сначала до меня и не дошло, что это за Андреева. Опять я ее взял под руку. Вышли. По пути она о войне все расспрашивала а у меня на языке один только вопрос: вы действительно директор Дома ученых Москвы? И только на углу, когда прощались, язык у меня начал поворачиваться. Спасибо, говорю, за книжку, товарищ генерал! Она глаза округлила: почему, мол, генерал?! Я объясняю, что такую должность в армии бы генерал занимал! «Ну что же, считайте генералом»,— сказала и улыбнулась. Попрощались.

Я прошел с полсотни шагов и вдруг, как обухом по голове: да ведь «генерал»-то — жена Горького, Мария Федоровна Андреева!..

Мы молчали, каждый по-своему переживал услышанное. Еще раз подержали в руках книжку очерков великого писателя, словно бы сохранившую тепло рук близкого ему человека. Потом осторожно положили ее обратно в пакет из-под фотобумаги. Пусть не портится, не выцветает!

— А это что за книжки, Владимир Александрович?

— Тоже любопытные экземпляры. Прижизненные издания Горького, как правило, выходили сравнительно небольшими тиражами. Потому и сохранилось их очень мало. Судите, вот «Правда» о Горьком. Тираж 10 тысяч, издание 1932 года. Много ли их за полвека уцелело? А выпущена она к сорокалетию литературной деятельности Горького. Здесь опубликовано много материалов о том, как отмечали этот юбилей в столице и на местах, о чествовании его в Большом театре. Хотите знать, что говорится здесь о нашем Тирасполе? Вот почитайте.

Он раскрыл книгу, передал мне. Я прочитал:

«Тирасполь. Театры и клубы Молдавии провели постановки произведений Алексея Максимовича. Госиздат издал 5 книг сочинений Горького на молдавском языке. В молдавском пединституте учреждено 15 стипендий имени Горького. Это имя дано также 11 лучшим школам-семилеткам».

— А что особенно интересно,— заметил Соломин,— так это публикация документов царской охранки о слежке

за Горьким, дореволюционные его письма, которые обнаружены в архивах жандармерии: письма царя по поводу Горького. А сколько оригинальных снимков — перелистайте! Знаете, как попала ко мне эта книга?

Однажды поехал я в городок Леово. Мне рассказывали, что там жил старый учитель, у которого была большая библиотека. Дай, думаю, взгляну, что у него за книги. Оказалось, что тот учитель переехал в Великое Плоское. Ну я прежде всего к директору местной школы, Виталию Ивановичу Гирину: работал у вас такой учитель, Илья Николаевич Корецкий? Нет, отвечает, даже не слыхивал. Вообще, оказалось, что он миновал Великое Плоское и — прямо в Одессу. Тут меня уж и впрямь охотничья страсть обуяла. Нет, думаю, не проскользнет мимо меня. Еду в Одессу. Всех своих друзей и знакомых на ноги поднял, писателя Зленко, коллекционеров-книголюбов. Не слыхивали! А старик-то, оказалось, к сыну в Кривой Рог подался! В общем, через пару месяцев отыскал я его следы. И где ты думаешь? Под Кишиневом! От библиотеки благодаря его переездам от сына к дочери да к племянникам рожки да ножки остались. Тогда я вот эту книгу и купил.

— Владимир Александрович, а вам попадались книги с автографами Горького или с его экслибрисами? — спросила жена.

— Нет, не встречал. А в отношении экслибрисов, так это по части Дмитрия Николаевича. Какой знак был у Горького на книгах? Расскажи, если до сих пор не удосужился.

— Многие годы коллекционеры экслибрисов не знали, есть ли книжный знак у Горького. Дело в том, что он любил дарить книги и потому не наклеивал свой знак из скромности. Художники неоднократно предлагали сделать ему экслибрис. Так В. Соколов показал как-то свой набросок экслибриса. На нем было изображено дерево, обремененное плодами. Но Алексей Максимович заметил художнику: экслибрис его удачен как рисунок, но как знак для книг — не нравится. Сказал, что предпочел бы изображение человека, идущего вверх с воздетыми руками. Но художник Соколов так и не исполнил знака, сюжет которого предложил ему писатель. Экслибрис для книг Горького выполнил Э. Лилиен, немецкий художник. Горький встречался с ним в Москве, в 1902 году. На этом знаке изображен собор Василия Блаженного. В центре обнаженный мускулистый человек. Он ломает о колено бич — символ рабства и угнетения. Возле человека реют черные

птицы — аллегория самодержавия. По ободку и под рисунком надписи на латинском и на русском языках — «Из книг. Максим Горький». Этот знак я однажды видел у одного коллекционера и переснял.

— Видите, Горький не наклеивал на книги свой экслибрис, да, кажется, и подписей не ставил. А вот книги с автографами его друзей я встречал сколько хотите. Да вот одна из них, посмотрите!

Владимир Александрович подошел к той полке, на которой стояли редкие книги. Вынул одну.

— Почитайте, что я на днях набросал о ней.

И сунул нам вместе с ней три листочка машинописи под заголовком.

С автографом революционера

«Летом Крым преобразается. Зимой ветер похож на колючие иглы, а летом становится мягким, прохладным — осторожно прикасается к лицу, гладит горячие плечи. Солнце раскаленным диском висит в белом небе, и тебе кажется, остановилось оно навсегда.

Я с портовым библиотекарем проходил мимо отдыхающих, которые лениво брели к морю. Библиотекаря ждали читатели, а мне надо было в тишине и прохладе закончить очерк для местной газеты. Выглаженная сотня-

ми ног дорога уводила все дальше и дальше от берега и, наконец, нырнула в тенистый парк.

Вот и библиотека. Она возникает неожиданно, словно вырастает из кустарника. У дверей — первые посетители с чемоданами в руках. Людмила Георгиевна быстро открывает дверь, и гурьба матросов заполняет комнату. Начинается обмен библиотек-передвижек.

Не верьте, что библиотека — тихое место. Это кажется только сначала. Моряку всегда есть о чем рассказать на земле. И он не скупится на краски. Комната превращается в море, и нас как будто бы уносит отсюда попутный ветер...

Матросы приходят в библиотеку, сдают прочитанные и берут новые книги. Часто бывает так, что литература теряется. Корабельный библиотекарь долго мнетяся, не решаясь сообщить о пропаже. Потом набирает в легкие воздух и на едином дыхании сообщает «новость». Конечно же, взамен приносит две-три книги, порой интересные, порой не имеющие ценности для библиотеки.

На этот раз один из библиотекарей долго на решался подойти к столу. Бродил среди полок, делая вид, что подбирает литературу по заказу друзей. Ясно, потеряли на корабле несколько книг. Наконец он протискивается сквозь узкое пространство между стеллажами, глубоко вздыхает. Говорит:

— У меня пропали три книги...

Заметив настороженный взгляд библиотекаря, тут же добавляет:

— Но вы не волнуйтесь. Две такие же мы нашли здесь, на берегу. А вот взамен третьей можно сдать другую?

Он протягивает нам книги. Константин Паустовский, Михаил Пришвин. И вот потрепанный том. Людмила Георгиевна берет его в руки. Тут же протягивает мне:

— Это, Владимир Александрович, заинтересует вас.

Открываю переплет. Вверху на титульном листе посветлевшая от времени роспись — «Л. Покровский».

— Чья это книга?

— Размика Газаряна. Он потерял ту, а взамен отдал эту.

«Сборник армянской литературы под редакцией М. Горького. Книгоиздательство «Парус» А. Н. Тихонова. Петроград 1916 г.»

Я наскоро пробегаю предисловие:

«Сборник армянской литературы» является первым, по очереди, в ряду сборников, посвященных образу литературного творчества племен, живущих с нами, русскими. В ближайшем будущем книгоиздательство «Парус» выпус-

кает сборники по литературам латышской, финской, татарской, украинской и пр.»

Как видно, Горький хотел и дальше знакомить русских читателей с армянской литературой, издать еще один сборник, а после этого намеревался выпустить серию книг под общей рубрикой — «Армянская библиотека».

Меня заинтересовала не только редкая книга, но и надпись на ее обложке. Кому она принадлежала?

На следующий день я встретился со старшиной второй статьи Газаряном. Он рассказал, что книга хранилась у одного из его родственников в Ленинанкане. Кто такой Покровский, он не знал.

Автограф я решил расшифровать сам. Удалось выяснить, что Л. Д. Покровский, бывший большевик-подпольщик, в 1924 году был начальником Военно-политического института в Ленинграде. Один из слушателей этого института М. С. Топильский вспоминал впоследствии:

«Он трогательно заботился о нас, хорошо понимал наши нужды. Хотя мы и не были зелеными юнцами — многие прошли гражданскую войну, были активными участниками революции, — все же Покровский считал своим долгом как-то опекать нас, предостерегал от возможных неблагоприятных поступков, внушал быть скромными, верными долгу солдатами».

Итак, долгий путь прошла книга. А сейчас стоит у меня на полке в числе других редких изданий: я отдал за нее тогда в библиотеку черноморских моряков несколько «ходовых романов!..»

Тайна книжного знака

Ярлык размером чуть больше почтовой марки и сейчас у меня под стеклом на письменном столе. Он напоминает мне начало большой коллекции, благодаря которой я стал и сам известен в кругах коллекционеров. Напоминает и рассказ Владимира Александровича Соломина об одной книжной находке.

— Лекция тогда у меня была самая обычная — о редких изданиях, — рассказывал он. — Правда, читал я ее не студентам, а ученикам одной кишиневской школы. Закончил. Собрался уходить. Догоняет в коридоре меня мальчишка-старшекласник.

— Скажите, — говорит, — можно вам старые книги показать? У нас дома лежат.

— Что ж, — отвечаю, — будешь мимо университета проходить, загляни на кафедру литературы, вместе и посмотрим.

Я забыл об этом разговоре. Но мальчишка был настойчив: через пару дней разыскал меня. Вытащил из портфеля две книги, обернутые в свежие газеты. «Записки партизана» В. Г. Яковенко, издание 1925 года, и «Записки рабочего», изданные в этом же году в Барнауле. Первая книжка привлекла мое внимание обложкой — очень уж оригинальна. Красная звезда с традиционным серпом и молотом; лист бумаги как бы срезан наполовину. Внизу

партизаны с оружием — молодой парень и бородастый старик-сибиряк. Обратил внимание и на малый тираж книги — всего пять тысяч экземпляров. Открыл обложку и на обороте ее увидел экслибрис какого-то Г. Носова: по тонкой сетке в виде пчелиных сот силуэт В. И Ленина. Этот знак и заинтересовал меня: ведь если у хозяина свой экслибрис, значит, и книга не одна!

Отправился с Сережей к нему домой, на окраину Кишинева, которую по старинке называют Скулянка. Дом у них — «полная чаша»: яблоны, груши,

лозы винограда, теплица. Отец вначале обрадовался моему приходу. Стал водить по двору, рассказывать историю и дерева, и сарайчика, и виноградного куста! Правда, когда зашел разговор о старых книгах, несколько охладел ко мне. Братец, говорит, старший, книжками-то баловался, в войну погиб...

— А вы Носова, случайно, не знали? — спросил я, имея в виду хозяина экслибриса.

— Нет.

— А где же библиотека вашего брата? — спрашиваю. Он подавил зевок и обронил равнодушно:

— Книжки? На завертку разошлись. Хозяйство большое. Да посмотрите с сыном в чулане. Как будто остались еще. Только пиджачок снимите, не ровен час запачкаете.

Мы с Сережей выволокли из кладовки ящик. Он был доверху набит рваными ботинками, облезлыми валенками, изношенными тапками, бутылками в вековой пыли. Под этим добром и, верно, оказались издания 20—30-х годов нашего века, несколько книг из Кишиневской публичной библиотеки, которая была закрыта в свое время царским правительством.

Сережин отец ревниво оглядел разложенные на приступке брошюры и книги, поскреб заскорузлым ногтем один переплет и милостиво разрешил:

— Берите себе, денег не спрошу. А то место зани-

мают, моль заведется, нужные вещи перепортит.— И он, словно кошку, ласково погладил дырявый валенок, скатанный еще во времена крепостного права.

— В общем,— заключил Владимир Александрович,— я покидал дом с двумя сетками, набитыми старыми книгами. Пригласил Сережу к себе редкие издания посмотреть. Он же попросил, чтобы я, когда буду писать статью о найденных книгах, не упоминал их фамилии. Я обещал...

К экслибрисам Владимир Александрович был равнодушен, потому и отдал его мне. И предложил:

— Пересними и разошли коллекционерам. Ответят, есть ли у них такой. Может, установят, что это за Г. Носов, тогда я его библиотеку поищу.

— А где же я найду этих коллекционеров?

— Посмотри мою адресную книжку, там он упомянуты. В свое время в Москве я выступал в клубе экслибрисов с лекцией о редких книгах, так они мне и адресов, и визитных карточек надавали!

Так я и сделал. В книжке у него оказалось до двадцати адресов коллекционеров: Фортинского, Ивенского, Буля, Богданова из Сибири, Синеокого из Крыма и многих других. Я переснял книжный знак Носова и разослал с небольшим письмом. В через неделю-две стал получать ответы. Оказалось, что книжный знак никому из них не известен, а о книголюбе Носове никто ничего сказать не может. Правда: коллекционер-кемеровчанин Петр Митрофанович Богданов прислал два очень похожих экслибриса с изображением Ленина. Но увы, все же не таких!

Самым же неожиданным для меня было то, что многие из коллекционеров вместе с ответами прислали мне свои книжные знаки с изображением вождя. Некоторые были любопытнейшими.

Вот первые экслибрисы, появившиеся после Октября. На одном пионеры со знаменами, на другом Ленин выступает перед молодежью.

Оригинален экслибрис, выполненный рижским художником-графиком О. Меднисом. На нем изображена в полупрофиль голова Ленина. Присмотревшись, вы замечаете, что она выполнена из нескольких сотен книг. Сбоку лестница. По ней взбирается кузнец с молотом и книгами на плечах. Этот экслибрис Отто Эдуардович Меднис сделал для Отто Калейса — известного скульптора Латвии. «Калейс» в переводе с латышского означает кузнец. Это и обыграл в своем рисунке художник.

Как-то осенним вечером раздался звонок. Я подошел, открыл дверь. На пороге стоял Соломин.

— Вот, бродил по городу. Дай думаю зайду к тебе на огонек да на чашку кофе. Заодно подарочек тебе прихватил. Жена дома?

— Нет, уехала на старую квартиру, к соседям.

Он не спеша разделся. Поеживаясь, натянул было мой халат. Покачав головой, еле вылез из рукавов.

— Нет, мы с тобой из разных профсоюзов. Не той масти, старина!

Меня же разбирало любопытство: что за «подарочек» он принес. Ведь в руках ничего не было!

Отгадав мои мысли, он усмехнулся.

— Он у меня в нагрудном кармане. Величиной с детскую ладошку. Спорю, ни за что не отгадаешь!

И так как я не намеревался отгадывать, он вынул листочек бумажки, сложенный паке-тиком, развернул и передал мне. В нем был ярлычок, чуть больше почтовой марки.

— Получай экслибрис. Ручаюсь, такого у тебя нет.

Держу в руках миниатюру. Вдали, в лучах солнца, фабрика с дымящими трубами. По дороге движется колонна рабочих. А на первом плане Ленин с книгой в руках. Все это обрамлено словами: «Библиотека им. В. И. Ленина».

— Так вот, это один из первых экслибрисов с изображением Ленина. А выполнил его кишиневец Павел Александрович Шиллинговский. Мне этот знак вместе с книгой

подарил в свое время тираспольский художник Александр Федорович Фойницкий.

Владимир Александрович рассказал, что Шиллинговский — один из основоположников советской графики. Родился он в 1881 году в Кишиневе. Обучался в Одесской художественной школе. Его наставниками были известные художники — К. К. Костанди, Г. А. Ладыженский. От них, да еще А. А. Попова, он перенял внимание к пейзажу, к художественным

деталю, которыми так богата южная природа.

В 1924 году Шиллинговский выполняет графический портрет Ленина и экслибрис с изображением вождя.

В годы Великой Отечественной войны художник не покинул осажденного Ленинграда, с которым связал свою жизнь. Оружием его стали карандаш, кисти, резец. Было холодно и голодно. Он был очень болен. Истощенный, вставал с постели, надевал набухшие сырые валенки, бродил по городу, подмечал черты трагедии и выносливости ленинградцев. И вот уже рождается цикл гравюр «Осажденный город». Закончить его он не успел — сделано было лишь семь досок для оттисков и масса рисунков. Но и эти семь гравюр навсегда остались памятником героическому Ленинграду.

Павел Александрович Шиллинговский скончался в начале апреля 1942 года...

Собрав несколько десятков знаков, я немного опечалился: чем же отблагодарить столько внимательных коллекционеров, ведь у меня собственного экслибриса никогда не было!

Владимир Александрович бросил, как утопающему, спасательный круг:

— Ты перешли кемеровчанину Богданову экслибрис москвича Вуля или Фортинского. А тем — богдановские. Никифоров из Тамбова пусть получит от тебя знаки, которые пожертвовал тебе кишиневец Эмиль Килдеску. А Килдеску вручи пару никифоровских. Увлека-а-тельно. Сам бы занялся, да времени в обрез!

Я всматривался в его лицо и никак не мог понять: шутит он или серьезно? Заметил:

— Идея у тебя замечательная. Но я-то с чем останусь? Жаль со знаками расставаться: каждый рисунок по-своему интересен. Хоть перерисовывай.

И он высказал простую, но спасительную мысль:

— Зачем перерисовывать? Тебя же интересуют не столько подлинники, сколько суть и красота рисунка? Так возьми фотоаппарат и переснимай, какие понравятся. Заведи альбомы. Во всяком случае, это увлекательнее филателии, ибо экслибрисы издаются чуть ли не единичными тиражами и к живописному искусству ближе!

Так я и поступил, стал как бы посредником у коллекционеров-экслибрисистов. Обменивался, рассылал, переснимал. Находил любопытные знаки в журнале «В мире книг», в еженедельнике «Книжное обозрение». Вырезал, наклеивал в альбомы. И как-то незаметно стал обладателем большой коллекции образцов малой графики. А ведь до этого и не обращал внимание на экслибрисы. К тому же убедился в большом значении книжного знака, который издавна ведет борьбу с порчей книги — со штампами, владельческими надписями, Даже грубый каучуковый штампель, особенно самодельный — как бы скромн он ни был, — тоже портит книгу, уродует ее внешний вид.

До знакомства с экслибрисами я не понимал, какое чувство движет коллекционером книг, марок, спичечных коробок, художественных открыток. Владимир Александрович внушил мне: не что иное, как тщеславие по типу «у меня есть, а у тебя нет»! Теперь же я сам стал испытывать странное чувство, которому никак не могу подобрать название. С каждым новым экслибрисом, который мне присылали, я испытывал прежде всего радость. Если книжный знак был редким или каким-то особенным, меня охватывал даже тихий восторг. Я торжественно водворял его в альбом, время от времени снова бережно брал в руки, рассматривал, как ценную новинку.

Мне хотелось (отнюдь не из-за тщеславия!) показать этот знак друзьям: пусть и они восхищаются вместе со мной. Гордятся, что именно я, а не кто другой приносит им эту маленькую радость! Знал ли Владимир Александрович такое чувство?!

Собрав сотни две экслибрисов, я стал разыскивать литературу о них. Она оказалась, к моему удивлению, довольно богатой: тут были книги об экслибрисе, изданные до революции, монография Е. Минаева и С. Фортинского

«Экслибрис» 1970 года, С. Ивенского «Мастера русского экслибриса», изданная в 1973 году в Ленинграде. Олег Ласунский, знакомый Владимира Александровича, выпустил в Воронеже изящный томик «Книжный знак. Некоторые проблемы изучения и использования». А сколько каталогов — не счесть! Я понемногу доставал книги и статьи, из них узнавал удивительную историю маленького художественного знака.

Еще исстари у владельцев библиотек появилось желание чем-то отметить свои книги. И они это делали простыми надписями типа: «Книга попа Родиона Сидорова сына грешного и недостойного», «Из книг И. Макарова». Затем вместо надписей стали делать на переплетах оттиск герба или инициалы владельца библиотеки А потом появились и первые экслибрисы — наклейные ярлыки.

До недавнего времени считалось, что в России книжный знак появился лишь в XVIII веке. Но научный работник, ленинградец Н. Н. Розов обнаружил экслибрисы (правда, сделанные от руки!) на книгах XV—XVI веков, принадлежавших Соловецкому монастырю.

При Петре I, когда в Россию стало прибывать много иностранцев, да и русские стали чаще ездить в Голландию, Германию, Англию, где книжный знак процветал издавна, экслибрисов в России прибавилось. С развитием грамотности, с увеличением частных библиотек их стало появляться все больше и больше.

Два деятеля культуры разных мировоззрений, профессий, даже с разных континентов, по-своему охарактеризовали книжный знак.

Английский художник Крэг:

«Это для книги то, что ошейник для собаки... На ошейнике значится: «Я собака Смита». Замените слово «собака» словом «книга» и прибавьте какое-нибудь украшение, и книжный знак или экслибрис готов».

А народный поэт Латвийской ССР Ян Судрабкалн заметил:

«Листки экслибриса невелики, но мир, который они раскрывают, огромен».

Содержание книжного знака, заключенное в форму миниатюры, по-своему раскрывает жизнь человека. Ведь темы, идеи, мотивы экслибрисов так же разнообразны, как и сама жизнь. Единоборство человека с силами природы, развитие техники, науки, искусства, борьба за мир — все находит место в маленьком книжном знаке.

В книжном знаке народного писателя Латвийской ССР

Андрея Упита изображены фигуры рабочего и крестьянина. Они поддерживают арку из книг, символизирующую связь одного из лучших представителей латышской литературы со своим народом.

На экслибрисе активного борца за мир писателя Николая Тихонова изображен голубь; экслибрис Юрия Гагарина воспроизводит земной шар и летящую «ракету», сложенную из книг!

На экслибрисе тамбовского коллекционера Н. А. Никифорова американский художник Рокуэлл Кент изобразил человека с открытой книгой, листы которой излучают свет. На книжном знаке Ф. М. Удалова, выполненном А. Д. Силичиным, — средневековый алхимик с раскрытой книгой и колбой, а на экслибрисе книголюба Проскурина — Иван Федоров у своего станка.

Некоторые экслибрисы отражают край или область, где живет художник или владелец библиотеки. Так, в ряде знаков нижнетагильского художника Р. В. Копылова изображается прошлое и настоящее Урала, на книжных знаках Алексея Юпатова — уголки родной ему Риги.

Нередки случаи, когда экслибрисы создаются по мотивам народных сказок и легенд. Так художник А. Силин выгравировал на книжном знаке средневекового рыцаря, проигрывающего дьяволу свою душу. Художник-кемеровчанин В. Зверев в книжном знаке Э. А. Сироты нарисовал прекрасную фею возле каменного цветка.

Часто экслибрис указывает на профессию владельца библиотеки или на его увлечение. Более пятидесяти лет собирал все, что касается истории русской армии, Александр Михайлович Макаров. Книги по истории армии, флота, рукописи, автографы командующих русской армией в 1812 году. Есть у него документы, подписанные собственноручно Петром I. Одних только книг накопилось более 6000 экземпляров. И на всех этих книгах — экслибрисы с изображением 12 фигурок солдат в мундирах различных времен — целая история русской армии.

Некоторые книжные знаки могут показаться довольно забавными. На экслибрисах Владимира Гиляровского есть надпись: «Эта книга украдена из библиотеки В. Гиляровского». И Владимир Алексеевич не был одинок. Чтоб устроить возможных воров или забывчивых друзей, взявших книгу, Николай Иванович Позняков на корешках своих книг поручал делать тиснение золотом: «Эта книга украдена у Н. И. Позн.». И хотя библиофил вооружил свои книги устрашающей надписью, это мало помогало сохра-

нению собственности. Да и не очень все-таки тактична она. Более симпатичны надписи, говорящие, что владелец библиотеки разрешает пользоваться книгами всем своим друзьям, как на одном старом экслибрисе, сделанном А. Дюрером для юриста Вилибальда Пиркгеймера,— «Для себя и для своих друзей».

Французский книголюб, боец Сопротивления Жорж Роман подарил нашей стране часть библиотеки. «Умирая, он не забыл о тех, кто в вашей стране любит французские книги,— писала вдова Жоржа Романа директору Все-союзной государственной библиотеки иностранной литературы.— Он выразил пожелание, чтобы 5000 томов его личной библиотеки были присоединены к тем книгам, которые он подарил вам ранее. Мысль о том, что книги, собранные им, находятся в вашей стране, к которой он всегда питал такую любовь, доставляла ему бесконечную радость».

Книги поступили. И чтобы выделить их, библиотека срочно напечатала десятитысячным тиражом экслибрис и наклеила его.

Я иногда, особенно поначалу, думал: не чудачество ли нескольких владельцев личных библиотек этот экслибрис? Мне казалось, пройдет каких-нибудь полсотни лет, ритмы жизни ускорятся, книголюбам будущего станет не до книжных знаков! О них будут справляться в толковых словарях да в энциклопедиях. На эту мысль натолкнули меня некоторые владельцы книжных знаков. Некий Г. прислал мне их с полсотни, причем именных, лично своих. А много ли книг у него? Когда справился, оказалось, всего-навсего «больше ста»!

И все же экслибрис завоевывает себе место и множит ряды коллекционеров. Доцент С. Фортинский как-то привел такие цифры: за 500 лет, с XV века вплоть до Октябрьской революции в России было 8 тысяч обладателей экслибрисов. А только за 45 лет после Октября их стало до 30 тысяч! И вот я — в их числе...

Владимир Александрович сначала с усмешкой смотрел на мое увлечение. А потом заинтересовался. Он даже любил мою коллекцию. И каждый раз приходя ко мне, спрашивал:

— А ну, где новинки?

Всматривался в знаки, и на его лице отражались все эмоции, от пренебрежительной усмешки до радостного удивления. Однажды заметил:

— Вас, коллекционеров, пожалуй, сотни. А есть ли

такие, кто не просто собирает экслибрисы, а описывает их, исследует?

Я показал ему несколько книг, каталоги.

— Исследователей маловато, а каталогов многовато...

Я заметил, что его интересовали не сами экслибрисы, не замысловатые или оригинальные рисунки. За маленьким ярлычком он видел библиотеку владельца. Однажды возмутился:

— Знаю я этого Иванова. Книг не больше сотни, а экслибрисов нарисовал на тысячу томов! Зуд популярности — не иначе!

Я промолчал, потому что и сам замечал у некоторых такие «перекося».

Как-то Владимир Александрович зашел после лекции.

— Только что из района. Привез десяток книг, одну для тебя.

Он вынул из портфеля старую книгу в переплете из толстой воловьей кожи. Корки от времени покоробились, кожа вытерлась, титульный лист вырван. Владимир Александрович пояснил, что называется книга — «Псалтырь следованная», издана более трехсот лет тому назад.

Один из его студентов отобрал в каком-то селе под Новыми Аненами у ребятишек старую книгу. Как она попала к ним — не поинтересовался. На обороте переплета был наклеен экслибрис со словами «Из книг Г. М. Рождественского».

— Меня разобрало любопытство, — сказал Владимир Александрович. — У владельца книги очевидно была целая библиотека. Я выбрал время и вот вчера со студентом выехал в село. Разыскали мальчишку, у которого была взята книга, и тот рассказал, что добыл ее на церковной колокольне. По шатким ступенькам мы поднялись на колокольню давно уже бездействующей церкви. Какая-то труха, комья затвердевшей земли и глины, по углам седая паутина. Там среди хлама я и нашел десяток старинных книг. На каждой из них был знак Г. М. Рождественского! Не будь этого знака, мне и в голову не пришло бы разыскивать книги!

Я рассказал Владимиру Александровичу случай, который описал в одной из своих статей коллекционер экслибрисов В. А. Виллинбахов.

Один ученый, работая в библиотеке Академии наук, обнаружил на страницах старинной книги по математике карандашные пометки. Вникнув в них, он удивился: записи представляли совершенно новый для XVIII века

подход к решению задач по баллистике. Это была неизвестная в истории науки страница. Но кому принадлежали эти пометки? Кто автор оригинальных мыслей?

Ключом, с помощью которого удалось проникнуть в тайну прошлого, оказался книжный знак. На нем был воспроизведен герб владельца книги. Установили, что это герб одного из сподвижников Петра Первого — генерал-фельдмаршала Якова Брюса, имевшего очень большую по тому времени библиотеку. Так книжный знак помог раскрыть важную страницу истории. А писатель Евгений Осетров рассказал, что один из создателей Козьмы Пруткова — Жемчужников имел большую библиотеку. Во время войны книги его пропали. Но во время ремонта одного из домов в Ялте обнаружили тайник, в котором были замурованы книги. На них был экслибрис Жемчужникова! Так нашлась часть библиотеки известного писателя.

Если Владимир Александрович видел за экслибрисом библиотеку, ее поиски, то меня привлекали знаки, посвященные деятелям культуры прошлого, особенно русским писателям. Вот, например, Пушкин. Я иногда вынимаю свой альбом, посвященный поэту, просматриваю книжные знаки, выполненные по мотивам его произведений. Особенно оригинален один из них, о котором стоит рассказать.

... Всю жизнь известный пушкинист Александр Федорович Отто посвятил разыскиванию и сохранению пушкинского наследия. Он даже псевдонимом взял себе имя героя пушкинского романа — Онегин.

С 1860 года А. Ф. Отто-Онегин жил за границей, был дружен с выдающимися русскими и зарубежными писателями. Они дарили ему автографы Пушкина, редкие книги, документы. Когда в 1925 году он скончался, его ценная коллекция была перевезена из Парижа в Советский Союз. На некоторых его книгах можно видеть любопытный экслибрис. У окна стоит стройная девушка и выводит пальцем по стеклу две буквы — «А. О». Почему так? Ведь у Пушкина говорится:

Татьяна пред окном сидела,
На стекла хладные дыша,
Задумавшись, моя душа
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель О да Е.

Сцену эту воспроизвел некогда в иллюстрации к роману известный художник М. О. Микешин. А художник И. Песке сделал экслибрис для Отто-Онегина, используя

рисунок М. О. Микешина, но перевернул его так, что Татьяна стала левшой, и изменил буквы на стекле.

На других экслибрисах — портреты Пушкина, строки из его стихотворений. На одном изображена кибитка, несущаяся по зимней дороге. Художник Е. Н. Шалыгин из Баку изобразил эпизод из «Капитанской дочки» — путь Гринева в Белогорскую крепость!

Хранится у меня и до ста книжных знаков, посвященных Есенину.

А вообще-то их, как подсчитали коллекционеры, более трехсот. Правда, я не знаю такого человека, который сказал бы: у меня собрана вся «малая есенинеана». Как удивительна фантазия у художника, который улавливает пси-

хологию поэта, умело передает суть его творчества в маленькой символической картинке!

Художник из Крыма И. А. Синеокий создал несколько экслибрисов для книг своей библиотеки. Из них мне нравится один, наиболее, на мой взгляд, характерный. У Есенина в «Сорокоусте» есть впечатляюще-пророческие строки:

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поездов?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну, куда он, куда он гонится?
Неужели он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Художник-график изобразил эту сцену соперничества живого коня с железным.

А своеобразный мастер графики москвич Е. Н. Голяховский создал выразительный экслибрис для книг С. Юрчука. На первом плане под роняющим листву деревом («Как дерево роняет тихо листья, так я роняю грустные слова») изображена воющая собака, у которой мужик утопил щенков. Вдали на холме убогие избы. Весь унылый пейзаж залит лунным светом. Отблески падают на холм, нагое дерево и высветляют фигуру одинокой собаки. Помните, «Песнь о собаке»?

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.
В синюю высь звонко,
Глядела она, скуля...

Конечно, имен художников, работающих над есенинской темой, невозможно и перечислить — их десятки. Есть среди них профессионалы, есть и любители. Коллекционерам «малой есенинеаны» хорошо известны имена В. Зверева, А. Герасимова, Р. Копылова, К. Теодоровича и многих других. Это говорит о большой популярности поэта у книголюбов и художников-экслибрисистов. С ним в книжном знаке «соперничает» из поэтов лишь А. С. Пушкин. Сужу по своей коллекции!

Однажды Владимир Александрович явился озабоченный. Потянулся к моим альбомам.

— Слушай, Дмитрий Николаевич, будь добр, проконсультируй по своей части. Купил вот в букинистическом

книгу — «Сочинения Адама Мицкевича» 1858 года. Изданы в Варшаве.

Он извлек из портфеля томик в плотном переплете. Откинул обложку и показал на обратной стороне книжный

знак. На нем изображен горящий факел; надписи на польском языке.

— Меня не столько экслибрис заинтересовал, сколько пометки в книге. Хочу выяснить, не был ли этот томик в личной библиотеке русского и польского революционера Зигмундта Сераковского, знакомого Чернышевского.

Мне не нужно было копаться в памяти: такого экслибриса в моей коллекции нет, да и вообще я не встречал подобного. Но чтоб не подорвать в его глазах репутацию своей «экслибрисной фирмы», спросил:

— Очень срочно нужны тебе сведения об этом знаке?

— Да нет. Только бы установить.

— Хорошо, через неделю-полторы узнаем.

Я переснял польский экслибрис и разослал знакомым коллекционерам в Москву, Ленинград, Новосибирск.

Прошло десять дней, но книжный знак так и не выдал своей тайны. Коллекционерам он не был известен.

Тогда по совету одного из знакомых я обратился с письмом к видному польскому коллекционеру книжных знаков доктору наук Стефану Котарскому.

Ответ из Польши пришел быстро. Котарский прислал мне на память несколько своих экслибрисов. Сообщил, что книга Адама Мицкевича ранее принадлежала польскому Обществу любителей наук. Оно было основано еще в 1907 году и имело на книгах своей библиотеки такой экслибрис. Книгами Общества пользовались польские революционеры.

Обо всем этом я и рассказал Владимиру Александровичу. Он выслушал. Сказал:

— Предполагаю, что книга попала к нам не одна. Завтра же пересмотрю все польские издания в букинистическом магазине, съезжу в библиотеки Кишиневского университета и медицинского института.

— Могла уцелеть только одна,— возразил было я.

— Может быть. Только поиски никогда не надо начинать с пессимистических сомнений.

По следам исчезающих книг

1

Мы склонились над географической картой. Владимир Александрович, держа в руках линейку, карандаш, делал расчеты:

— Смотри, от Кишинева до Москвы через Киев — одни сутки. Нигде не задерживаемся. В Москве пробудем день, от силы два. Потом электричкой в Ярославль — не больше четырех часов езды. А отсюда будем путешествовать во все стороны, где автобусом, а где и пешком!

Владимир Александрович еще с зимы мечтал побывать в родных местах, повидаться с матерью-старушкой, съездить к брату в глухую ярославскую деревеньку. А основная-то цель — поискать старые книги, которые, увы, исчезают и исчезают! Уговорить меня на такую длительную поездку не составило ему труда.

Я слушал его речь, словно увлекательную сказку. Даже не заметил, как поверх карты страны очутилась другая — Ярославской области.

И, склонившись над ней, мы намечали маршрут поездки.

Куплены билеты в купе московского поезда. Сколько раз вот так, как и теперь, сопровождал я своего друга! Он уже наперечет знает содержимое моего вместительного саквояжа:

— Какая подкормка нам с тобой отпущена на дорогу?

Я с готовностью стал вытаскивать то, чем снабдила нас жена.

Попутчиками нашими оказались мужчина и словоохотливая женщина. Первый, поев, забрался на свою полку и тут же заснул. Женщина, увидев в руках у Владимира Александровича ветхую книжку дореволюционного издания, подключилась к нашему разговору:

— Отец у меня учителем был. Когда умер, съехались мы, трое детей. Похоронили по чести. Давай по-родственному делить то, что от него осталось. Младший говорит: вы себе мебель берите, вещи там всякие. А мне книжки отцовские оставьте. Мы возражать не стали, вольному — воля. Пусть себя обделяет. Разобрали мебель. А он подогнал контейнер, книжками доверху набил — увез к себе в Серпухов. Я со старшим братом еще его и пожалела: вырасти вырос, а ума не вынес! Потом узнали: наш-то тихоня на отцовские книжки «Жигули» купил и дачу себе отгрохал! А мы лежи на старых отцовских диванах и пальцы соси. Вот ведь как получилось!

Женщина вздохнула, взглянула на старую книжку, спросила:

— Тоже, поди, денег стоит?

Владимир Александрович с любопытством слушавший ее исповедь, тут же поинтересовался: не осталось ли хоть что-нибудь из отцовской библиотеки? Нет, не осталось...

Конечно, подобная история для него не нова. Много он знал личных библиотек, которые исчезли так же. Разыскивал их, нападал на остатки. Мне самому приходилось сопровождать его в поисках исчезнувшей библиотеки в Хотин и в Краснодар. Помню, тогда, в Хотине, мы нашли целую библиотеку молдавских и русских книг революционера Андрея Степановича Горбенко. Перевезли ее в Кишинев. Но большинство книг этой библиотеки разошлись по Херсонской губернии. Или вот библиотека Николая Антоновича Медынского, остаток которой передала нам жительница Кишинева Софья Игнатьевна Медынская с улицы Льва Толстого. Там была в основном социалистическая литература, народнические и марксистские журналы, а также запрещенные царским правительством брошюры.

В Киеве нас должны были ожидать. Владимир Александрович за день до отъезда дал две телеграммы. И теперь, когда подъезжали, распорядился:

— Возьмешь на себя того, что в железнодорожной

форме,— это тебе сюрприз. Только ни на какие уговоры не соглашайся. А я с другим разделаюсь.

«Что еще за тайна? — подумал я.— Посмотрим...»

Как только поезд остановился, мы вышли на перрон. Из суетящейся толпы мой глаз выхватил плотного человека в форме железнодорожника, довольно высокого ранга и со Звездой Героя Советского Союза. Присмотрелся. Ба, да ведь это же бывший командир эскадрильи летчик-истребитель Дмитрий Степанович Кравцов! Лет десять не виделись! Вот и он узнал меня. Обнялись, расцеловались.

— Где багаж? Сейчас прямо ко мне. Володи не вижу.

Я оглянулся. Владимир Александрович в стороне перелистывал какую-то книжку. Возле него переминался с ноги на ногу молодой бородач со спортивной сумкой, искательно заглядывал в глаза.

— Володя! — позвал Кравцов.

Тот кивнул головой, сунул книжку в карман пиджака, передал бородачу другую и подошел к нам.

Пришлось разочаровать однополчанина: не можем задержаться ни на день — ждут дела. На обратном пути клятвенно обещаем...

Пятнадцать минут промелькнули, как одна. И вот уже Дмитрий Степанович уплывает вместе с перроном киевского вокзала.

Когда зашли в купе, я не утерпел:

— Что выменял? Оперативно!

— Ничего особенного. Заочно познакомились через одного коллекционера — филателиста. Списались. Его интересуют символисты. Всего скорее, с точки зрения коммерции. А меня вот эта книжица.

Он протянул небольшой томик. Название — «Записки школьника», автор — Э. Амичис. Мне это ни о чем не говорило.

— Детская? — спросил я.

— Детская. Только не думай что я сам в детство впал. У этой книжки любопытнейшая история.

И Владимир Александрович тут же рассказал о книге и авторе.

... Февральские вьюги запорошили окна, намели метровые сугробы. Мороз давно уже сковал мелководную речку Шушу, нарисовал немислимые узоры на стеклах. Однообразие жизни в ссылке скрашивали Ленину газеты, журналы, письма родных. Детишки ссыльного Ивана Проминского прибегали погреться, посмотреть книжки с кар-

тинками. Склонившись над листом бумаги, Владимир Ильич писал сестре Анне Ильиничне:

«Читал в газетах о выходе твоего перевода Амичиса. Есть ли у тебя свободные экземпляры,— пришли мне».

Действительно, в 1898 году издательство «Посредник» выпустило повесть Амичиса в переводе А. Ульяновой и с предисловием И. Горбунова-Посадова.

Посылая книги брату в Шушенское, Анна Ильинична объяснила, что «Школьные годы» — книга детская. Владимир Ильич, как видно, этого еще не знал. Ведь Амичис писал и другие книги — о жизни итальянских эмигрантов, публицистические статьи. Потому он тут же сообщил матери и сестре, Марии Ильиничне:

«Она пишет, что Амичиса книга детская. Этого я не знал,— но и детская будет здесь полезна, ибо детям Проминского нечего читать».

Кто же такой Амичис, заинтересовавший Ульяновых?

Эдмондо де Амичис — прогрессивный итальянский писатель-социалист и просветитель. Родился он в 1846 году в Онелье. Окончил военную школу, участвовал в антиавстрийской войне 1866 года. А в следующем году в походах гарибальдийцев на Рим. Затем, выйдя в отставку, он занялся педагогикой и литературой. После цикла новелл «Военная жизнь» Амичис перешел к повестям о школе, о детях. Тут-то и раскрылся его талант: читателей захватили живые сцены, мягкий юмор. «Сердце (дневник школьника)». «Роман учителя», «Между школой и домом», особенно «Учительница рабочих» принесли Амичису мировую известность не только как детского писателя, но и как вдумчивого воспитателя, который ставил серьезные социальные проблемы семьи и школы. Вот почему его книги снискали любовь и у русских читателей.

Популярность Эдмондо де Амичиса не упала в России и впоследствии. Его повести неоднократно издавались в 1900—1912 годы.

— Есть у меня три его книги,— говорил Владимир Александрович.— Причем, разыскал я их в самых различных уголках: одну в Новокузнецке, другую — в Хабаровске, а третью в Костроме. Теперь и четвертую выменял. И знаешь,— продолжал он,— на этом история книг Амичиса не заканчивается. Одну из них ждала другая слава. Вот слушай...

В первый же год революции Владимир Маяковский удивил своих читателей и знакомых: стал сниматься в кино. Его захватили новизна и необычность «живых картин» на

полотне. Он решил все делать сам: писать сценарий, играть главную роль, быть режиссером кинокартины. Долго искал материал. Вот и выбрал «Учительницу рабочих» Амичиса — о бедствиях учительницы-интеллигентки, о влюбленном в нее хулигане. Сценария, правда, не писал, а вместе с оператором Славинским стал снимать прямо по тексту перенеся действие из Италии в Россию!

В мае 1918 года кинофильм «Барышня и хулиган» с Маяковским в главной роли вышел на экран и демонстрировался с большим успехом!

— Интересная история, да и книга любопытная. Но тебе-то она зачем?

— Помнишь, я тебе рассказывал, что собираю книги, которые читал Ленин. Очень уж они разнообразны. Хочу написать цикл очерков «Книгу читал Ильич». Не с чужих слов, а сам подержу в руках эти книжки, своими глазами взгляну на иллюстрации, на обложки, узнаю их издательскую историю. Потому они и должны быть у меня под руками. Неплохо!

— Пожалуй.

...Москва встретила, как всегда, привокзальной суетой, шумом проспектов, тем ускоренным ритмом жизни, который характерен для крупного города. Все это было по душе моему другу.

И вот вагон метро уже несет нас в центр столицы, на улицу Рылеева, к бывшему командиру нашей эскадрильи Петру Якубовскому.

Повторилось то же, что при встрече с Дмитрием Кравцовым: объятия, похлопывание по плечу с неизменным «а помнишь...» Но через полчаса Владимир Александрович забеспокоился:

— Ты оставайся с Петром. Вас хлебом не корми, дай старое вспомнить. А я в ближайший букинистический наведаюсь, у них как раз обеденный перерыв кончается.

И ускользнул.

Мы с Якубовским сидели за чаем, перебирали фамилии однополчан, названия освобожденных городов, аэродромы, разглядывали старые фотографии. Не заметили, как пролетели четыре часа. Вернулся из своего похода Соломин.

— Ну и портфелище у тебя — тугой! — засмеялся Якубовский.

— Портфель потолстел, а бумажник отоцал! — в тон ему ответил Владимир Александрович. — Хорошо, что ярославская сторона больших денег не потребует!

— Какая еще ярославская сторона? — забеспокоил-

ся Петр.— Вы же ко мне в гости приехали? Завтра на дачу...

Но тот перебил:

— Переночевать, Петро, переночуем. Завтра Москву посмотрим, вернее, библиотеку Ленина. А ночью прямоком в Ярославль.

Якубовский поник. Вздохнул и, наконец, махнул рукой. Предложил:

— Ты составь-ка список, какие тебе книги нужны. Я поспрашиваю.

Владимир Александрович засмеялся:

— Ничего у тебя, дружище, не выйдет. Там, где я книги добываю, как увидят тебя со Звездой Героя Советского Союза, по сторонам разбегутся. Подумают, истреблять явился!

Владимир Александрович выгружал из портфеля свое богатство. Любовно просматривал каждую книжку. То головой покачивал, то вздыхал, то удивленно замирал.

— А для чего тебе географическая?

— Скорее, этнографическая. Люблю читать о тех местах, где сам бывал. Вот посмотри.

Добротный переплет, обтянутый зеленым коленкором. Золотое тиснение букв:

«Путь-дорога. Научно-литературный сборник в пользу общества вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб, 1893 г.»

Выпустил ее на свои средства в помощь нуждающимся переселенцам купец К. М. Сибиряков. А писатели, художники, ученые поддержали его. Посмотрите оглавление. Тут Лев Толстой, Чехов, Гарин-Михайловский. А какие иллюстрации! Имена-то: Крамской, Касаткин, Репин, Васнецов! Все отказались от гонорара — деньги пошли на нужды крестьян.

— И много таких книг выпускалось? — спросил Якубовский.

— Много. Причем всяких названий, предназначений. Ну хотя бы сборник «Складчина». Вот и его приобрел только что. Видите? Выпустили книгу в 1874 году, в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. История этой «Складчины» не менее любопытна. Я проследил ее как-то по самым различным источникам. Расскажу вам.

Однажды к художнику Михаилу Осиповичу Микешину заехал его приятель Александр Фомич Погосский. Разговор зашел о голоде в Самарской губернии. Погосский предложил: почему бы не издать сборник литературных

„ПУТЬ-ДОРОГА“.

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ПОЛЬЗУ ОБЩЕСТВА

Л. С. М.

ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ФОТОТИПІЙ И ЦИНКОГРАФІИ

Изданіе К. М. СИБИРЯКОВА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литография Б. М. Вольфа, Фонтанка 92, уг. Гороховой.

1893.

произведений в пользу бедствующих? Микешин поддержал, обещал проиллюстрировать будущую книгу. Даже развил мысль: и другие писатели, художники, если к ним обратиться, не останутся в стороне.

Первым ухватился за идею Микешина и Погосского, как ни странно, реакционный журналист князь Мещерский. Или захотел сделать реверанс общественному мнению, или проснулись какие-то человеческие струнки? Однако за дело взялся горячо. Он понимал, что без крупных талантов, известных имен сборник не будет иметь ни веса, ни популярности. Потому прежде всего обратился к Некрасову. Николай Алексеевич не отказался. Мало того, он решил потеснить реакционеров. Повел дело по-своему, а князю Мещерскому пришлось в этом деле довольствоваться скромной должностью — казначея комитета!

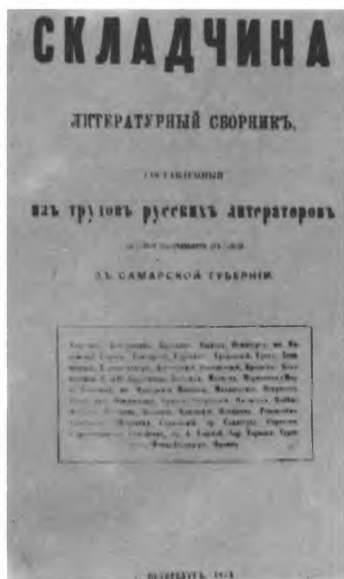
В конце марта 1874 года альманах «Складчина» в семьсот с лишним страниц вышел в свет. В сборнике участвовали крупнейшие писатели, поэты, журналисты. Тургенев дал в помощь голодающим рассказ «Живые мощи», Островский отрывок из пьесы «Трудовой хлеб», Гончаров рассказал о плавании на фрегате «Паллада», Некрасов — три стихотворения, а Достоевский сатирическую зарисовку под названием «Маленькие картинки».

Весь тираж — около девяти тысяч экземпляров — вскоре был распродан и принес 22 500 рублей прибыли. Деньги передали в помощь самарским крестьянам, которые пострадали от голода. Естественно, что такой сборник, как «Складчина», оказался и в Молдавии. Ведь у нас в Кишиневе в середине прошлого века были две хорошие публичные библиотеки. Одну, правда, в 1852 году царские власти закрыли, но под давлением общественности через пять лет открыли вновь. Ей даже было отведено приличное помещение — напротив бульвара. Я, помню, читал в «Бессарабских областных ведомостях» об этом: в светлой комнате для читателей поставлены диваны, кресла. А самое главное, — обилие современных изданий: передовая литература, современные журналы! Вот посмотрите, на этой книге штамп — «Публичная библиотека в Кишиневе».

Якубовский как-то странно посматривал то на него, то на книги. О чем-то думал. И вдруг спросил прямо, без обиняков:

— Слушай, Владимир, все мы смертны, ты это знаешь. И я умру, и он. И твой черед придет. Куда же денутся твои книги? Столько покупаешь, колесишь за ними по стране. Помню, ты еще на войне их собирал. Что с ними станет?

— Видишь ли, Петро, я знал коллекционеров, которые завещали свои книги крупным библиотекам. Знал и таких, у которых родственники губили то, что собиралось десятилетиями. Конечно, мертвецу на том свете все уже без-

различно. Ну а живому думать-то об этом не очень весело. И я частенько задумываюсь.

— К какому же выводу приходишь? — не отставал Якубовский.

— Что ж, раз речь зашла, то выскажу свое пожелание.— Тут он повернулся в мою сторону.— Ты, Дмитрий Николаевич, закажешь художнику Николаю Горенышеву эскибрис. Он мой друг и сделает получше. Наклеишь на мои книги и все их распустишь по белу свету.

— Как это «распустишь»? — удивился я.— Все стараются, чтоб их библиотеки хранились в одном мес-

те. Помнишь ты сам о красноярском купце-книжнике Бурцеве рассказывал. Или возьми Смирнова-Сокольского!

— Каждый волен поступать с собственной библиотекой, как ему заблагорассудится. Один передает в государственное хранилище, а другой — в букинистический магазин.

— Настоящий книголюб в букинистический, допустим, не сдаст!

— Почему? Вот в прошлом веке был известный библиограф П. А. Ефремов. Заболев, он продал огромную коллекцию гравюр, литографий одному антиквару — пусть продает! А богатейшая библиотека, едва умещавшаяся в пятистах ящиках, тоже разошлась по рукам! Я лично согласен с Евгением Осетровым, который как-то заметил, что коллекция книг в редких случаях должна после основного владельца—собирателя оставаться целиком в одном месте. Пусть достается всем понемногу! Кстати, Осетров сослался на В. А. Десницкого. Тот завещал, чтоб его библиотека после смерти «растворилась бы»! Причем заметил: не хочет лишать будущих собирателей радости книжных находок! Вот и я желал бы оставить о себе память везде и понемногу. Книги об Астрахани пусть идут в Астрахань, об Архангельске — в Архангельск. Те, что издавались в Харькове — в Харьковский музей, а лучше в их публичную

библиотеку. По своим домам, так сказать, разъезжаются! И никаких закрытых фондов — только для всеобщего пользования. На то они и книги. Ну, может, очень уж древние или ценные пусть будут музейными экспонатами — разрешаю!

На следующий день мы с Владимиром Александровичем объездили все букинистические магазины. Он купил кое-что, но больше выписывал в свою записную книжку. Перед уходом из каждого магазина еще раз бегло скользил взглядом по корешкам переплетов.

2

После московской суеты Ярославль показался нам очень патриархальным. Хотя есть здесь троллейбусы, автобусы, трамваи, однако веет тишиной, мудрым спокойствием древности, что хранит много исторических судеб. Мне такие города по душе!

Пока ехали от вокзала Всполье к Нефтестрою, бывшим Крестам, Владимир Александрович показывал мне через окно троллейбуса достопримечательности: красивое здание театра имени Волкова, могучий кремль Спасского монастыря, где было найдено «Слово о полку Игореве», старое здание мужской гимназии, где учился Некрасов.

— А вон видишь, крепостная стена бывшего Спасо-Преображенского монастыря. В конце восемнадцатого века монастырь уже не действовал. В нем на покое оставался только архимандрит Иоль. Граф Мусин-Пушкин имел под Ярославлем одно из имений, приезжал сюда. И, как видно, познакомился с архимандритом, у которого к тому же сохранялась монастырская библиотека — рукописи, редчайшие книги. Вот здесь и имелся так называемый Хронограф. В него входили «Сказание об Индийском царстве», «Повесть об Акире Премудром» и ... «Слово о полку Игореве!» Хронограф этот и приобрел Мусин-Пушкин.

— А что такое Хронограф?

— Памятник древней письменности, в который входит обзор исторических событий на основе библейских легенд, византийских источников...

Матери Владимира Александровича уже под девяносто. Но плавная речь, хорошая память у нее, как говорится, не по годам. Она знала, что сын должен приехать «за старыми книжками». Потому не удивилась нашему появлению и после традиционного чаепития вынесла ворох обветшавших

«акафистов», «требников», «евангелий». Все это Владимир Александрович внимательно просмотрел.

— Съездил бы ты в Заборное, под Туношну. Помнишь, когда был маленький, мы снимали там комнату. Отец каждый раз привозил из города книжки. Мы их обратно не взяли, на чердак в коробе снесли.

— Считаю, полсотни лет прошло, спалили.

— Нет, в старом доме не жили. Заколочен. Я в позапрошлом году у них была. Целехонек стоит, под замком.

Владимир Александрович еще раз пересмотрел книги. Все на церковнославянском языке.

— Жаль, что богослужebные. Такие попадались мне частенько. Вот эта, пожалуй, самая любопытная и ценная. Печаталась в Вильно. На титульном листе ничего не указано. Посмотрим в конце:

«Дорофей Авва. Книга поучений. Вильно, типография монастыря чина Василия Великого, 1767 г.»

— И смотри,— повернулся он ко мне,— тут же говорится, что перепечатана с московского издания 1652 года. Ее сделали по заказу старообрядцев. Кстати, такие экземпляры сохранились в исключительно малом количестве — единицы. Дело в том, что старообрядцы подвергались в свое время преследованиям, а их книги сжигались!

— А вот этой, наверное, лет четыреста? — спросил я, указав на толстый том.— Ты посмотри, переплетище-то какой!

— На переплет и я поглядываю. Сдается, книга переодета лет двести тому назад в новую кожу. Любопытно, что там внутри?

— В книге?

— Нет, внутри переплета.

Я пожал плечами. Что там может быть — доска? Недаром же говорили прежде: прочесть от доски до доски!

— Я тоже некоторое время так думал: переплет — доска, обтянутая кожей или сафьяном. Только однажды прочитал в «Книжном обозрении» статью Якова Андреева «Тайна кожаного переплета» и стал смотреть на это по-другому.

— В чем же тайна переплета?

— Сотрудник научной библиотеки Уральского университета Мосин обратил внимание, что переплет одной книги середины 16 столетия несколько разошелся. Внутри, под разводами клея, различались какие-то знаки. Он осторожно удалил клей и увидел на пергаменте готический шрифт. тогда по миллиметру он очистил пергамент от клея и об-

наружил на нем стихи на старофранцузском языке! Мосин исследовал переплеты и других книг того же времени, обнаружил еще в двадцати такие же знаки. Были даже средневековые ноты!

— С какой же целью переплетчики одевали старое в новую одежду?

— Когда широко развернулось книгопечатание, книги, естественно, переплетали вручную. Как материал для переплета использовали пергамент. Получалось: книге, к примеру, триста лет, а переплету — на сто лет больше! Мне однажды тоже встречалось нечто подобное. Попал я в заброшенный скит каких-то раскольников в Шорской тайге (один геолог путь указал). Нашел там две старые книги: одна рукописная, другая печатана с досок. Обе в деревянных переплетах, обтянутых кожей. Так вот между доской и кожей была прокладка — листы какой-то рукописи на церковнославянском языке! Видно, для того, чтоб переплет казался толще, внушительнее...

На следующий день мы бродили по Ярославлю. Владимир Александрович обо всем мне рассказывал, не переставал удивляться, как изменились знакомые когда-то места родного города: застроена бывшая Сенная площадь,

исчез «Мытный двор»; Власевский садик украсился новой скульптурой Федора Григорьевича Волкова!

— Здесь, на Сенной, приобрелся я к поискам старых книг. Заметь, не к покупке, а именно к поискам.

— Любопытно.

— Я частенько заглядывал на эту самую Сенную. Торговали тут сеном, дровами, гвоздями, столярным клеем, патефонными пластинками. Однажды у какого-то торговца на мешковине увидел старые книги. Стал рассматривать их и задержался на одной. Переплетена она была в толстый картонный переплет. Корешок обтерся, уголки сбиты. Это был журнал «Русская старина». Спросил откуда у него книга. Ответил, что купил вчера ее у старьевщика, тут же, на толкучке! Я отдал ему за журнал десяток старых учебников и пачку газет.

Шел домой и по пути перелистывал спасенный журнал.

Позднее, когда стал учиться в пединституте, узнал, что журнал «Русская старина» издавался в Петербурге либеральным историком М. И. Семевским. В нем печатались воспоминания, дневники, письма русских писателей, общественных деятелей, ученых. На страницах журнала можно было встретить неизвестные до того времени стихотворения Пушкина, Лермонтова и других классиков литературы.

Вот таков был мой дебют, заключил Владимир Александрович. Зачастил я после этого на Сенную. И чего только не находил здесь среди книжных развалов!

3

Путь от Ярославля до Карабихи показался мне очень коротким: двенадцать километров по шоссе для рейсового автобуса — суший пустяк.

Прошли по дорожке, выглаженной тысячами ног: обогнули музей-усадьбу с юга, постояли у открывшейся равнины.

Я отошел в сторону и смотрел в сиреневую даль. Зримо представлял, как по утрам, измученный думами, бессонными ночами, Николай Алексеевич Некрасов приходил сюда, прищурившись смотрел на панораму полей, лесов, утонувших в зелени деревенок. Потом спускался вон туда, в глухой и таинственный овраг. Медленно шел к вьющейся речке Которостли. Выплывало солнце, чтоб начать свой путь, и капли росы с ветвей обдавали его прохладным дождем. Он выходил из чащи и шел по лугу, оставляя тропу на росистой траве...

Из задумчивости вывел меня голос подошедшего Владимира Александровича:

— Почти каждое лето в последние четырнадцать лет приезжал сюда Некрасов.

— А как думаешь,— предположил я,— не сохранились ли где-нибудь здесь рукописи поэта или его книги?

— Вон чего захотел! Тут, дорогой, все сто раз излазили, обшарили еще первые некрасоведы. А они были мастера на такие поиски, не то, что мы, грешные! Помнишь, я тебе рассказывал об одном из них — Евгеньеве-Максимове?

— Как будто нет,— удивился я.— Представь, не припоминаю.

— Идем вниз, вон по той тропинке, расскажу.

— Более сорока лет собирал и изучал он наследие поэта: в архивах и музеях различных городов разыскивал рукописи Некрасова, его письма, произведения, запрещенные цензурой; записывал воспоминания о нем современников; принимал участие в организации музеев поэта, в ежегодных некрасовских чтениях и конференциях, написал более двадцати книг и двести газетных, журнальных статей о революционных демократах, в том числе и о Некрасове. А сколько книг, пособий отредактировал, сколько воспитал учителей, научных работников!..

Владимир Александрович замолчал, и мы стали огибать поле по тропе.

— А ты часто виделся с Евгеньевым-Максимовым?

— Два-три раза на конференциях слушал его. Он как-то рекомендовал мне прочитать книгу «Архив села Карабихи». Редкая теперь книга, изданная К. Ф. Некрасовым. В ней я нашел интересные публикации, письма Некрасова к отцу, к брату Федору Алексеевичу. Тут же впервые приводились письма Льва Николаевича Толстого к Некрасову. Но особенно интересно было предисловие. Из него я узнал такое, чего и предполагать тогда не мог!

В августе 1913 года в Карабихе умер младший брат Некрасова, Федор Алексеевич. Его сын, Константин Федорович, вспомнил: отец когда-то, побоявшись обыска, связал в пачку рукописи и письма Н. А. Некрасова. Эту пачку закинул через маленькое окошко в подполье дома. И вот спустя несколько десятков лет, в 1913 году, Константин Федорович решил разыскать эту пачку рукописей. Задача, однако, оказалась нелегкой. Окна подвала были узки, свет почти не проходил, всюду кучи мусора, паутина. Долго пришлось ползать в пыли, перебирать щебень и мусор. Но

наградой за упорные поиски была довольно увесистая пачка бумаг. Среди них оказались черновые тетради Николая Алексеевича Некрасова, много писем, две-три запрещенные книги, коллекция фотографий, которую собрал Некрасов.

Эти документы и опубликовал в 1916 году К. Ф. Некрасов в сборнике «Архив села Карабиха»...

— Ну а сам-то ты разыскал что-нибудь здесь? — спросил я.

— Даже не пытался. А вот завтра поедем с тобой туда, где, может быть, что-то и найдем...

4

Автобус остановился, высадил нас и покатил дальше, к райцентру Курба. На табличке, прибитой к столбу, я прочитал — Меленки.

Вокруг простирались поля. Справа вдали темнел лес, а слева петляла меж кустов небольшая речушка.

— Что ж, пойдем в Семеновское. Вон оно!

Мы не спеша направились вдоль речки, потом по тропинке поднялись на пригорок, где по обеим сторонам проселочной дороги ютились деревянные домишки. Добрая половина их была заколочена.

— Последние деньки доживает деревня, а это не сладкий мед, — вздохнул Владимир Александрович. — Еще какой-нибудь десяток лет, избы, сараи с амбарами на топливо раскатают, а место распашут. Когда-то было Семеновское большим селом. Видишь, вон крайний дом? Это бывшая школа. А вот тут была церковь. Один фундамент остался, и тот давно зарос. Ну да есть о чем гореваты! Пойдем вон к тому дому.

Знакомые Владимира Александровича оказались гостеприимными стариками. За чаем рассказывали о прошлом, вспоминали учителя, священника, перебирали всех старожилых.

— Кого бог прибрал, а кто к детям в город перебрался, внуков нянчить. Мы только, грешные, задержались!

— В Меленках дед Никита жив?

— Жив, родные, жив. Слепой совсем. Наведайтесь к нему.

— А та старуха глухая, что в Курбе жила у священника?

— Тоже жива. Горемыкой одна мается: ни детей, ни внуков...

Потом поговорили об урожае:

— Картохи уродились в этом году, скажу я, — сообщил старик, — копаешь, а они во-о-о какие! Как поросята!

Я слушал его и думал: как жаль, что наше знание родного языка идет от книг, а не от живых людей.

Старики были рады и нашим городским «гостинцам», и тому, что мы наведались к ним. Отвели было нам переднюю комнату, но Владимир Александрович запротестовал:

— Только на сеновал, и никуда больше! Комнаты мы и в городе видывали. А сеновала даже в Москве не сыщешь!

— Да что вы — бездомные что ли? На сеновале...

— Пусть, мать, и на сеновале поспят. Комарье нынче не беспокоит.

И вот мы лежим на пахучем сене, подстелив какое-то полотно и накрывшись ватным одеялом. В маленькое окошко пробивается голубоватый свет луны. Внизу, под нами, переступает ногами и шумно вздыхает коза; ворочаются на своем насесте куры. Первозданная, неповторимая и навсегда уходящая романтика!

— Н-да. Хоть город — есть город, но...

— Хорошо!

— Отлично. Поживем мы здесь с тобой на славу, Дмитрий Николаевич. Как короли!

— Скорее, как пастухи,— сказал я.

— Что же, когда-то и пастух королем на селе был.

И ароматный запах свежего сена, и тишина, какой не бывает в городе, и неторопливая беседа — все вселяло в душу покой и умиротворение. И это не было сомообманом. Только вот зачем все-таки мы приехали сюда? Какая цель? Ехать за полторы тысячи километров ни с того, ни с сего...

Я знал за Владимиром Александровичем одну черту: он точно угадывал мои мысли. Вот и на этот раз спросил вдруг:

— Соображаешь, зачем приехали?

— Любопытно.

— Так знай, это Семеновское — основная цель нашей поездки. Отсюда, как лучи от солнца — во все стороны! С

утра и начнем. Спать, я вижу, тебе не хочется, расскажу с самого начала.

Я был еще студентом Ярославского пединститута. Но книжными разысканиями занимался фанатически, с каким-то упоением. Помню, зашел однажды после лекций в буквинистический. Стою, просматриваю новые поступления. И вдруг — глазам своим не верю: «Иллюстрированный альманах» 1848 года, изданный Некрасовым и Панаевым! Как взял книгу в руки, так и не выпускаю. Пришел в себя, торопливо расплачиваюсь за покупку — от радости никого не замечаю, ничего не слышу. Только краем уха улавливаю, как девушка-продавец отвечает кому-то:

— Религиозные журналы мы, бабушка, не принимаем!

И другой голос, мужской:

— Выйдем, бабушка, я куплю.

Окрыленный вышел я из магазина. Вижу, у дверей мужчины расплачивается со старушкой. А меня так и распирает от счастья: торгуйтесь себе на здоровье, вот знали бы, что я приобрел! Так и тянет поделиться хоть с кем-нибудь своей радостью. Говорю мужчине: «Видите, какую диковинку только что купил!». А он чуть скосил глаз на обложку и улыбнулся как-то странно. Говорит: «У меня покупка ценнее будет. Больших денег стоит». Раскрыл картонный переплет и показывает титульный лист. Я так и ахнул: герценовский «Колокол», годовой комплект, да еще в идеальной сохранности! Ну и «религиозный журнал» продала ему бабушка!

Идем мы с ним к волжской набережной. Беседуем о редких книгах. Вижу, толк он в них понимает. Только вот моей покупкой что-то не интересуется. Показалось мне это несколько странным, даже обидным. Он же, между прочим, говорит: «Жаль, не узнал, где старуха живет. Наверное, дома у нее еще что-нибудь есть». Поначалу я на эти слова не обратил внимание. И не предполагал, что именно они-то и толкнули меня на длительные поиски.

Прощались и разошлись. Он в свою сторону, а я отправился в библиотеку пединститута. Нетерпелив был тогда в книжном разыскательстве: ночь не буду спать, пока не узнаю все что возможно об этом «Иллюстрированном альманахе»! Хорошо, что библиотека в пединституте прекрасная — фонды бывшего Демидовского лицея. А лицей этот — одно из первых высших учебных заведений России!

Так вот, любопытную, скажу тебе, историю узнал я об этом альманахе...

В феврале 1848 года в жандармерию было передано

письмо революционного содержания. В нем были выпады против царя, министров; предсказывалась близкая революция в России.

Стали искать автора «пасквиля». Обратились за помощью к Фаддею Булгарину, которого за доносы сек в своих эпиграммах и письмах еще Пушкин. Тот указал на молодого писателя Буткова и на издателя «Современника» Некрасова. Посоветовал «найти человека, который бы напоил их и порасспросил!» Буткова с Некрасовым жандармы решили все же не спаивать. Сличили только почерки. Подозрение отпало — не они писали. Но так уж в жизни бывает: если пало подозрение, то до конца не оправдается человек, хоть пятнышко да останется! На Некрасова легла тень. А как раз в это время, чтоб поднять подписку на «Современник», Николай Алексеевич объявил, что подписавшимся в виде бесплатного приложения к журналу будет выдаваться «Иллюстрированный альманах». Такое в издательском мире было диковинкой. И без того покупка пушкинского «Современника» Некрасовым произвела сенсацию. Ведь его считали фельетонистом, дельцом. Я. К. Грот писал профессору П. А. Плетневу: «Тень Пушкина! Не содрогнешься ли ты... И Некрасов в числе издателей! И что за сотрудники!». А тут еще иллюстрированное приложение — новая сенсация. Недруги поэта стали язвить: он, мол, чтоб заманить подписчиков, скоро пообещает своим читателям по бочонку селедок и по куску мыла!

И вот, представляешь, у меня в руках одна из книжек этого сборника. Я перелистывал страницы и думал, с каким бы интересом ее читали, какой бы фурор произвела она в мрачные годы реакции. Опубликованы были и повесть Авдотьи Панаевой «Семейство Тальниковых», повесть Дружинина «Лола Монтес», рассказ Владимира Даля. Достоевский выступил с рассказом «Ползунков», Иван Панаев с отрывком из дорожных рассказов «Встреча на станции». Альманах назван иллюстрированным не случайно: в нем масса рисунков известных художников — Н. Степанова, А. Агина — сатира на сановников, чиновников, иллюстрации к «Мертвым душам». Прекрасная книга — издательская новинка!

Тут я прервал рассказ Владимира Александровича:

— Но почему ты сказал «с каким бы интересом ее читали». Неужели альманах не вышел?

— Представь себе, его почти никто не читал! Произошло следующее. Цензор перелистал, ничего особенного не заметил, книжку разрешил. Ее, естественно, отпечатали,

сброшюровали, повезли несколько экземпляров в цензурный комитет. Там вновь прочитали и... запретили к рассылке! Особенно бросились в глаза цензору иллюстрации Агина к «Мертвым душам». На одной он изобразил, как капитан Копейкин стоит перед швейцаром. Простой русский офицер из «сереньких» потерял на войне с Наполеоном руку и ногу, хочет попасть на прием к вельможе. Остановился он в недоумении перед откормленным мопсоподобным лакеем. А тот надменно опустил глаза, вытащил табакерку. Что ему до таких вот полунищих — мелькают, как мухи перед глазами!

На всех таких рисунках оказались красные кресты цензора!

Книжку запретили. Издатели заметались: что же делать, ведь подписчики ожидают альманах! Уговаривали цензора, обращались к влиятельным знакомым. Ничто не помогло. Пришлось весь тираж свезти на склад, где его закрыли, опечатали, подготовили к уничтожению. Время шло, книжки должны были идти под нож. А тем временем кто-то тайно проник в складское помещение, похитил несколько экземпляров. Продавал из-под полы любителям. Вот единицы и дожили чудом до наших дней!

Принес я книжку домой. Поставил на самое почетное место. Хожу, поглядываю на нее. Иногда снимаю с полки. Перелистаю. И знаешь, радость, а не отпускает меня какая-то тревога. Ну что, думаю, еще тебе надо: книга — дома, историю ее узнал. Однако, чувство такое, словно упустил я что-то маленькое, но очень существенное!

От радости заснуть долго не мог. А ночью приснилось, будто торгуюсь я с каким-то огромным мужчиной и перекупаю у него «Колокол»! Держу подшивку в руках, открываю обложку, а там весь лист в штампах. Овальной формы, фиолетовые штампы со словами «Из книг... Фамилия слабо пропечатана — никак не разберу. Понимаю только, именно это и есть особо важное!

Вдруг мужик выхватывает у меня журнал и бежит вдоль улицы. Я было догнать и... тут проснулся! Лежу с открытыми глазами и вспоминаю детали сказочного сновидения. Особенно овальный штампик стоит перед глазами.

Вдруг — словно откровение! Встал. Зажег свет. Подошел к полке. Достал «Иллюстрированный альманах», раскрыл и вижу этот самый штампик — «Из книг Н. А. Богданова»!

Лег я, начал размышлять: кто же такой этот Богданов? Жил, конечно, до революции. Где? Что у него за библиотека? И почему все это ассоциируется в моем сознании с «Колоколом» Герцена. Задумался. И тут вспомнил: да ведь этот же мужчина, который «Колокол» у старушки купил, сказал: «Жаль, что не узнал, где она живет. Может, у нее дома еще что-нибудь есть?» А я ведь не узнал, кто сдал в букинистический редчайшую книгу «Иллюстрированный альманах»? Может, и у него еще что-нибудь подобное имеется?!

Утром, не выспавшийся, пошел в букинистический магазин. Прямо к продавщице:

— Вчеа книгу у вас купил. Не скажете ли, кто ее сдал. Очень нужно.

Она посмотрела номер, дату. Пошелестела квитанциями.

— Вот, пожалуйста: Пахомов Н. В. Адрес — 2-я Бутырская, дом...

Я записал, поблагодарил и отправился по адресу. Встретил меня мужчина лет пятидесяти. Провел в комнату. Книг у него — жидковато. Оказывается, сын подружился с каким-то молодым художником. А у того отец — букинист.

Ходил к нему на улицу Собинова, иногда покупал интересные книги, журналы. Потом увлечение прошло. Перед отъездом в Москву на учебу сказал отцу: ты, мол, книги снеси в букинистический. Отец так и сделал: сдавал понемногу, когда в деньгах была нужда.

Я посмотрел оставшиеся книги, купил у него одну — прижизненное издание стихотворений Некрасова 1863 года. Это третье издание его произведений. Тут впервые появилось стихотворение «Раз-

мышления у парадного подъезда». До того оно печаталось лишь в «Колоколе» Герцена, за границей. Книжка меня заинтересовала еще и потому, что на титульном листе стоял штампик — «Из книг Н. А. Богданова»!

Задумался я: в библиотеке этого самого Богданова были такие книги, как «Иллюстрированный альманах», прижизненные издания Некрасова. Откуда они взялись в Ярославле? Ясно, тот букинист с улицы Собинова их где-то скупил и привез. Я не знал такого ярославского книголюба по фамилии Богданов. И кроме того, букинист продает книги помимо магазина — знакомым. В общем, все сходится к одному: надо как можно скорее найти этого человека с улицы Собинова.

Настораживало меня, Дмитрий Николаевич, еще одно. Обе редкие книги, которые я приобрел, были связаны с именем Некрасова. А я в это время был увлечен одной идеей. Дело касалось таинственно исчезнувшей повести Некрасова «Как я велик».

И вот на этот раз мелькнула надежда: где-то на улице Собинова живет букинист, продавший редкие издания Некрасова.

Стал я думать: как найти его? И вдруг вспомнил о своем школьном учителе Сергее Петровиче Соколове. Он же сам любитель старинных изданий, знает всех букинистов в городе!

Сергей Петрович выслушал внимательно и о пропавшей

повести Некрасова, и о букинисте. У него я купил очерк о Некрасове. Спросил, указав на штампик в углу:

— А кто такой этот Н. А. Богданов, владелец книжки?

— Учитель. Он жил под Курбой, в Семеновском. Умер. Его дочь мне продала часть книг. Недавно ездил к ней.

— А почему только часть, а не все?

— Говорит, соседи многое растащили, а кое-что мне не подошло — бесценно, в плохом состоянии...

Мы попрощались, Сергей Петрович вдруг подсказал:

— Я бы на вашем месте съездил в это самое Семеновское. Кто знает, какие книги еще остались там, может, ценные? Ведь букинисту одно важно — продать?..

— Ну и ты съездил? — спросил я поспешно.

— Не сразу. То одно мешало, то другое. Только осенью удалось. Помню, доехал до Меленок, как мы с тобой, автобусом. Потом пошел по тропинке вдоль ручья. Ноги то разбрызгаются, то уходят по самым голенища в булькающую жижу. Прыгаешь все время по островкам более твердой земли, осторожно нащупываешь ускользящую тропу.

Помнишь, когда подходили, я тебе школу показывал? Так вот, сюда еще до революции приехал из Ярославля один учитель, Николай Александрович Богданов. Прижился в Семеновском да так и остался. Годы шли, он работал. Потом ушел на пенсию, все свободное время стал пропадать в огороде. После его смерти дочери достались в наследство небольшой домик, огород и пара ветхих шкафов, набитых книгами. Дочь его замуж так и не выходила. Тоже состарилась. Школы в Семеновском давно уже не было, ребяташки бегали в Меленки, в местную школу. Книжки соседи брали читать, она разрешала. О библиотеке и проведаль ярославский букинист с улицы Собинова. Явился, купил у нее чуть не половину — то, что поновее. А осенью приехал и я. Однако пришлось разочароваться. Книги оказались не такими редкими и ценными, как я предполагал: разрозненные и зачитанные однотомники русских и зарубежных классиков, изданные как приложение к журналу «Нива», политические брошюры начала нашего века. Я купил у хозяйки больше из вежливости, чем по необходимости несколько книг и собрался отправиться обратно, как вдруг на глаза попала тетрадка из больших конторских листов. В ней крупным красивым почерком были переписаны названия книг. Ты знаешь, не люблю я списков, каталогов. Это все равно, что знакомиться с человеком, не видя его, а просматривая паспорт. Другое дело, когда держишь книжку в руках — даже ладони теплеют!

Пока я перелистал тетрадь, женщина пояснила безучастно:

— Отец книжки свои переписал. Соседи растащили много. Самая малость осталось.

Я взял тетрадь с собой. Уехал. А дома уже на досуге стал внимательно ее просматривать. Видно, учитель был аккуратным до педантичности: старательно переписал названия всех своих книг, вплоть до брошюр, пометил год издания, цену и даже количество страниц.

Тогда-то я и остановился перед загадкой, которая не давала мне покоя много лет. На третьей или четвертой странице было написано:

«На память о Некрасове. С. Петербург, 1878 год». А сбоку на полях четко выведено — 147 стр.

В то время я особенно увлекался Некрасовым, собирал книги, статьи о его творчестве. Конечно, этой книги в библиотеке учителя уже не было, иначе я сразу обратил бы на нее внимание. Теперь же разбирало любопытство: какое издание ускользнуло от меня. Ясно, что это была первая книга о Некрасове, изданная сразу же после его смерти. Но кто был автор, кто издатель? Может, там упоминалось и о неизвестной повести «Как я велик»?

Что оставалось делать? В этом случае исследователь прежде всего обращается к справочникам и библиографическим указателям. Так поступил и я. Но, к своему удивлению, сколько их ни листал, не обнаружил ничего похожего на это издание.

Год проходил за годом. Но я не забывал о странной книге. При случае спрашивал о ней у библиографов, книголюбов, исследователей творчества Некрасова, искал в библиотеках различных городов. Но все безрезультатно. Так и не нашел бы я этой книги, не помоги простая случайность.

Попал однажды в библиотеку Новокузнецка. Подошел к полке, где стояли книги о Некрасове, и сразу же обратил внимание на небольшого формата книжечку в старом переплете с желтым кожаным корешком. Взял в руки, и глазам не верю — «На память о Николае Алексеевиче Некрасове», 1878 год!

Пошел к заведующей библиотекой.

— Что она у вас пылится? — спрашиваю. — Никто ее и не читает.

— Да вот скоро переберем весь фонд сверху донизу.

— И что же?

— Ненужное в подвал снесем, освободимся немного.

Тогда, собрав все свое мужество, предложил, как можно равнодушнее:

— А нельзя ли ее, мягко говоря, «утерять»? Я за нее пяток ходовых романов принесу!

— О чем вопрос, Владимир Александрович! Берите на память. Да вы пройдите, может, еще что подберете из таких же. У нас библиотека рабочая, а не музей!

Так я стал обладателем редчайшей книги, которую искал столько лет.

Дома я просмотрел книжку внимательнейшим образом и убедился, что был прав: судя по цензурскому разрешению на обороте титульного листа, выпущена она была исключительно быстро — через месяц после смерти поэта. Значит, это была первая книга о Некрасове. Издатели ее — известные в то время литераторы: Глазенап, Покровский, Соловьев-Несмелов. В предисловии они говорили, что выпускают сборник, желая увековечить память о покойном поэте, и что выручка от продажи книги пойдет на образование капитала для стипендии имени Некрасова при Петербургском университете.

В сборник вошли стихотворения, посвященные поэту, небольшие заметки и статьи, перепечатанные из газет и журналов «Пчела», «Новое время», «Будильник». Были здесь и некрологи, опубликованные в провинциальных газетах, таких, как «Одесский вестник», «Киевский листок». Среди авторов статей — Достоевский, Глеб Успенский, Лиодор Пальмин. О последних днях жизни Некрасова вспоминает лечивший его доктор Н. Белоголовый...

Долго рассказывал в этот вечер Владимир Александрович о книгах Некрасова, о своих поисках и находках. Закончил так:

— С завтрашнего дня будем искать по соседним деревням, не остались ли где еще книги из библиотеки учителя Богданова. Начнем отсюда, с Семеновского.

Наутро по совету наших стариков мы заглянули в один из домов, куда из Ярославля в отпуск с семьей приехал «молодой хозяин».

Сергей выслушал нас. Рассказал об учителе, которого знал еще с детства.

— Насчет книг — не знаю. Очень уж много лет прошло. А впрочем, завтра еду к себе в Ярославль, одна книга Николая Александровича Богданова у меня завалилась, о войне 1812 года. Привезу.

Мы стояли в сарае, что рядом с домом. Во всех четы-

рех углах горы рухляди, и трудно разобрать, что здесь и к чему.

— Все дед мой чудачил,— как бы оправдываясь, объяснил Сергей, оглядывая гору хлама.— Вернусь завтра из Ярославля и сожгу половину. Чудак был дед-то. Они друзьями были с учителем.

— Это что за штука?

Носком ботинка я откинул в сторону крышку со странного ящика. Сверху четыре круглых отверстия, внизу на медных полосах обгоревшие кирпичи.

— Голову на отсечение даю — не отгадаете,— засмеялся Сергей. И выждав минуту, произнес:— Это термос! Достал дед какую-то книжку и по ней сколотил. Вот она!

Я поднял с пола тоненькую книжонку, еще раз осмотрел странный ящик с дырками. Передал книжечку Владимиру Александровичу, который возился в углу, составляя разрозненные листы какой-то брошюры. Книжечку о термосе он, не рассматривая, сразу же сунул в карман.

— Посмотри, разве не любопытная брошюра?— сказал он, подавая мне разрозненные листы.— Хорошо, что обложка сохранилась. И видишь штампик: «Из книг Н. А. Богданова»!

Я взял из его рук листочки. Мягкая обложка сиреневого цвета. Заглавие: «Точно ли человечеству грозит близкая гибель?». И чуть ниже пояснение: публичная лекция К. А. Тимирязева, изданная в Москве в 1899 году.

Больше в сарае мы ничего не обнаружили. По совету Сергея отправились в соседнюю деревню Черемсаново.

Но увы, в этот день удача больше нас не баловала. Мы обошли несколько домов, беседовали с хозяевами, даже у двоих поднимались на чердак, где с прадедовских времен лежала всякая рухлядь. Но кроме двух учебников двадцатилетней давности ничего не нашли. Правда, один из стариков пообещал сходить в село Баканово к сыну и принести какие-то «священные» книги.

К вечеру возвратились в Семеновское. Залезли к себе на сеновал и стали подводить итоги.

— Если честно говорить, не густо у нас сегодня с находками. Зато разведка хорошая. Распределим силы так: я завтра еду с Сергеем в Ярославль, поинтересуюсь его книгами. Ты сходи в Меленки, прояви свою инициативу: полюбопытайся, нет ли чего в фондах сельской библиотеки. В случае чего обменяем.

— А ты посмотри, что в кармане у тебя. Сунул, не глядя там, в сарае.

— Уже посмотрел. Так себе. Единственная ценность — издана в 1918 году. Книги первых лет Советской власти — частица нашей истории. Исчезают понемногу.

Он держал брошюрку так, чтоб и я мог прочесть ее заглавие:

«Издание Высшего Совета Народного Хозяйства. Маленькая библиотека хозяйки.

Варка пищи без огня

(термос)

Москва, 1918 г.»

Дальше мы молча прочли:

«Не будет ошибкой, если мы скажем, что нет в настоящее время в России человека, который бы не был озабочен вопросами питания и топлива. Все мы с тревогой думаем о наступающей зиме, о 200 руб. за сажень дров (в Москве) и о том фунте керосина, который с грехом пополам получаем по продовольственным карточкам на человека. Большого внимания должен заслуживать вопрос о способах удешевления и упрощения приготовления пищи, на что уходит у всех хозяек, при современном способе варки, огромное количество труда, времени и топлива».

Дальше рассказывалось, как можно самому устроить простейший термос из бочонка или деревянного ящика. Наполнить его соломой или мелко изрезанной газетной бумагой. Температура в таком приспособлении поднимается нагретым на огне камнем или кирпичами.

— Завтра, если будет время, забегу в Ярославле в библиотеку, поинтересуюсь, что это за издание — лекция Тимирязева «Точно ли человечеству грозит близкая гибель?» Любопытно...

Утром чуть свет Владимир Александрович уехал с Сергеем в Ярославль. Я отправился в Меленки.

Библиотеку нашел закрытой и, подождав с полчаса, побрел вдоль улицы. Редкие прохожие оглядывали меня с любопытством. Без Владимира Александровича я чувствовал себя, словно матрос без капитана. Как проявить «свою инициативу»? С чего начать? Может, поспрашивать у кого из сельской интеллигенции?

Походив с час, возвратился к библиотеке. На этот раз она была открыта.

У окна сидела девушка и читала журнал. Я рассказал ей, что мы с товарищем приехали в Семеновское разыскивать старые книги. Библиотекарь отложила журнал, внимательно меня выслушала, и, как видно, поняла.

— Книг у нас немного, в основном по передвижкам —

в бригадах. А тех, какие вам нужны, нет. Вон только на окне старый журнал. Принесли из тракторной бригады вместо потерянной книги. Посмотрите, я его еще не зарегистрировала.

Подошел к окну, взял лежавшую книжку в самодельной обложке. Это был журнал «Научное обозрение» за январь-март 1903 года. Не сомневаюсь, Владимир Александрович таким заинтересуется. Обрадовался:

— Не регистрируйте его до завтра. Товарищ должен из Ярославля подъехать. Мы зайдем.

— Хорошо. Пусть тут лежит.

Я попрощался и отправился снова по следу. Не встречали какого интересного человека?

Походив до обеда и порядком устав, побрел обратно в Семеновское.

К вечеру приехал Владимир Александрович.

— Ты знаешь, что я добыл?

— Книгу, конечно?

— Банку растворимого кофе! А книга — вот она.

С этими словами он развернул газетный сверток и вынул толстый том большого формата в красивом переплете.

— Тоже из книг учителя Богданова. Правда, ребятишки «изъяли» кое-какие картинки. Это четвертый том из семитомника «Отечественная война и русское общество». Издан в 1912 году Иваном Дмитриевичем Сытиным. Тут биографии видных полководцев, рассказы об основных сражениях. Обрати внимание: том открывается биографией Кутузова. Я когда-то читал об этом издании немало любопытного. Рассказывалось, например, следующее: из сословий общества, принимающих участие в Отечественной войне 1812 года, редакторы не упомянули духовенство. Не выделили в отдельную главу и дворянство. А чтоб такое не бросилось в глаза цензуре, поместили хитрое предисловие, в кото-

ром говорили, что роль дворянства в войне показана, мол, в других статьях, а статья о духовенстве «не была своевременно доставлена в редакцию»!

Владимир Александрович был в том возбуждении, в каком бывал после лекции, прочитанной с подъемом или после интересной книжной находки.

— Да, кстати, твоя «Варка пищи без огня» оказалась любопытнейшей брошюрой: ее Ленин читал! Я навел справки в областной библиотеке по указателям литературы. Вот смотри, сделал выписки в блокнот.

Действительно, книжкой в свое время заинтересовался Ленин. Озабоченный разрухой, голодом, грандиозной идеей электрификации России, он обратил внимание на самодельный термос, на возможность его массового производства. Владимир Ильич раскрыл брошюру на 43-й странице, выписал из нее:

«При отсутствии топлива, угольного и нефтяного, и недостаточной заготовке дров термосы должны сыграть большую роль. Учитывая их значение, продовольственный отдел Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов объявил конкурс на термосы — больших и малых размеров».

Ленин взял другой лист и написал записку в президиум Московского Совета:

«Прилагая выписку из брошюры «Варка пищи без огня» (ст. 43, № 1 «Маленькая библиотека хозяйки» изд. ВСНХ, Москва, 1918 г.), прошу сообщить мне о результатах объявленного Продовольственным отделом Московского Совета конкурса на термосы.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)».

А к записке приложил еще листочек с напоминанием: «Книжечку «Варка без огня» верните мне».

...Мы держали в руках книжку. Перелистывали. И она как-то «представила себя» уже с другой, наиболее значительной стороны, чем прежде. Я представлял, как дед из Семеновского покупает ее в лавке, приезжает домой и, водрузив на нос очки в железной оправе, читает. Прикидывает в уме: как лучше соорудить ящик для «варки пищи без огня»? А в Москве руководитель первого в мире Советского государства, оторвавшись от важных дел, уделил этой книжке несколько минут. Позаботился, чтобы даже самые простейшие технические приспособления освобождали время и силы человека свободной России.

— Да, из головы вон за радостью: у тебя-то как дела? —

встрепенулся Владимир Александрович. — Был в Меленках?

— Был, но попусту. Библиотекарь сказала, ничего у них из старого нет. Только журнал взамен утерянной книжки какой-то рабочий из тракторной бригады принес — «Община», потрепанный очень и заново переплетенный.

— «Община», говоришь? — заторопился Владимир Александрович. — Где он?

— Оставил до утра. Вместе к ней пойдем. А что, интересный журнал?

— Если нечаевский, то да. А если другой... Ну что же, на первый раз и это хорошо, хотя ты и допустил три ошибки.

— Какие? — удивился я.

— Во-первых, журнал любым путем нужно было взять. Оставить документы, задаток, хоть свои собственные штаны под залог, в трусах бы до Семеновского добежал, но с книгой. Спокойным можно быть, когда она у тебя в руках. Мало ли, что в жизни случается. Вторая ошибка — не узнал фамилию и адрес того рабочего из тракторной бригады. Где он взял журнал «Община»? Может, у него дома есть чтонибудь подобное? И третья ошибка: никогда не полагайся на слова библиотекаря, что у них нет ничего интересного. Потому что с нашей точки зрения, возможно, и есть.

— А знаешь, — оживился он вдруг, что-то вспомнив, — брошюра Тимирязева оказалась любопытной. Всего скорее, она просто редчайшая. О ней самой я, правда, пока никаких сведений не нашел, но прочитал. Идем на сеновал. Отдохнем и посмотрим ее еще раз повнимательнее.

Мы лежим на пахучем сене. Он читает вслух и комментирует наиболее интересные места. Я слушаю. Лекция Тимирязева ярка, полемична, напоминает больше увлекательный рассказ, чем академическую лекцию...

5

Владимир Александрович спокойно, по-хозяйски переступив порог, вошел в библиотеку,

— О, да тут идеальный порядок! Здравствуйте, принимайте гостей. Простите, как ваше имя, отчество?

Девушка расцвела, засмушалась:

— Просто — Аня. Без отчества можно. Вы за книжкой? Вот она.

Владимир Александрович, не торопясь, взял в руки журнал, прищурился на титульный лист:

— Что ж, если не жаль с таким стариком 1870 года рождения расставаться, то вот вам за него помоложе — два

романа. Учите, оба романа. Учите, оба про страстную любовь и оба о производстве, совершенно современные — на полках не залежатся! Кстати, можно на ваши книги взглянуть?

Девушка улыбалась и на все его слова согласно кивала головой. Я следил за своим другом и завидовал. Ведь сам-то вчера с ноги на ногу переминался, ничего существенного не узнал! В он пока говорил, опытным глазом оглядел уже все полки, даже не подходя к ним. И вдруг:

— Да, библиотека у вас в завидном состоянии. Вот только, что это за экземпляр? — Он подошел к одной из полок и взял книжку. — Да ее никто и не читал, бедняжку! Видите, листы не разрезаны.

В руках его был сборник статей о В. Г. Короленко. Я глянул на год издания — 1922-й.

— Не интересуются. У нас же деревня, — сказала, словно извиняясь, девушка. — Может, вам нужна, мы с радостью.

— Ну что же. Очень за это благодарен. Считайте, что за мною должок.

— Что вы, что вы! И так два романа за старый журнал сдали!

Но Владимир Александрович обещал занести еще одну книжку взамен статей Короленко.

— Простите, Аня, есть вопросик: кто вам принес этот старый журнал?

— Из тракторной бригады Виктор Семенович Соловьев. Только живет он не здесь. В Курбу недавно перебрался. Прямо у въезда новый дом под черепицей.

— Что же, до встречи. Желаем вам всего доброго. На днях заглянем. Пospрашивайте в Меленках, может, еще у кого старые книжки есть.

Мы вышли. Постояли.

— Ты, Дмитрий Николаевич, даже не представляешь, что это за журнал!— таинственно начал он, когда отошли от библиотеки.— Был в 60-е годы революционер-авантюрист Сергей Нечаев. Кстати, родом он из Иваново, недалеко отсюда. Так вот он в 1870 году начал издавать в Лондоне этот журнал. Он был знаком с Герценом. Некоторое время вместе с Огаревым издавал «Колокол». Правда, своими методами авантюризма и терроризма Нечаев принес революционному движению не столько пользы, сколько вреда. А в целом-то великого личного мужества был человек и окончил свои дни в Петропавловской крепости.

— Ну а чем же тебе интересен журнал «Община»?

— Видишь ли, в кружок Нечаева в 60-е годы входили народники-молдаване — Ралли, Негрескул. О них у нас, в Молдавии, не раз писали историки Гросул, Мунтян, Будак. Но как знать, может, в этом вот журнале найдется еще что-нибудь интересное?!

И он прищурился, о чем-то задумавшись. Потом вдруг сказал:

— До Курбы отсюда километров семь. Погода хорошая.

— Понял. Идем пешком,— согласился я.— Будь моя воля, ликвидировал бы весь транспорт, пусть, как в старину, пешком ходили бы. Побродили бы мы по Ярославской стороне, а потом ты написал бы «Записки пешеходов», а?

— Не оригинально, дружище. Была уже такая книга — «Записки пешехода»!

— Кто написал?— удивился я.

— Василий Янчевецкий, то есть, Ян. Это его первая книга. Издана была в Риге до революции. Известности она ему не принесла. Ну а его романы «Чингис-хан», «Батый» ты читал.

Он замолчал. Мы шагали по тропинке рядом с шоссе к райцентру. Владимир Александрович на ходу рассматривал журнал, а я боялся: как бы он не споткнулся ненароком!

— А чем же интересен сборник статей о Короленко?

— Я тебе говорил, что издания первых лет Советской власти надо отыскивать, пока не исчезли, беречь. Конечно, не таким путем, как мы сейчас его получили: предсудитель-

но обменивать редкую книгу на массовую современную. Но тут уж приходится учитывать обстоятельства. Книга в Меленках совершенно бесполезна и, в конце-то концов, ее выбросят. Видишь, вся в пыли, листы не разрезаны. А у меня, уж будь спокоен, — сохранится. К тому же, напишу о ней очерк — тысячи людей прочитают. Потом в музей Короленко пожертвую или в какую-нибудь научную библиотеку. Там ей и почет, и место! Кстати, обрати внимание: сборник выпустило не государственное издательство, а кооперативное — «Мысль». В 20-е годы было много всяких кооперативных издательств и в столице, и на периферии. Часто они выпускали книги небольшим тиражом. Вот почему даже в Ленинской библиотеке, в Москве, не найдешь многих вятских, костромских, вологодских изданий. А этот сборник о Короленко для меня особенно ценен. Я тебе уже говорил, что буду писать цикл очерков «Книгу читал Ленин»?..

— Так и эту он читал?

— В 1965 году в Госполитиздате вышла книжечка воспоминаний «В библиотеке Владимира Ильича». Автор — Шушаника Никитична Манучарьянц, библиотекарь Ленина. Я с ней был знаком. Так вот Владимир Ильич попросил ее как-то доставить в Горки сборник статей о Короленко под редакцией А. В. Петрищева, изданный в 1922 году. Эту самую книжку! Лет десять тому назад я видел такой же сборник у одного нелепого коллекционера. Выклянчить только не успел. Он кому-то за спичечные коробки променял! Ну да я у него другую книгу добыл, путем добровольного обмена с обманом несведущего!

— Любопытно, что это за нелепый, как ты говоришь, коллекционер, к тому же и несведущий?

— Дело было в Кишиневе, когда я только что из Сибири приехал; познакомился я с коллекционером по имени Вадим. Лет тридцати. Ноги длинные и тощие, как у журавля, а голова маленькая, подвижная. Очень нравилось ему, когда я называл его коллекционером.

Однажды Вадим ворвался ко мне в комнату:

— Решено: конфетные обертки — это чепуха! Недостойно коллекционера, какое-то ребячество. Решил, как и ты, собирать книги. По возможности самые старые, реликвии. Завтра после работы еду в Старый Кузнецк к одному товарищу. Обещал две книги продать. Дореволюционные. Теперь мы с тобой коллекционеры-соперники.

Я улыбнулся в душе, но разочаровывать его не стал. Пусть, думаю, узнает, как достаются эти «реликвии», десятка четыре которых уже стояло у меня на книжной полке.

И все же этот Вадим оказался куда счастливее, чем я предполагал. Через неделю зашел к нему, чтоб посмотреть его приобретения. И среди целой кучи далеко не лучших изданий увидел как раз вот такой же сборник статей о Короленко и старинную книжечку небольшого формата. Называется: «Статьи из Энциклопедии, принадлежащие к Турции». Перевод Семена Башилова. Издана книга была в Санкт-Петербурге в 1769 году!

Держу я в руках такую диковинку и молчу. А он набрасывается: «Говори, редкая? Не скрывай! Я у других коллекционеров спрашивал и в библиотеке. Никто о ней не знает!»

Он бегал по комнате на длинных, как ходули, ногах, вертел головой во все стороны. И все говорил, говорил, говорил. Но я молчал. Да и что мог сказать, когда сам видел такое издание впервые.

Забрал я у него на время книгу, обещал узнать о ней все, что возможно. Пришел домой, стал внимательно читать лист за листом.

Книга была не чем иным, как энциклопедическим словарем с подробным пояснением некоторых турецких слов. Перелистав ее, я пришел в недоумение: отчего Семену Башилову понадобилось вдруг переводить неходовые в России, никому не нужные слова из турецкого языка?

Вооружился тогда пособиями по русской истории и литературе XVIII века, стал искать ответ. Книге почти двести лет, напечатана была в царствование Екатерины II. А история ее создания связана с такими вот историческими фактами.

В 1767 году, за два года до рождения этой книжки, в России были выпущены три тома переводов из французской «Энциклопедии». Видимо, этот трехтомник был издан не без ведома Екатерины II, а может быть, при ее ближайшем содействии. Ведь императрица заигрывала в то время с видными французскими просветителями — Вольтером, Дидро, Руссо, желала прослыть «просвещенной монархиней»!

В трехтомнике переводов из «Энциклопедии» русский читатель не нашел бы основ просветительской философии, мыслей о борьбе с тиранией, религией, о равенстве людей всех сословий. Книжки были наполнены сведениями о «бане», о «гамаке», о прическах, дворянском этикете! Вот тогда-то некоторые из русских просветителей в пику этому полуофициальному трехтомнику стали выпускать свои «Переводы из Энциклопедии» и оригинальные произведе-

ния, где знакомили читателей с тем, что замалчивала Екатерина и ее сторонники.

Как раз в это время выпускает свои «Статьи из Энциклопедии» и Семен Башилов. Но, спрашивается, почему он остановил свое внимание на статьях о Турции? Ответ прост: в 1768 году началась война России с Турцией, в которой русские солдаты под руководством генерала Румянцева показали чудеса храбрости. Семен Башилов пошел навстречу интересам общества, решил познакомить читателей с наиболее употребительными словами турецкого языка. Но просматривая эти небольшие статейки, начинаешь понимать хитрость автора. Он брал такие слова и так их переводил, что обличались не столько турецкие порядки, сколько русские: самодержавие, глупость и чванство вельмож, издевательство над простым людом!

— И что же, книга так и осталась у этого Вадима? — спросил я.

— Нет. Как-то зашел к нему. Получай, говорю, обратно свою книгу, береги! Рассказываю ее историю и вижу: слушает он равнодушно; ворчит, из стороны в сторону головой ворочает. Потом забрал книгу, сунул небрежно на полку. Ухожу, и никак понять не могу, чем вызвано такое охлаждение. Но ответ вскоре пришел сам собою. Через месяц он сообщил мне, что начал коллекционировать картинки от почтовых конвертов по какой-то им самим придуманной системе. Сказал, что старых книг почти совсем не осталось, а конверты — что ни месяц, так с десятков новых выпускают. Собирать интересно!

Тогда вот и состоялась самая нелепая сделка в моей жизни. Освободил я все старые письма от конвертов и всей кучей отнес к нему. Возвратился со «Статьями из Энциклопедии» времен Екатерины!

За разговором мы и не заметили, как прошагали семь километров и вошли в Курбу. Увидели дом под новой черепичной крышей. Но, увы, произошла осечка: Виктор Семенович выехал в Меленки. Через пару часов обещал вернуться!

Мы прошли по селу, осмотрели остатки когда-то величественной церкви, заглянули в чайную, в книжный магазин.

— Помнишь, нам называли женщину, что была у священника в услужении? Где она может быть?

— А вон спросим старуху.

Оказалось, дом был рядом, когда-то добротный, но уже обветшалый.

Юркая женщина средних лет сразу поняла нас. Провела в кладовку и указала на добротный короб. Мы выволокли его в сени, поближе к свету. Перебрали старые учебники, школьные тетрадки пятилетней давности. И ничего существенного не нашли. Правда, Владимир Александрович отложил довольно толстую книжку с кожаным корешком, который наполовину отстал от переплета. На предложение заплатить за нее, хозяйка отчаянно замахала руками:

— Да что вы, что вы! Нужно, так берите ее. Без места она!

Поблагодарили. Вышли.

— Книга интересная? — спросил я.

— Вообще-то любопытная. Но ценность — так себе. Он раскрыл обложку, и я прочитал:

«Вс. Крестовский. Двадцать месяцев в действующей армии. Санкт-Петербург, 1879».

— Это не того консервативного писателя середины прошлого века?

— Он самый — Всеволод Крестовский. Их было двое. Дело в том, что в середине прошлого века в «Отечественных записках» появилась повесть «Анна Михайловна». Подпись автора — В. Крестовский. Написала же эту повесть женщина Надежда Дмитриевна Хвоцинская. Так бы она и продолжала подписываться мужской фамилией, но в журналах стали появляться стихотворения студента Петербургского университета Всеволода Крестовского. Он своей фамилии на псевдоним менять не захотел. Вот почему первое время и была неразбериха: читатели не знали, какого «Крестовского» они покупали! Тогда Надежда Дмитриевна нашла выход: стала подписывать свои стихи и повести «Крестовский-псевдоним». А Всеволод Владимирович так и выступал под своей фамилией.

И знаешь, продолжал рассказ Владимир Александрович, любопытным был человеком этот Всеволод Крестовский. Дворянин, а тянулся к демократам. Был даже товарищем Писарева, печатался в революционно-демократических журналах.

— Я помню, читал где-то, что большой популярностью пользовался его роман «Петербургские трущобы».

— Совершенно верно. И знаешь, для того, чтобы изучить жизнь бедноты, он не раз пропадал в ночлежках, в кабаках. Однажды его даже забрали, думая, что он — бездомный бродяга, в участок!

Ты правильно сказал о «Петербургских трущобах». Они-то ему и принесли славу. Но, знаешь, к удивлению всех, он

вдруг поступает на военную службу. Правда, вскоре все поняли, почему он так поступил: в журналах стали появляться его рассказы из жизни солдат.

Ты знаешь, оживился Владимир Александрович, в Ленинградском историческом архиве я как-то просматривал рукописи Всеволода Крестовского. Он бывал в Молдавии и написал несколько заметок о нашем крае. Писал он, как правило, на больших листах, мелким, довольно красивым почерком.

— Я читал,— прервал я Соломина,— что Крестовский стал реакционером?

— Да, потом он отошел от передовых людей и написал два романа, в которых исказил картину революционного движения. Потому демократы и отвернулись от него.

Когда надвинулась русско-турецкая война 1877—1878 годов, Крестовский был уже известным литератором. Во время подготовки и проведения военных действий ему предложили редактировать так называемый «Военно-Летучий листок». Кроме того, назначили официальным корреспондентом «Правительственного вестника». Вот тогда-то он и прибыл в Кишинев, в Главную квартиру действующей армии.

Представь себе, как ему приходилось работать во время боевых действий. Переваливаясь и скрипя осями, двигались за штабом три фургона — это походная типография. Крестовский на коне, в офицерском мундире. Он спешит побывать везде, увидеть все своими глазами, сделать беглые зарисовки. Часто видят его с генералом Скобелевым, а еще чаще на самой передовой с ротмистром Арбузовым, с которым он подружился и выезжал на позиции. В Ленинградской публичной библиотеке я обнаружил книгу, которая принадлежала когда-то этому самому ротмистру Арбузову...

Мы прошли немного вдоль речушки Курбицы, которая больше походила на ручей. Вышли к крайним домам.

— Не хочешь передохнуть? — спросил меня Владимир Александрович. — Посиди здесь, а я быстренько в районную библиотеку добегу. Посмотрю, что у них есть.

Он ушел. А я присел на обрыв. Сначала любовался открывшимся пейзажем. Потом раскрыл книгу Всеволода Крестовского «Двадцать месяцев в действующей армии» и от нечего делать, стал просматривать. К своему удивлению, обнаружил очень много интересного о Кишиневе, Тирасполе. Увлёкся и не заметил, как пробежало время.

В самом начале Крестовский описывает свое пребывание

в Бессарабии: наблюдает жизнь офицеров в Кишиневе, рассказывает, как все ожидали больших событий — объявления войны Турции. Да вот хотя бы:

«Кишинев, 2-го февраля 1877 года:

Бездействие армии, собранной в Бессарабии, начинает заметно томить ее, в виду неопределенности дипломатических решений. В среде офицерства все чаще раздается ропот на свое положение. Жить здесь дорого, особенно по армейским средствам... В первое время по мобилизации все офицерство было полно самого пламенного воодушевления и готово на все жертвы, а потому равнодушно относилось к лишениям своим и своих семейств; но продолжительное бездействие, осложненное тщетным ожиданием движения вперед, намного успело охладить общее увлечение. Настает период сомнений в силе армии и государства, в силе его внешних союзников. Интимные разговоры в кружках на этот счет становятся все громче и чаще. Зачастую слышишь отзывы, исполненные горечи и иронии, что мы-де никуда не двинемся, и лишь дай Бог назад-то уйти без особого срама. Кишиневскую стоянку по примеру «Азовского сидения» уже окрестили именем «Кишиневского сидения» и говорят, что армии будут розданы медали с надписью «туда и обратно».

Писатель рассказывает, как офицеры сходились каждый день на завтрак и обед в дворянский клуб. Здесь же появляются местные помещики, кишиневская знать. Ведутся разговоры о предстоящем походе. «Здесь вовсе не слышно о кутежах или буйных приключениях, не льется шампанское, как бывало во время оно, и окончательно не существует азартной игры. Шулера, понаехавшие сюда с разных концов России и даже из-за границы, в надежде на богатую золотую жатву, жестоко обманулись в своих расчетах, и уже многие уехали из Кишинева восвояси, унося в душе чувство самого горького разочарования в наших офицерах. Военное общество, довольно многочисленное в Кишиневе, ежедневно сходится преимущественно в городском клубе, который любезно предоставил ему бесплатный вход и пользование столом. Бутылка пива или скромная полубутылка местного вина — вот и вся роскошь, какую позволяет приправить свой стол большинство нашего офицерства. Отношение к местному обществу с первых же дней установилось самое дружелюбное, каковое продолжает оставаться и по сю пору, и можно быть уверенным, что кишиневцы не помянут лихом своих временных гостей».

Я читал это и радовался за Владимира Александровича.

Он же собирает по крупицам материал о Молдавии в книгах, в прессе дореволюционных лет. А тут такие описания, такие картины!

А вот — упоминание о Тирасполе.

Рассказывается, что 6-го декабря 1877 года одна из батарей 9-й артиллерийской бригады справляла какой-то праздник. Вечером бомбардир Павел Гребенщиков, напившись, затеял в хате драку с двумя своими товарищами. Хозяин послал дочку к офицерам сказать, что солдаты буянят. Старший из офицеров отправил туда подпоручика Б., который лишь накануне возвратился из Сербии и поступил в эту батарею. Прийдя к избу, Б. увидел Гребенщикова, который стоял к нему спиною, двое солдат удерживали его за руки. Подпоручик развернулся и ударил его в шею. Солдат повернулся. Так как офицер был одет не в форму, а в какой-то сербский костюм, Гребенщиков, вырвавшись из рук солдат, закричал:

— Кто смеет бить меня? Кто ударил?

В хате был полумрак, нового офицера Гребенщиков в лицо не знал. Он развернулся и дал сдачи...

И вот военно-полевой суд приговаривает солдата к смертной казни.

«Это дело, — пишет Крестовский, — произвело на присутствующих (в суде — Б. Ч.) сильное и тягостное впечатление, в особенности же последнее слово подсудимого, который в глубоком волнении вымолвил: «Ей богу, не знал... не видел... не помню... не дайте умереть постыдной смертью... жена, четверо ребят». По отзыву прежнего начальства Гребенщикова это был солдат исправный и толковый. Выходя из зала, многие заметили, что некоторые из нижних чинов, особенно 6-й батареи, плакали. Смертный приговор и казнь Гребенщикова, исполненная в Тирасполе, несколько дней сряду служили здесь почти исключительною темою разговоров в военном и гражданском обществах...»

Сразу видно, что Крестовский оправдывает солдата: поступок Гребенщикова был вызван опрометчивостью самого подпоручика Б., который явился не в одежде установленной формы, а в каком-то сербском костюме, и, ударив солдата, сам нарушил дисциплинарный устав, воспреещающий начальнику вступать в какие-либо объяснения с пьяным подчиненным.

Кстати, Крестовский смело выступает и против статей официального военного журнала «Русский инвалид», в котором рисуется в радужных красках отношение начальства к солдатам. «Посетив кишиневские госпиталя, — пишет

Крестовский,— я видел лично четырех больных, страдающих вследствие отморожения ног. В особенности жаль было смотреть на одного молодого теркского казака с жестоко отмороженными пальцами и частью ступней, который в ночь под Рождество, будучи в очередь поставлен на часы около полуночи, простоял бессменно до утра и с поста был прямо отправлен в госпиталь. Сменить позабыли!»

А вот любопытная картина — как выглядела только что построенная железная дорога от Бендер до Галаца:

«Местная железнодорожная администрация оставлена вся на своих местах, но под непосредственным наблюдением чинов нашего железнодорожного батальона, части которого находятся на каждой станции, равно как и казаки, заменяющие здесь железнодорожных жандармов. По всему протяжению дороги от станции до станции следуют казачьи разъезды, наблюдающие состояние полотна, рельсов и телеграфа; в каждой подорожной будке поставлен особый пост из людей железнодорожного батальона, а также и от некоторых пехотных частей; вместе с дорожным сторожем, обязанным встретить и проводить поезд перед своею будкой, с флагом или фонарем в руке, для удостоверения, что путь свободен и безопасен,— выходит и наш часовой с ружьем...»

Перелистав несколько страниц, я обнаружил описание отдельных мест Бессарабии. Вот хотя бы Гура-Галбеней:

«В сорока с небольшим верстах к юго-западу от Кишинева, в пологой и неглубокой котловине залегает небольшое местечко Гура-Галбеней, что по-молдавски значит «желтая пасть». Место бедное и ровно ничем не отличается от множества подобных ему бессарабских селений. Возвышенности, его окружающие, совершенно голы, пустынно и словно траншеями изборожжены глубокими водомоинами. На одной из прилегающих гор, уже вне селения, торчит мельница-ветрянка, без крыльев, на другой, противоположной,— одиноко белеет церковь с провалившеюся крышею, построенная некогда из глино-соломенных необжигаемых кирпичей, в молдавском стиле».

Но, пожалуй, одно из самых ярких описаний в книге — это буря, разразившаяся в Кишиневе и в его окрестностях 30 января 1877 года:

«Студеный северо-западный ветер выл, не переставая ни на минуту, и беспрестанно налетал столь порывистыми шквалами, что порою валил с ног не только пешеходов, но даже, как передают очевидцы, опрокидывал и запряженные телеги. В самом Кишиневе, который лежит в котловине

и стало быть уже поэтому более или менее защищен от действия ветра, шквалы были столь сильны, что срывали с места целые лужи уличной жидкой грязи и дождем мутных брызг несли ее вдоль по улицам. Уже по одному этому можно судить, сколько скирдов сена и соломы поразметано в полях, сколько крыш было исковеркано, а сколько и совсем снесено, в особенности соломенных и камышовых на подгородной слободе и в селениях. В воздухе вдруг страшно похолодело, и в довершение всего пошел тот запорошенный дождь, который в просторечии называется «крупою». Эта крупа неслась под ветром горизонтально, вместе с брызгами луж, и била в лицо, нестерпимо обжигая и коля кожу, как иголками. Кишиневские улицы опустели, извозчики исчезли, и редко-редко кто из пешеходов виднелся на улице, выйдя из дому разве по самой крайней нужде. Страшно было бы подумать, чтобы выехать куда-либо за город, и даже парные извозчики, так называемые здесь «фаэтонщики», подряженные некоторыми лицами за 30 рублей каждый до Гура-Галбены, местечка, лежащего в сорока верстах от Кишинева, возвращали нанимателям задатки, наотрез отказываясь выехать в такую непогоду. Очевидцы говорят, что в этом же краю помнят подобную бурю только двадцать два года назад, когда два батальона, посланные из Кишинева в Измаил и Килию, погибли, заочнев в степи от нестерпимого холода» ...

За спиной неожиданно возник Владимир Александрович.

— Увлёкся? Я так и знал, что не утерпишь! А у меня, брат, неудача. Ни одной путевой книжки в библиотеке для нас не оказалось. Идем-ка теперь к Соловьеву.

Тракторист уже был дома.

— В Меленках сказали, ко мне большие ученые направились за книгами. Только Анюта что-то спутала. Держал журналы, да и те старые. Один остался, я ей и отдал. Зря она вас ко мне направила, только время потеряли.

— Не беда, Виктор Семенович. Прогулялись, и то хорошо. Курбу посмотрели. Кстати, любопытно, а как попали к вам старые журналы?

— Жил в Семеновском учитель, Николай Александрович. Вот он книжки и давал читать. Я тогда, в тридцатые годы, мальчонкой был, читать ой как любил! Учитель тот умер. Ну а журналы да календарь так и задержались у меня.

— Еще и календарь?

— Если ребятишки не растрепали, в чулане лежит. Сейчас глянем.

Виктор Семенович вышел и тут же вернулся с книжкой.

— Вот он, листы только с конца выдраны — ребяташки на бумажные самоделки извели.

Он передал Владимиру Александровичу «Всеобщий русский календарь на 1915 год». Внизу обложки имя издателя — И. Д. Сытин, указана и цена — 25 копеек. Во всю обложку цветной рисунок: седовласый мудрец рассматривает в телескоп звездное небо.

— Не нужен он вам, Виктор Семенович?

— Возьмите. Только не знаю, к какому делу его приспособите. Очень уж устарел. Поновее бы.

— Что вы, это еще молоденький календарь! Са-

мые первые были при Петре Первом. По ним грамоте учились, читали, как книгу. В таких уголках России, как Курба или Меленки, календарь и был-то единственной книгой. Помните, Евгений Онегин у Пушкина приехал в деревню покойного дяди и нашел в усадьбе —

Наливок целый строй,
Кувшины с яблочной водой
И календарь восьмого года,
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

И потом, не так-то уж безобидны были календари. Во времена Екатерины Новиков издал «Христианский календарь», так его приказали спалить! Был у меня такой занятный случай. Знакомый художник из Молдавии Лев Чезза принес тоненькую книжку. Спрятана была в своеобразном тайнике — в багетовой раме между листом картона и литографией. Представляете, это был «Сельский календарь» на 1888 год! Составил его некто Яков Абрамов, а издал Флорентий Павленков. Так оказалось, что этот безобидный двадцатикопеечный календарь не что иное, как запрещенная царским правительством книга!

— Это календарь-то запретили?!

Виктор Семенович смотрел округленными, немигающими глазами.

— Дело в том, что царское правительство в конце 80-х годов не особенно охотно разрешало печатать материалы о бедствиях крестьян, которые переселялись на новые земли. Когда Павленков представил в цензуру свой «сельский календарь» со статьей о переселенцах, то книжку задержали. А как только разрешили, издатель сразу же стал печатать 25 тысяч экземпляров. Но министерство внутренних дел разослало начальникам губерний секретное распоряжение: где встретится этот календарь, конфисковать.

— Что же случилось? — спросил я.

— А случилось то, что Яков Абрамов поместил в конце «Сельского календаря» крамольную статью — «Советы переселенцам, идущим в сибирские губернии и области». Полицейские получили инструкцию, стали разыскивать «Сельский календарь» в лавках, в книжных магазинах, у офеней — разносчиков книг по деревням. И представьте, дела полиции увенчались успехом: 20 тысяч экземпляров «Сельского календаря» были изъяты и отправлены в Петербург. Но без малого пять тысяч уже разошлось среди крестьян.

— Отрывной календарь удобнее, — поддержал беседу Виктор Семенович. — В случае чего, вырвал то, что не подходит, и — в ход!

— Э-э, не скажите. Вот издатель вашего календаря на 1915 год Иван Дмитриевич Сытин намаялся с отрывными-то календарями. Он выпускал их по нескольку миллионов в год, причем самых различных. Однажды отпечатал восемь миллионов книжек отрывного календаря, загрузил ими несколько вагонов и отправил на места. Вдруг департамент полиции неожиданно требует изъять календари. Оказалось, что редактор Полушин, которого рекомендовал Сытину Лев Николаевич Толстой, включил в календарь антирелигиозные пословицы. Он взял их из словаря Владимира Даля. Такие, как «Сегодня свеча, завтра свеча, а там и шуба с плеча», «Повадился к вечерне, не хуже харчевни»!

А в революционное время, расскажу вам, календарь сослужил большую службу. Когда в октябре 1917 года был принят «Декрет о земле», то Ленин поинтересовался, сколько экземпляров этого декрета отпечатали. Решили раздать его демобилизованным солдатам, разъезжавшимся по деревням. И тут возникло опасение: бумаги-то у солдат нет? А покурить надо? Вот он и свернет «козью ножку» из декрета! Пока доедут солдаты до своих деревень, все декреты и раскурят!

Тогда Ленину пришла оригинальная мысль: он попросил связаться с магазином Сытина, спросить, не остались ли там отрывные календари. Бумага мягкая и резать ее не надо! Съездили, добыли календари и стали выдавать солдатам вместе с «Декретом о земле» по отрывному календарю, на курево!

Мы поговорили о книгах, вспомнили учителя Богданова, его библиотеку. Потом Соловьев сводил нас к своему бригадиру, к двоюродному брату. Но у тех все книги оказались новенькими. Даже в одинаковых шкафах — стояли за стеклом, как на подбор!

Вечером, поужинав, лежали мы на сеновале, вытянув уставшие за день ноги. В оконце светила луна. Ее голубой свет падал на потемневшие от времени стропила, на длинный шест с дремлющими курами.

— Если пожить в Курбе месяца два-три, то целую библиотеку соберешь из старинных изданий. Ты знаешь, люди даже не представляют, что мы разыскиваем. Думают, книги нужны нам красивые, добротные, то, что денег стоит. А какой-нибудь ребячий учебник столетней давности, календарь 1888 года, «Псалтырь», изъеденная мышами, — зачем? Может быть, вот так и неизвестная повесть Некрасова погибла. Психика людей в основном-то такова: тянутся к новому, отворачиваются от старого. А на коллекционеров смотрят в лучшем случае с недоумением. — Он вздохнул и заключил: — С утра заглянем в Черемсаново, а потом и место надо менять.

Не получив от меня ответа, спросил:

— Надоело по деревням-то слоняться?

— Вот еще — сказал! — обиделся я. — Это ли не отдых? И новые места, и даже романтика! Посмотри, вон луна как светит. Знаешь, иногда такие дикие фантазии в голову приходят, что сам за себя краснеешь!

— Какие, например?

— Да вот сейчас подумал: а вдруг на этой самой луне живые, высокоорганизованные существа. И мыслят куда глубже нас. Ведь если бесконечны миры, так и жизнь на них в бесконечно разнообразных формах?

— Ну, дорогой мой, не тебе первому такое в голову приходит. Как-то в руки мне попала удивительная книжечка. Я о ней даже небольшую заметку написал. Слушай, расскажу.

Это произошло еще во времена Пушкина и Гоголя. По рукам петербуржцев и москвичей пошла небольшая книжка. И хотя она была написана по тому времени несколько муд-

рено, с обилием терминов и астрономических выкладок, все же взбудоражила обывателей. Привлек внимание заголовков —

«О жителях луны и о других достопримечательных открытиях, сделанных астрономом Сир-Джоном Гершелем во время пребывания его на мысе Доброй Надежды».

Издана книжка в 1836 году. О ней даже в бессарабских газетах упоминалось!

В ней рассказывалось, как известный английский астроном Джон Гершель сделал телескоп со стеклом в семь тонн, которое увеличивало предметы в 42 000 раз. Телескоп этот привезли на мыс Доброй Надежды, на 14 быках втащили на высокое плоскогорье. Установка его заняла немало времени. Наконец трубу навели на Луну. И вдруг на экране отразились леса, озера, пещеры, реки. Видны были даже деревья с формой листьев, напоминающей наши дубы. Гершель со своими помощниками стал отыскивать живых существ. И представы: нашлись! В тени деревьев увидели стадо темных бизонов. Они поменьше наших быков и все имели большой мясистый нарост над глазами, и когда бизон двигал ушами, нарост шевелился! Исследователи обнаружили на луне птиц, оленей и странного лунного бобра, который носил своих детей в объятиях, словно человек. Из хижин лунных бобров, как утверждает автор, шел дым. Значит, они пользовались огнем! Наконец, увидели и людей. Луножители были высокого роста, покрыты шерстью. За спиной у каждого висели свернутые крылья из эластичной кожи; лицо их было умно, правда, выдавался вперед рот. По жестам рук исследователи догадались, что луножители переговариваются между собой.

Заканчивалась книга послесловием переводчика. Он высказывал робкое сомнение: не является ли такое описание луны и ее жителей выдумкой? Но не надо, мол, спешить с приговором: подождем новых известий с мыса Доброй

Надежды. Если же это, в конце концов, окажется выдумкой, то не расстраивайся, читатель: легковверный может утешиться тем, что не он один обманут, но и половина Европы!

— Так никто и не опроверг эту фантастическую чушь? — спросил я, засмеявшись.

— Нет, нашелся один человек. В журнале «Молва» появилась разносная рецензия на эту книжку. Критик писал, что брошюру написал какой-то остроумный обманщик и приписал знаменитому Гершелю.

— А кто написал рецензию?

— Под нею стояли инициалы автора — В. Б. Тогда мало еще кто знал, что за этими буквами скрывался будущий критик — Виссарион Белинский! Ну что, доволен ты своим фантастическим открытием?

Мы засмеялись и стали укладываться на ночь...

Дальнейшие поиски книг учителя Богданова ничего не дали. Побывали мы в соседних деревнях, беседовали со старожилами, осматривали чердаки — ничего!

— Следовало и такое ожидать, — хмурился Владимир Александрович, отряхивая пыль после осмотра очередного полутемного чердака или чулана. — Растеклась во все стороны библиотека. А сколько было таких, сгинувших бесследно! У меня дома десятка два разрозненных книг со штампами, экслибрисами, надписями бывших владельцев. Да сколько их в музеи отправил. Хозяев уже нет в живых, а книжки разбрелись по белу свету. Попробуй, собери! Есть у нас с тобой одна надежда: Аня в Меленках, может быть, кое-что отыскала.

— Не надейся понапрасну. Ты же ее об этом не просил, нет?

— И просить не надо. Я уверен в этом.

— Что ж, поживем-увидим.

И совсем мы не предполагали, что ждет впереди. Пока я готовил ужин, Владимир Александрович, завернув пару новых книг, купленных в Москве, отправился в Меленки. Вскоре возвратился.

— Принимай пополнение. Все — из библиотеки учителя, с его надписями! Три журнала «Русское богатство» конца прошлого века. И вот это.

Он протянул книжку в желтом кожаном переплете, какие, я уже знал, были в первой половине XIX века.

— «Евангелие»?

— Не совсем. Видишь, в середину вплетены брошюры. А чтоб незаметно было, срез чернилами замазали. Слышать о таком слышал, а вижу вот впервые. Мне в Тираспо-

ле как-то бывший матрос — «потемкинец» Алексей Федорович Царев о таких же проделках рассказывал. Читал он однажды на корабле социал-демократическую брошюру, вплетенную между листов «Евангелия». Идет капитан: «Ты что читаешь?!» — кричит. — «Священное писание, ваше высокоблагородие!» и подаю ему книгу. «Ну, хорошо, говорит, читай, да помедленнее, чтоб понятно было!».

Вот и Аня достала нечто подобное. Еще порядком не разобрался, что в «Евангелие»-то вплетено.

— А это?

— Том из полного собрания сочинений Горбунова. Приложение к «Ниве» на 1904-й год. Иван Федорович Горбунов был во второй половине прошлого столетия одним из популярных артистов-чтецов да и неплохим писателем. Лет пятнадцать тому назад видел я такую же книжку в букинистическом. Хотел купить, да денег при себе не оказалось. Ну, думаю, до завтра полежит. А пришел на следующий день — увы и ах! Теперь вот встретились со старым знакомым!

Пока он рассказывал, у меня все время вертелся на языке вопрос. Наконец, не выдержал:

— Слушай, Владимир Александрович, ведь ты ни слова не сказал Ане, чтоб поискала книги. Как же ты узнал, что поищет и найдет? Это же на грани какого-то провидения или предвидения?!

— В любом деле, Дмитрий Николаевич, надо быть с людьми не просто специалистом-информатором, но и психологом. Причем, не психологом «вообще», а в конкретном виде. Ты заметил, как она радовалась, когда мы ее библиотеку похвалили? Мне сдается, для нее библиотека — роднее собственного дома. А как довольна была, что журнал нам пригодился. И к ней самой внимание проявили — прямо светилась девушка! Она из того, еще не отжившего типа людей, которые за мельчайшее внимание к ним готовы разбиться, но отплатить таким же вниманием. Ко всему она еще и мечтатель-романтик.

— Откуда ты взял?

— Она приняла нас, как видно, за крупных ученых. Помнишь тракторист величал нас «большими учеными»? Явно с ее слов. И с другой стороны, возьми того же Соловьева. Вежливо встретил; внимательно выслушал, хотя мало что понял. Вежливо проводил. И тут же за большими хозяйственными делами забыл и о нас, грешных, и о книгах. Будь спокоен, попадетя ему на глаза старая книга, он мимо нее пройдет, и не глянет! А вот Аня — другое дело. Чувство

у меня было такое, что своим вниманием она нас не оставит. За два дня половину села обежала. И вот результат.

Только сели мы ужинать, как постучали в ставень. Павел Акимович вышел и вернулся с письмом.

— Это вам почтальон из Меленок принес.

Владимир Александрович вскрыл конверт. Пробежал четвертушку листа. Удивленно приподнял плечи и брови. Передал мне.

— Ну и ну. Придется нам с тобой на время разлучиться. Ты — в Москву, а я махну в Ростов-Ярославский, оттуда к брату в глубинку. Приедешь в Москву, и, если что интересное в отношении жены Есенина, дашь мне телеграмму.

6

Мерно стучат колеса вагона. Я лежу на полке, поглядываю в окно на плывущие мимо поля, луга, на телеграфные столбы, что торопливо догоняют друг друга. Думаю о записке, которую прислал в Семеновское Якубовский. Добыл нам какие-то книги — это ясно. А вот о жене Есенина? О его рукописях, книгах, которые она будто бы «бережет»?.. Этому и Владимир Александрович не поверил. Сам-то не поспешил на такой «зов», а меня послал. Значит, не верит...

После короткой, но тихой жизни в Семеновском Москва показалась мне шумной, а вокзал, метро, улицы утомительными.

Снова сидим мы с Петром, чаевничаем. На столе две книги.

— Что, хитер я: знал, чем выманить! Правда, думал Володька сам зайвится. Книжки-то ему подойдут?

— Рад будет. Словаря Павленкова у него нет, я знаю. Да и изложение произведений Гончарова, думаю, его заинтересует. Тем более, что издано у нас по соседству — в Одессе. Слушай, Петро, что это за жена Есенина?

— Сам не знаю. Когда я жил на старой квартире, работаю у нас участковым лейтенант милиции. Мужик бравый, грамотный. Встречаю его на днях. Куда, спрашиваю, идешь? Жене Есенина, говорит, коробку конфет по случаю праздника купить. У меня даже глаза на лоб полезли: как жене Есенина, разве жива она?! Да, отвечает, жива — бывшая артистка. И книги, и фотографии Есенина бережет. Сам видел!

— Разыграл он тебя.

— Нет, Дмитрий. За него ручаюсь — не такой. Меня разыгрывать не станет. Говорит, она с сестрой в новом

районе квартиру получила. До этого жила на улице Качалова. Дом снесли...

— Не Зинаида Райх? — спросил я, вспомнив известную артистку, жену Есенина.

— Нет, другая фамилия. Да вот, я записал.

Он достал блокнот, полистал. Вырвал листочек.

— Передай о ней Володе. Может, ему нужно будет. И книги. У знакомых добыл. Ведь я почему вас телеграммой не вызвал? Как-то дико звучит: приезжайте, нашел жену Есенина. Скажут на телеграфе, с ума сошел на старости лет!

На следующий день электричкой я выехал из Москвы.

Добираться пришлось не легко. В Ростове-Ярославском пересел с поезда на автобус до Борисоглебских слобод. Тут, в райцентре, дожидаясь другого автобуса, походил, побывал в старинном монастыре. А потом на скрипящем всеми частями попутном грузовике ехал в глубь района до села Осипово, которое и на картах-то Ярославской области, как я убедился позднее, не обозначено!

Вышел, оглянулся. Дорога — на Углич, дорога — на Ростов-Ярославский. В обе стороны — проселки. Спросил какого-то старика, где тропинка в Жадимирово.

— Вон туда, родной. Обогнешь лесок и все по косогорку, по косогору вверх забирайся. Там и деревня видна. Кого тебе надобно-то? Там жилые дворы по пальцам перечесть.

— Соломина, Николая Александровича.

— А, Николая! К нему братец родной наемни приехали. Уже у нас, в Осипове, побывали. Ученый человек, братец-то. Все книжки какие-то в домах спрашивает. А какие тут книжки? Это, скажу, тебе, не город...

Я не знал, как и отделаться от словоохотливого старика. Наконец, поблагодарил и простился.

Шел, вдыхал аромат лесов, полей. Думал о том, что иногда необходимо человеку вот так уйти от ускоренных ритмов жизни, нервных встрясок, городской суеты. Хоть на короткое время вернуться в лоно матери-природы!

Бреду по тропинке, слушаю щебет птиц, стрекот кузнечиков — особенную музыку, успокаивающую после большой дороги. И все, что сейчас меня окружает, кажется мне не чем иным, как Вечностью. И тут же мысль: все это так близко мне, и не так уж важно Владимиру Александровичу, сыну больших городов. Почему? Ведь мы оба родились в городе; шесть десятков лет живем в городе; город нас кормит, поит, развлекает. Он дает нам работу. Но одному го-

род — как воздух, а другого — утомляет. Отчего? Может, в биологической природе человека заключена сия загадка?..

Мои мысли прервал голос за спиной:

— В Жадимирово? Ставьте чемодан на багажник.

Обернулся. Человек невысокого роста. Мускулистый, с обветренным лицом. Придерживает за руль велосипед. Не спрашивая согласия, тут же пристраивает мой чемодан на багажник. И вот мы не спеша идем по тропинке к пригорку.

— Я да еще Никола Соломин, мы тут на все руки мастера. Он любой трактор на ноги поставит, всякая машина у него на ходу. А у меня шесть деревень вот здесь.

И он ребром ладони постукал свою загорелую шею.

— Как это шесть деревень?

— Электро- и радиопроводка на мне висит. Мотаюсь по заявкам: где замкнуло, где разомкнуло, а где и вообще оборвалось! Хотел было в отпуск с детишками на море, и жену настроил. А мне, как здравствуйте: профилактический осмотр радиоточек. Нашли когда! Ищи, говорят, замену, если в отпуск хочешь. А кто заменит? Каждая пара рук на счету! Чорт бы их побрал, эти радио да электро. В селах остались одни старики да старухи. Сидели бы с керосином, как при царе Горохе. А то, что ни дом, то телевизор да радио им подавай. Электроплиток, кипятильников понакупали. Все избы проводами, как тенетом, опутали. А где провода сейчас для замены возьмешь? На базе? На-кось, выкуси!

Монтер явно был под хмельком. Правда, судя по всему, мастер на селе нужный: пальцы в ссадинах, загребистые ладони в засвинцованных мозолях. Руль велосипеда обвешан мотками проволоки, на раме сумка с гвоздями, паяльник, рабочий чемоданчик!..

Владимир Александрович и его брат заметили нас издали, когда мы поднимались по косогору. Поспешили навстречу. И вот сидим за столом, пригласив электромонтера. Я выставляю привезенную из Москвы бутылку «Столичной», колбасу, консервы. Владимир Александрович раскрывает пачку натурального кофе и не спускает глаз с «Энциклопедического словаря» Павленкова, приговаривая: «Слышали про такой, слышали!». Потом с немым восхищением рассматривает «Путешествие вокруг света на корабле Бигль» Чарльза Дарвина.

— Ну а как с женой Есенина? Которая из них Якубовскому приглянулась: Изряднова? Райх, Айседора Дункан воскресла? Ну конечно же, внучка Льва Толстого, Софья Андреевна!

— Будет тебе смеяться. Я сам не верил. Но больно уж правдиво рассказано.

— Правдивость часто бывает подозрительна. Особенно когда приводят массу мелких деталей и всеми силами стараются тебя убедить в чем-то.

— Почему?

— Тот, кто убеждает, от частого пересказа начинает верить в свою выдумку. Для него она становится как бы абсолютной реальностью. Кстати, как фамилия жены-то Есенина?

— Вот Петр на листочке записал. Миклашевская, бывшая артистка.

Владимир Александрович вдруг посерьезнел.

— Неужели, жива? Августа Миклашевская? Ай, ай, ай! У этой, пожалуй, и книги, и есенинские рукописи есть, хотя женой Есенина и не была...

Он рассказывал о Есенине, о его дружбе с Миклашевской. Брат с электриком между тем договаривались о каких-то прокладках, изоляторах, электрокабеле. Чадили сигаретами, чокались стаканами за наше с Владимиром Александровичем здоровье.

Потом мы втроем провожали Михаила. Владимир Александрович крепко-накрепко привязал к багажнику сверток с московскими гостинцами для его жены и детишек. Наш электрик, хотя и пошатывался, но браво вскочил на свой велосипед и закрутил педалями.

Немного спустя уехал на своем велосипеде в совхоз и Николай. А мы с Владимиром Александровичем решили пройти по деревне.

— Когда-то было это Жадимирово большим селом. А сейчас, видишь, кто заколотил свой дом, а кто по бревну раскатал и в совхоз вывез. Из семидесяти дворов двенадцать осталось. Вспашут здесь скоро все. Видишь, вон то поле на пригорке? Там тоже деревушка была, называлась Негодяевка. А сейчас, как во чистом поле!

— Ну а с книгами как здесь?

Владимир Александрович нахмурился. Тяжело вздохнул:

— За четыре дня, считай, ничего не нашел. Брат только принес из Осипова пяток детских учебников да одну «Псалтырь» без начала и конца. Понимаешь, в чем беда: избы заколочены — не будешь в чужие окна лазить. Где живут, там и поспрашивал. Одно и то же твердят: книжек не водится! Съезжу завтра в Углич: нет ли у врачей, учителей. Надо нам с тобой закругляться да в Москву. Как она

там, мать городов русских поживает? А книжку Петро удружил нам любопытную, хотя ни научной, ни издательско-полиграфической ценности не представляет. Сегодня вечером сяду и попробую о ней написать заметку хотя бы в одесскую «Черноморскую коммуну» — она же там издана! Рука стосковалась по перу...

— Издатель книжки М. Козман, в Одессе. Ты о нем что знаешь?

— Маловато. Несколько изданий у меня дома есть. Одно редчайшее — портрет Льва Толстого, в который вписана «Крейцера соната». Это он издал в 1900 году. Через Одесскую цензуру протасил!

— Как же ты намереваешься писать, когда мало знаешь о книге?

— Обрати внимание, многие вопросы, которые тебе кто-либо задает, уже содержат в себе ответы. Они скрыты как бы внутри. Так и книги. В иной найдешь все, что тебе надо. Будь только повнимательней. Ну а чего не хватит, восполним позднее. А ты знаешь, я в Кишиневе нашел экземпляр книги Гончарова «Фрегат «Паллада» с его автографом.

— В Кишиневе?!

— Представь себе. Выпал просто-напросто счастливый случай.

И Владимир Александрович стал рассказывать в своей излюбленной манере — словно публичную лекцию.

— В октябре 1852 года из Кронштадта вышел военный фрегат «Паллада». Он должен был обойти Европу, обогнуть с юга Африку, Индию, обойти Китай и прибыть к островам Японии. Молодой писатель Иван Александрович Гончаров был назначен секретарем экспедиции.

Шумный Лондон. Людские толпы. Гончаров ходит по улицам, подолгу стоит на перекрестках, вбирая в себя звуки чужого языка. Тройная лента движущихся экипажей; феерия впечатлений! А потом Мальта, Сингапур, Шанхай, Гонконг, Огненная Земля, Ява, берега Кореи. Гигантские волны, бронзовые тела туземцев; пальмы, густые туманы, тропические ливни — все поворачивалось, сменяло друг друга в гигантском калейдоскопе. И Гончаров понимал: жизнь прекрасна, когда можешь путешествовать!

Два года непрерывного путешествия наполнили жизнь Ивана Александровича новыми впечатлениями. И вот он снова в Петербурге, часами сидит за письменным столом, воскрешает в памяти то, о чем хочет рассказать...

Мы, конечно, не знаем, о чем думал Гончаров, приняв в

1858 году из типографии свою книгу очерков «Фрегат «Паллада». Может, пальцы его ласково поглаживали шершавую обложку? Или он беспокоился: а как примут книгу читатели? Ведь она — не плод великих научных открытий и не авантюрный роман с африканскими страстями и ужасами людоедства!

И представляешь, книгу раскупили за один месяц. Через год вышло второе издание, за ним — третье. Семь раз выпускали книгу при жизни автора, и каждое издание раскупалось моментально!

И вот на одном томе, 1858 года, издания А. И. Глазунова, он оставил автограф в несколько слов:

«Николаю Петровичу Степанову в знак уважения от автора.

17 октября 1858 года».

Эту книгу принес мне художник журнала «Молдова» Василий Прокофьевич Дементьев. Он рассказал, что когда в Астрахани умер его отец, то после него осталось много старых книг, так как он был библиофилом-коллекционером. Ну вот эта книга и перешла к Василию Прокофьевичу по наследству. А кто такой Степанов, он не знает.

Долго я старался разгадать тайну автографа. Пересмотрел все воспоминания о Гончарове, перелистал справочники, указатели. Разыскал дюжину Степановых: издателя, артиста, правоведа, художника, ротного командира, других, с кем встречался Гончаров. Был даже писатель Александр Петрович Степанов (уж не брат ли Николая Петровича?!), артист Петр Гаврилович Степанов (уж не его ли отец?!). Так до сих пор и не разгадал тайну этого автографа...

Владимир Александрович замолчал. Потом вдруг объявил:

— Пойдем на наш сеновал.

— И здесь на сеновал!— засмеялся я.

— А ты чего захотел, в библиотеку имени Ленина, что ли? У брата моего не сеновал, а сеновалище! Коровы нет, а сено запасает — в свободное время косит на неудобьях, сушит и в совхоз продает!

— Пойдет. А по пути Расскажи о том самом словаре Павленкова.

— Словарь как словарь — маленькая энциклопедия. Честно говоря, истории его не знаю. Ценного для меня в нем — справки о городах Молдавии: Бендерах, Бельцах, Тирасполе. Ну и конечно, о Кишиневе. А вот об издателе скажу — фигура потрясающая. Помнишь, я тебе рассказывал, какую шутку он проделал с полицейским в Вятке?

— Это когда он тайно ездил в Петербург, а вечерами в

его комнате прохаживался за освещенной шторой сын хозяйки квартиры?

— Да, я его жизнью интересовался, когда работал для газеты над очерком о сочинениях Писарева. Дело в том, что именно Писарев-то и был его «конек». Еще когда великого критика заключили в Петропавловскую крепость, Павленков стал договариваться с ним об издании сочинений. Решил их выпускать в десяти частях.

Первая часть прошла сравнительно благополучно — отпечатали три тысячи экземпляров. Но со второй частью получилась загвоздка. Павленков и ее отпечатал таким же тиражом. Но цензоры вдруг решили, что статьи «Русский Дон-Кихот» и «Бедная русская мысль» пропускать нельзя. Издатель оказался на скамье подсудимых. Защищался, правда, блестяще; скорее, сам нападал. Доводы были настолько неоспоримы, что его оправдали. Правда, прокурор потребовал пересмотра дела. Шесть сенаторов, наконец, вынесли определение: Павленкова от наказания освободить, а статью «Бедная русская мысль» из книги Писарева изъять и уничтожить.

Но находчивый издатель изыскал все же способ донести до читателей статью Писарева. Никто и не догадывался, что он задумал. Он пригласил на судебное заседание стенографиста, который записывал и речь прокурора, и речь защитника. А так как они в своих выступлениях приводили обширные цитаты из крамольной статьи Писарева, то по существу вся «Бедная русская мысль» была воспроизведена. Процессы гласного суда печатались тогда без прохождения цензуры. Павленков воспользовался этим и ввел стенографический отчет в специальный дополнительный том собрания сочинений Писарева, а статью назвал — «Литературный процесс по 2-й части «Сочинений Д. И. Писарева»!

— Знаешь, — заметил я, — видел я в Кишиневском мединституте или в библиотеке медработников тома Писарева, а дополнительного выпуска, кажется, не было.

— Шеститомник издавался для того времени довольно большими тиражами и к тому же несколько раз. Вот потому эти книги можно встретить в букинистических магазинах, в библиотеках. А «дополнительный выпуск» в шеститомнике найти трудно. Приедем домой, покажу его тебе. Помнишь, Ольга Николаевна Эрсберг прислала мне в подарок из Ленинграда несколько редких книг из библиотеки своего отца?

— Там еще был томик «Путевые письма из Англии,

Германии и Франции» Николая Греча? Ими еще заинтересовался местный филателист Владимир Игнатьевич Удодов. Хоть ты и неприязненно относишься к «марочникам», но этого даже старыми конвертами иногда снабжаешь?!

— Он любит книгу, сам переплетает с любовью. К тому же и читает много. Так вот ленинградка Арсберг и прислала мне как-то «дополнительный выпуск» к сочинениям Писарева, изданный Павленковым.

Мы шли молча, думая каждый о своем. Я вспоминал, как мы посетили Удодовых, просмотрели коллекцию его марок. Помню, Владимир Александрович с ходу предложил ему: подбери, мол, коллекцию на тему — книга в почтовой марке. Владимир Игнатьевич обещал выполнить такое, но все что-то оттягивает.

Шли задумавшись.

— О чем думаешь? — спросил я осторожно.

— Не выходит из головы эта Миклашевская.

— Съезди в Москву. Здесь от Ростова три часа пути. За день-два обернешься. А если надо, в Ленинке поработаешь.

— Да нет, скоро совсем отсюда уедем. Честно говоря, ожидал я большего...

Утомленный поездкой, я забрался на сеновал и тут же заснул, как убитый. Владимир Александрович отправился варить свой кофе и писать очерк. А утром меня ожидал сюрприз.

Спустившись с сеновала и войдя в избу, я заметил на столе исписанные листы и несколько слов на клочке бумаги:

«Д. Н! Не выдержал, еду к Миклашевской. Поедайте с Николаем все припасы, через четыре дня привезу из Москвы новые. Привет!»

Мне оставалось только улыбнуться и сесть завтракать. Сколько раз выкидывал он такие штуки! От человека, помещанного на своей работе, всегда можно ожидать любого казуса, который никак не укладывается в привычную логическую цепь поступков нормального человека! Правда, на этот раз я вполне понимал и его состояние, и логику поступка: поиски здесь не особенно удачны, а Москва под боком. Да еще и эта Миклашевская, как навязчивая идея идет по пятам.

Не торопясь завтракал, поглядывая в окно. Тихий ветерок лениво шевелил листву сирени; по дорожке без боязни шествовал кот, неся в зубах полевую мышь. И тишина, тишина, тишина...

В сенях хлопнула дверь. Вошел вчерашний электрик Михаил. Хмурый, невыспавшийся.

— Здравствуйте, Владимир Александрович дома?

— В Москву уехал. Хотите чаю?

— Неплохо после вчерашнего и чайку. А то в горле сухота.

— Садитесь, сейчас готов будет.

Михаил вынул из кармана пиджака книжечку. Протянул мне.

— Вчера Владимир Александрович так хорошо о старых книжках говорил. Я утром вспомнил: есть одна.

Как-то менял в соседнем сельсовете проводку, лежит в кладовке всякий хлам. Вижу, книжка в пыли. Вот и подобрал. Тут песни, их в старину пели.

Я и сам видел, что это старый песенник. А название-то какое: «Солнце всходит и заходит!» Выпущен в Москве Евдокией Коноваловой, в 1907 году. На титульном листе — эпиграф из Горького:

«Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно, дни и ночи часовые стерегут мое окно...» Приедет Владимир Александрович, расспрошу его об этой книжечке. Может, что и знает.

Михаил выпил пару стаканов крепкого чая, взбодрился. Я вышел проводить его. Но только он вскочил на велосипед, как в голову мне неожиданно пришла счастливая мысль...

С этой минуты жизнь наша в Жадимирове приобрела совсем другое направление!..

7

Через пять дней к обеду возвратился Владимир Александрович. Бодрый, веселый — словно заново родился!

— Да, Москва — есть Москва. Ни одним городом не заменишь!

— Ты мне не о Москве, а о жене Есенина рассказывай!

— Как ни странно, все оказалось правдой. Только Августа Леонидовна не жена, а друг Есенина. В ранг жены возвел ее тот участковый!

Отыскал я ее в новом районе. Пригласила в комнату. Как вошел, так сразу увидел: живет она словно бы в двух временах — в прошедшем и в настоящем. Я и до этого замечал, так живут очень старые люди. У них собирается масса вещей, которые уже ушли из нашего быта, стали анахронизмом: стеклянные вазочки, кружевные салфеточки, вязаная скатерть, прадедовский буфет или диван, масса мелких статуэток. Как ни упрашивайте, старики не расстанутся с этими символами своего прошлого! С ними уживаются и современные вещи: телевизор, транзистор. Правда, квартира Августины Леонидовны меньше всего похожа на музей или антикварный магазин. Все эти вещи не дань какой-то старинной моде и не результат кропотливых поисков коллекционера. Это ее собственная жизнь. И портреты на стенах ушедших современников для нее не коллекция, а частичка жизни. Блок, Маяковский, Цветаева, Брюсов, Комиссаржевская, Станиславский, Качалов — все они ее знакомые, друзья. С одними встречалась на репетициях, на вечерах; другие смотрели ее в театре; третьи писали ей письма, передавали через друзей приветы. А с Есениным они познакомились у Анатолия Мариенгофа. Вскоре после первого знакомства Есенин уже писал ей:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить...

Он был влюблен в нее, звал ласково — Гутя. Каждое новое стихотворение посвящал ей. Я переснял титульный лист книги с его надписью:

«Милой Августе Леонидовне со всеми нежными чувствами, которые выражены в этой книге. С. Есенин, 24.3.25. Москва».

— И сколько же ей лет?

— Она старше Есенина на четыре года. Сейчас восемьдесят три*. Но и в таком возрасте она не потеряла прежнего обаяния: хорошо поставленный голос, живые карие глаза, прекрасная память. Я спросил ее: о чем вы беседовали с Есениным? Отвечает: мне, мол, нравилось не столько разговаривать с ним, сколько слушать его беседы с интерес-

* Августа Леонидовна Миклашевская умерла в 1984 году.

ными людьми, например, с журналистом Михаилом Кольцовым. Меня всегда поражало: как при такой безалаберной жизни да к тому же с малым образованием Есенин поразительно много знал: произведения классиков, современную литературу. Удивляла его ненасытная жажда знаний.

Потом она показала мне альбом с фотографиями, вспомнила о своем знакомстве с Маяковским, Качаловым. Я рассказал, как мне выдали ее за «жену Есенина». Она засмеялась и заметила.

— Это, не сомневаюсь, наш участковый. Он, как мы переехали, пришел, стучит:

— Где здесь жена Есенина?

Я говорю ему:

— Нет жены. — Я — его близкая знакомая.

— Я, — говорит, — ваш участковый, пришел познакомиться.

Сидел, читал стихи Есенина. А потом стал посылать ко мне школьников, чтоб в хозяйстве помогали!

Кстати, Августа Леонидовна показала мне несколько интересных книг. Я, конечно, переснял надписи. Вот так, Дмитрий Николаевич, и прошла наша встреча.

Пока он рассказывал, выпил две кружки кофе.

— А как ты без меня тут время провел? Природой досталь налюбовался?

— Некогда было природой-то наслаждаться. Книги разыскивал по деревням, — ответил я спокойно.

— Представляю твои находки, — пошутил он с теплой иронией. — До Москвы не довезем, надорвемся!

Словно не замечая его иронического тона, я продолжал еще спокойнее:

— Сам боюсь, что не довезем. Придется часть посылками отправлять. Да ты зайди в чулан. Они там стопками лежат.

— Бедные, бедные! Зачем ты их в темноту? На свет бы надо!

— Я свет туда провел. Выключатель сбоку, слева. Иди, а я свой чай пока допью.

Видно, до конца роль равнодушно-спокойного мне выдержать не удалось. Владимир Александрович уловил это в моем голосе, в отведенных в сторону глазах. Подозрительно покосился и отправился в чулан.

Минута... три, пять. Он не появляется. Тут уж и я не выдержал.

Он сидел на корточках и перебирал книги, журналы.

Выпрямился и уставился на меня, словно привидение увидел.

— Ты, ты... Как удалось?

И я рассказал ему, что произошло в тот день, когда он сбежал от меня в Москву.

... Счастливые решения, мне кажется, чаще всего приходят не вследствие глубоких обдумываний, а неожиданно. Достаточно маленькой искорки извне, беглого намека со стороны. Так получилось со мною.

Михаил вспрыгивает на велосипед. Мой глаз выхватывает моток провода на руле. Значит, едет кому-то менять проводку. Я держу в руке старенький песенник. В сознании его фраза: «...лежит в кладовке всякий хлам, вижу, книжка в пыли».

— Михаил! Подожди минутку. Ты говорил, отпуска не дают, пока замену не найдешь?

— Да, а что?

— На пару недель я тебя освобожу, поработаю.

— Вы?! Да вы... вы отвертку каким концом...

— Хватит. В армии я был авиамехаником по приборам, в радио разбираюсь не хуже, чем ты в своем велосипеде. А после войны в Донбассе два поселка радиофицировал. Так что... Едем в сельсовет!

Владимир Александрович слушал, покачивал головой.

— В общем, начальство видит, я не мальчишка. Предъявил им свои пенсионные документы, паспорт. Оформили меня временно — на две недели. Михаил передал мне свой велосипед, инструменты. А уж благодарен был! Все боялся, как бы я не передумал! Вот и поехала на велосипедных колесах моя электрорадиомонтерская жизнь!

— Подожди, подожди. Это хоть и в высшей степени любопытно, однако, книги-то как у тебя оказались?

— А вот намекнул я в сельсовете: много, мол, брошенных дворов по деревням, изб, оставленных хозяевами. Окна повывбиты, полов нет, кое-где двери сняты. А выключатели, изоляторы, патроны, провода — везде целехоньки. Избы не сегодня, так завтра снесете. Почему же все, что получше, не использовать вторично? Согласились. Даже школьников в помощь хотели дать. Тут я на дыбы: обойдусь сам! И пошло дело. В брошенных домах снимаю проводку, изоляторы, выключатели, патроны. А заодно в чулан, на чердак загляну, мышей во все стороны поразгоняю! В жилых домах тоже на чердак наведуясь — для осмотра проводки, для профилактики: не оголился ли где провод. А книжку замечу, у хозяев дипломатично попрошу. Так ска-

зять, вместо гонорара. Правда, норовят больше стаканом водки оплатить работу, чем старой книжкой! Да вот тебе для примера, сегодняшним утром у старика в Осипове побывал. Подъезжаю. Ставлю велосипед.

— Вы Говорухин?

— Мы, мы, батюшка. А что надобно?

— Жаловались, что свет плохой, лампочка мигает и гаснет? Я новый электрик, вместо Михаила.

Зашел в избу. Посмотрел. Дело в патроне — клеммы отходят. Но не тороплюсь исправлять.

— Дедушка, где у тебя ход на чердак?

— Да там в пыли, дорогой товарищ, увязнешь. Тенето одно.

Ползаю по чердаку. Освещаю все углы фонариком. Тут и стулья сломанные, и голенища от валенок, изношенной обуви на целый полк, икона в окладе. Глядь, а на старой коробке какие-то газеты, под ними две книжки. Вот эти. Сдуваю пыль, беру и спускаюсь. С патроном возни пять минут — оттянул клеммы, лампочка горит, не мигает. Дед не знает, как и благодарить. А я свое: дедушка, вот у тебя на чердаке две старые книжки заметил — не отдашь ли?

— С радостью, сынок, с радостью. Да что книжки, мы сейчас с тобой...

Вижу, рука к шкафчику тянется.

— Нет, нет, дедушка. Работа — есть работа. У меня вызов на вызове!

Книги на багажник и к другой избе. Не в каждой, конечно, книжки находятся. Через две в третьей, а то и в пятой. А в одном брошенном доме проводку снимал, так в сарае штук двадцать книг валялось — вон та стопка! Жаль только, мыши переплеты погрызли...

Во время моего рассказа Владимир Александрович молчал и только головой из стороны в сторону покачивал.

— В общем, рассматривай, сортируй, а у меня обеденный перерыв кончается. Еще четыре заявки да в совхоз за электролампочками надо съездить. К вечеру встречай. И чтоб закуска была первый сорт.

Теперь каждый раз к вечеру Владимир Александрович выходил из дома, спускался вниз по тропе — встречал меня с работы. Я возвращался усталый, но довольный. Не раз замечал: человеку может доставлять удовлетворение не только результат, но и сам процесс работы, если она, разумеется, по душе.

Завидев его издали, я делал знаки рукой, кивал головой:

книги везу! Мы прислоняли велосипед к дереву, я снимал с багажника сумку, доставал свою добычу.

— Вот учебник логики. Поменял два патрона в одном доме. Спрашиваю хозяина, есть ли старые книги. Были, говорит, на чердаке. Поднялся он туда по лесенке из чулана, а я стою и думаю: отыщет ли? Спускается, ступеньки скрипят. В руке покачивается пачка, перевязанная пеньковой веревкой, вся в пыли. Раложили мы книжки на столе. Все учебники пятилетней давности. Их оставил, а вот эти две взял —

«Г. Струве, Элементарная логика. Учебник для преподавания и самообучения, одобренный ученым комитетом Министерства Народного Просвещения и Святейшим Синодом как руководство для гимназий и духовных семинарий. Изд. 5-е, Варшава, 1881».

Мы тут же перелистали книжку.

— Точно такой же вот учебник,— заметил Владимир Александрович,— был в руках Владимира Ульянова, когда он обучался в Симбирской гимназии. Он как-то заявил прямо на уроке: учебник логики не соответствует развитию правильного мышления, а, наоборот, задерживает и туманит его! За это директор гимназии, Керенский, который преподавал логику, вплепил ему «четверку». И представляешь, за все годы учебы в гимназии это была у Владимира Ильича единственная «четверка»!

— Фамилия директора гимназии — Керенский?

— Да, отец будущего эсера, главы Временного правительства. Вот такова, дорогой, «логика» жизни!

— Вторая книга тоже учебник, только без обложки,— подсказал я.

— Это букварь. Автор Вахтеров. Он одно время был инспектором народных училищ Смоленской губернии, а затем Москвы. Вот тогда-то и создал этот букварь и несколько книг для чтения. Его учебники и буквари издавал многократно Сытин. Кстати, знаешь, почему именно в этой стороне в деревнях попадаете так много старых учебников, книг для чтения? На Дону, на Украине встретишь куда меньше, а в Молдавии и подавно.

— Этого я не знал.

— Крестьяне центральных губерний еще со времен крепостного права занимались отходным промыслом. Полоски тощей земли не могли прокормить большие семейства. Потому многие не отработывали барщину, а уходили на заработки, помещику же платили оброк. Бывало, и откупались на волю. Каждая деревня занималась каким-либо

одним промыслом — печники, богомазы, шорники, кровельщики. Есть под Ярославлем в Даниловском районе одна деревушка Свечкино, так из нее шли во все стороны первоклассные лепщики. Из этих мест вышел и знаменитый Опекушин, автор памятника Пушкину в Москве. Так что отходничество способствовало развитию грамотности, образования. Потому не удивительно, чуть не в каждой избе находишь здесь старые книжки. Как-нибудь на досуге почитай воспоминания книгоиздателя Федора Григорьевича Шилова «Записки старого книжника». Он об этом очень хорошо рассказывает. Переписывался я со стариком, несколько каталогов его разыскал. А однажды и познакомился лично в Ленинграде. Как-нибудь расскажу об этом...

Уже темнеет. Мыдвигаемся к дому.

День шел за днем. А однажды случилось то, чего и предполагать мы не могли.

Проводил я одной колхознице из полеводческой бригады свет в горнице. Обратил внимание на оторвавшуюся от стены полоску обоев. Под ними то ли для тепла, то ли по какой другой причине, на щелях между досками подложены свернутые листы какой-то газеты. Я еще чуть отогнул доску выцветших обоев и увидел заголовок — «Московские ведомости». Особенно поразила дата — 1830-й год!

Пообещал хозяевам закончить работу завтра, сел на велосипед и быстренько к Владимиру Александровичу держать совет: под каким предлогом изъять газеты из-под

обоев. А вдруг хозяин не согласится? Тут же решили, что Владимир Александрович съездит в Углич, купит пять рулонов новеньких обоев. С ними и явлюсь к хозяину.

На следующий день в той самой горнице мы втроем осторожно снимали старые обои, выбирали из-под них листы «Московских ведомостей». Потом Владимир Александрович помог хозяину оклеить горницу, а я провел туда свет.

— Вот и гадай, какая неожиданность подстергает! — заметил я, разглаживая и подбирая вечером один к другому листы «Московских ведомостей», как видно, из бывшей подшивки.

— Знаешь, это напоминает мне один случай. Здесь, километрах в пятидесяти, село Спасское, бывшее имение матери Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, Ольги Михайловны. Так вот в Спасском случайно обнаружили избу, стены которой были оклеены бумагами семейного архива Салтыковых, даже письмами самого Михаила Евграфовича. Жила в этой избе крестьянка Прасковья Грязнова, а до нее там была баня помещиков Салтыковых! Кстати, когда приехали два московских литератора, то Грязнова принесла им с сеновала остатки бумаги — более двадцати писем Салтыкова-Щедрина, большую переписку его братьев, сестер, документы по имению!

— Вот бы где нам побывать!

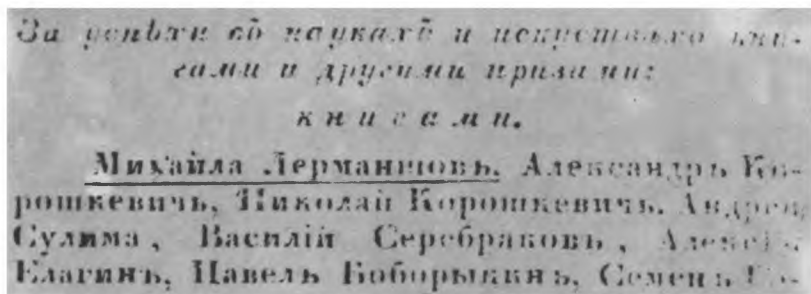
— Не стоит. До нас все излазили, исползали... А впрочем, в Заозорье надо бы съездить. Это основная вотчина Салтыковых. В «Пошехонской старине» он назвал село Заболотьем. До Салтыковых этими деревнями и селами владели князья Волконские, а после них князья Ланские. Причем, Варвара Ланская, в девичестве Одоевская, — тетка знаменитого поэта-декабриста Александра Одоевского!.. Не с этих ли времен сохранились газеты? Тридцатые годы прошлого века...

— А когда начали выходить эти «Московские ведомости»?

— Как открылся в Москве университет, в 1755 году. Ему и было дано право выпускать эту газету. Печатали в основном царские указы, постановления; многое перепечатывалось из «Санкт-Петербургских ведомостей». Иногда информация была довольно разнообразна, вплоть до бытовых. Да вот, посмотри эти номера. Видишь, здесь, внизу, о погибших на море судах, а тут археологические находки. Подожди-ка... Вот любопытнейшая заметка!

Он указал мне кусочек текста. В газете от 3 мая 1830 года приводились фамилии воспитанников Университет-

ского пансиона. Одна графа называлась — «За успехи в науках и искусствах награждаются книгами и другими призами». Первым в этом списке был упомянут Михаил Юрьевич Лермонтов!

— Представляю, как обрадовались бы в музее Лермонтова, под стекло бы поместили этот лист!..

А через день ждала нас еще большая удача. Подвешивал я в одном совхозном доме люстру. Вижу, в шкафу среди новых книг стоит «Энциклопедический словарь бр. Гранат».

Пристроил плафоны, подсоединил провода, поменял выключатель. Говорю дипломатично хозяйке:

— Зачем старая книга среди новых? Продали бы или обменяли.

— От покойного отца, единственная память. Любил он книги. Как ушел из Жадиминова на войну в сорок первом, так и пропал без вести.

— Понятно... Отцовскую память надо чтить. А много книг у него было?

— Целая этажерка. И на ней еще до потолка. Сестра весной увезла в Калязин. Говорит, в библиотеку сдам, чего им тут валяться.

После работы я ехал домой, записав калязинский адрес. Снова «военный совет».

— Надо немедленно ехать. Это пара часов от Осипова по шоссе на попутных машинах. Можно и через Углич. Чует мое сердце, там что-то да есть,— сказал Владимир Александрович.

На следующее утро он уехал в Калязин. К вечеру возвратился с пачечкой книг и томом «Энциклопедического словаря бр. Гранат». Оригинальная обложка, шмуцтитул, выполненный Леонидом Осиповичем Пастернаком, отцом известного писателя.

— Немного, но основательно. Жаль, не успел, она кое-что уже распродала. А это — остатки.

— И не грызет тебе сердце... ведь все-таки отцовская память?

— Человек человеку — рознь, Дмитрий Николаевич. Та, из совхоза, тебя чуть не выгнала, когда намекнул, чтобы продала отцовскую книгу! А эта? Пять рублей в зубы, книгу — в руки и — спасибочки! Все равно ей эта книга не ко двору.

— Да у тебя дома весь словарь Гранат стоит. Зачем тебе еще и этот 28-й том? На обмен?

— Э-э-э! Придет время, в музее выставлять будут. Я его в Шушенское подарю, там в экспозиции пусть поместят. Раскроют вот на этой странице.

Он полистал. Положил книгу передо мною.

— Вижу. Статья о Карле Марксе.

— Посмотри в конце, кто автор.

Я перевернул лист — «В. Ильин». Да ведь это же псевдоним Ленина?!

— В том-то и дело, что автор — Ленин. Он писал эту статью в 1914 году. Правда, она помещена здесь не целиком. Редакции из-за цензуры пришлось отказаться от двух разделов: социализм и тактика пролетарской борьбы.

— А сам-то словарь когда начал выходить?

— С 1891 года в Москве. Вначале выпускался в 8—9 томах, а седьмое издание включало 58 томов. Последние тома выходили уже после Октябрьской революции.

— А это что за маленькие книжечки?

— Тоже любопытное издание. Видишь, на обложке — «Книгоиздательство «Полезьа», В. Антик и К°. Москва. Антик — это не марка, а фамилия. Звали Антика — Владимир Морицевич. Он был студентом Московского университета и на последнем курсе основал свое издательство. Его книжечки — «Универсальная библиотека» — были одними из самых популярных в России. Он выпустил более

600 наименований! У меня когда-то была книжечка из «Универсальной библиотеки» — «Слово о полку Игореве», я в школьный музей «Боян» ее подарил. Помнишь, мы с тобой ездили в Белую Калитву?

Он рассказывал об издательстве Антик. О Горьком, который его поддерживал. Я слушал. И в то же время примечал: Соломин чем-то обеспокоен. На мой вопрос, что тревожит его, ответил вопросом:

- Ты люстру вчера в старом доме подвешивал?
- Нет, сравнительно новый, лет пять стоит.
- Не спросил, откуда они переехали?
- Говорит, отца в сорок первом на войну из Жадиминова взяли.

Владимир Александрович сидел на табурете, положив руки на край стола. Что-то обдумывал. Потом сказал:

— В Калязине Елизавета Егоровна мне сообщила, что до войны они жили на краю Жадиминова. Ты знаешь этот дом на отшибе? От него тропа ведет к низине. Большой, в полтора этажа.

— Да. В нем проводку хочу посмотреть. Может, сниму. Я издали заглядывал: дверей и рам нет. Часть печи вид-

неется. Николай говорил, на днях развалит с соседом на топливо.

— Так вой, слушай. Я спросил Елизавету Егоровну, куда делись остальные отцовские книги. Она сказала: что получше было, сестра отобрала, а что похуже — со всяким хламом в сундук побросали...

— И...

— И оставили. Не везти же, говорит старье, на новое место. Выходит, сундук должен быть там?!

Как-то странно было прийти к такой мысли: вот тут у нас под боком, может быть, лежит целая библиотека книг, какие мы по одной-две собираем и радуемся находкам!

Не знаю, как Владимир Александрович, но я ночь спал плохо: грезились сундуки да книги. А с утра, вооружившись топором, клещами, мы отправились к старому дому. Через густой бурьян петляла к нему еле приметная тропинка. Да и она заросла крапивой. С трудом добрались до разбитой двери, переступили через порог.

Полы давно были сняты. Черной пропастью зиял подвал. Из него тянуло прохладой и плесенью. Потолок поддерживали два бревна — подпорки и остатки громоздкой русской печи.

Мы прошли по бревну от дверей к противоположной стене. В могильной тишине, не сговариваясь, молчали или обменивались полупрошептом односложными фразами, словно заговорщики.

— Это там, — кивнул Владимир Александрович на зияющую сверху дыру.

Прислонили к стене доску. Я поднялся, подтянулся на руках и влез. Над головой вправо и влево расходились стропила. Через дырявую крышу кое-где пробивались солнечные лучи и освещали бревна, дымоходы, одетые густым слоем пыли.

Я пробрался к маленькому оконцу. Здесь была светел-

ка — низенькая комнатка. На ум почему-то пришла песня из того сборника — «Солнце всходит и заходит»:

В низенькой светелке огонек горит,
Молодая пряжа у окна сидит...

Откинул ногой ветошь, обрывки обоев, провел пальцем по пыльному стеклу.

— Ну, как?

Шепот Владимира Александровича донесся снизу, словно из преисподней.

— Ничего нет. Спускаюсь.

Я слез. Сели на бревно.

— Что же, и такое бывает. А богато мужик жил. Этот дом, если обновить, сто лет стоял бы!

— Да что тут обновлять. Потолок того и гляди обвалится; комната — как вокзал; печь в пять метров. Вон дверь какая-то — ни к селу, ни к городу.

— Дверь наружу, во двор.

— Что, по-твоему, проход что ли в доме сквозной! — усмехнулся я. — Такого не бывает.

Владимир Александрович встал, прошел по бревну и толкнул дверь. Она надсадно заскрипела.

— Посвети-ка!

Я подошел, нажал кнопку фонарика.

Это была кладовка, забитая остатками рам, досками, рухлядью. Ржавая сетка от койки лежала на окованном жестяными полосами сундуке. Мы глянули друг на друга и одновременно взялись за края сетки. Сняли, прислонили к стене. Владимир Александрович откинул крышку сундука. Я навел фонарик.

— Тут тряпье. Сопрело все.

Он приподнял дырявый половик и...

С минуту мы молча смотрели на сваленные в кучу помятые, потрепанные книги, журналы. Целая библиотека — но в каком виде!

— Сундук нам не вытащить.

Он взял одну книжку. Рукавом пиджака смахнул пыль. Это был переплетенный том — выпуски журнала «Современный мир» 1913 года!

— Будем переносить по частям. И не торопись. Проводку будешь снимать?

— Да ну ее. Тут скорее шею свернешь, чем снимешь. Ты книги перетаскивай на тропинку, а я из дому тележку привезу, на которой Николай сено возит.

— Иди.

Два рейса пришлось проделать к нашему дому, чтоб переправить найденные книги. Потом мы снимали с них пыль, просушивали, приводили в порядок помятые листы. И вот на полу, на подоконниках, на деревянной скамье целая библиотека. Книги по агрономии, географии, по истории, годовые комплекты журналов конца прошлого века. Какие-то «Епархиальные ведомости» в могучем переплете, комплект «Нивы» без переплета, разрозненные номера журнала «Всемирный следопыт». Да разве все перечислишь! Владимир Александрович без усталости перетирает, складывает, аккуратно перевязывает пачки.

— Завтра отправим из Осипова несколько посылок. Оставлять ни листочка не будем!

А через два дня мы поехали в совхоз, Директор пожал нам руки. Обратился ко мне:

— Может, останетесь у нас электриком? Квартиру дадим.

Чтоб не обидеть моего товарища, предложил и ему:

— И вам работу подберем. У меня девчата делопроизводство запустили, а вы, видите, человек грамотный.

Соломин ответил уклончиво:

— Грамотный я. Подумаю...

Я получил причитающуюся мне за две недели зарплату. Мы ее тут же истратили в сельмаге на подарки Николаю, электрику Михаилу, его ребяташкам.

А на следующий день с рюкзаками, набитыми книгами, с чемоданами стояли на косогоре. Позади дремала деревенька Жадимирово. Впереди — большая дорога на Ростов-Великий и Москву. Владимир Александрович приободрился. А мне почему-то взгрустнулось.

— Ну что же, не будем говорить «прощай». До скорого свидания! — произнес он патетически. — В следующем году, может, еще раз побываем.

— Непременно побываем, — подтвердил я, без надежды, что так оно и будет. Вспомнилось сказанное как-то им: не люблю ходить по хоженным дорогам, бывать там, где хоть раз побывал. Тянет на новые места. А что пройденные? Воспоминания — не больше...

СОДЕРЖАНИЕ

Он и его фронтовые друзья	4
У каждой — своя судьба...	58
Тайна книжного знака	93
По следам исчезающих книг110

Борис Дмитриевич Челышев
В ПОИСКАХ ИЧЕЗАЮЩИХ КНИГ

Зав. редакцией Л. Букэтару
Художник Т. Попеску
Художественный редактор В. Качуровский
Корректор В. Помырлян
Технический редактор Г. Андреева
ИБ № 4439

Сдано в набор 4.08.89. Подписано к печати 14.12.89. АБ 02664. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офс. № 2. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл.-печ. листов 9,46. Усл. кр.-отт. 16,18. Уч.-изд. листов 10,13. Тираж 10000. Зак. № 91295. Цена 75 коп.

Издательство «Картя Молдовеняскэ»
Кишинев, пр. Ленина, 180.

Полиграфкомбинат Государственного комитета Молдавской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Кишинев, ул. Берзарина, 35.

Ч 41 **Чельшев Б. Д.**
В поисках исчезающих книг.— Кишинев: Картя
Молдовеняскэ, 1990.— 180 с., илл.
ISBN 5—362—00479—4

Б. Д. Чельшев — автор книг и статей о редких и уникальных изданиях: «В поисках редких книг», «Заманчивые поиски», «В поисках пропавших рукописей» и др. Герой его новой книги — «благородный детектив» — книжный следопыт доцент Соломон. Он занимается поиском и исследованием старинных изданий, в том числе и тех, которых рассказывается о Молдавии — о природе края, народном быте, искусстве. Написанная в форме остросюжетных рассказов книга адресует широкому кругу читателей.

4702010204—097
Ч—————**104—90**
М751(10)—90

ББК 76.

